This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

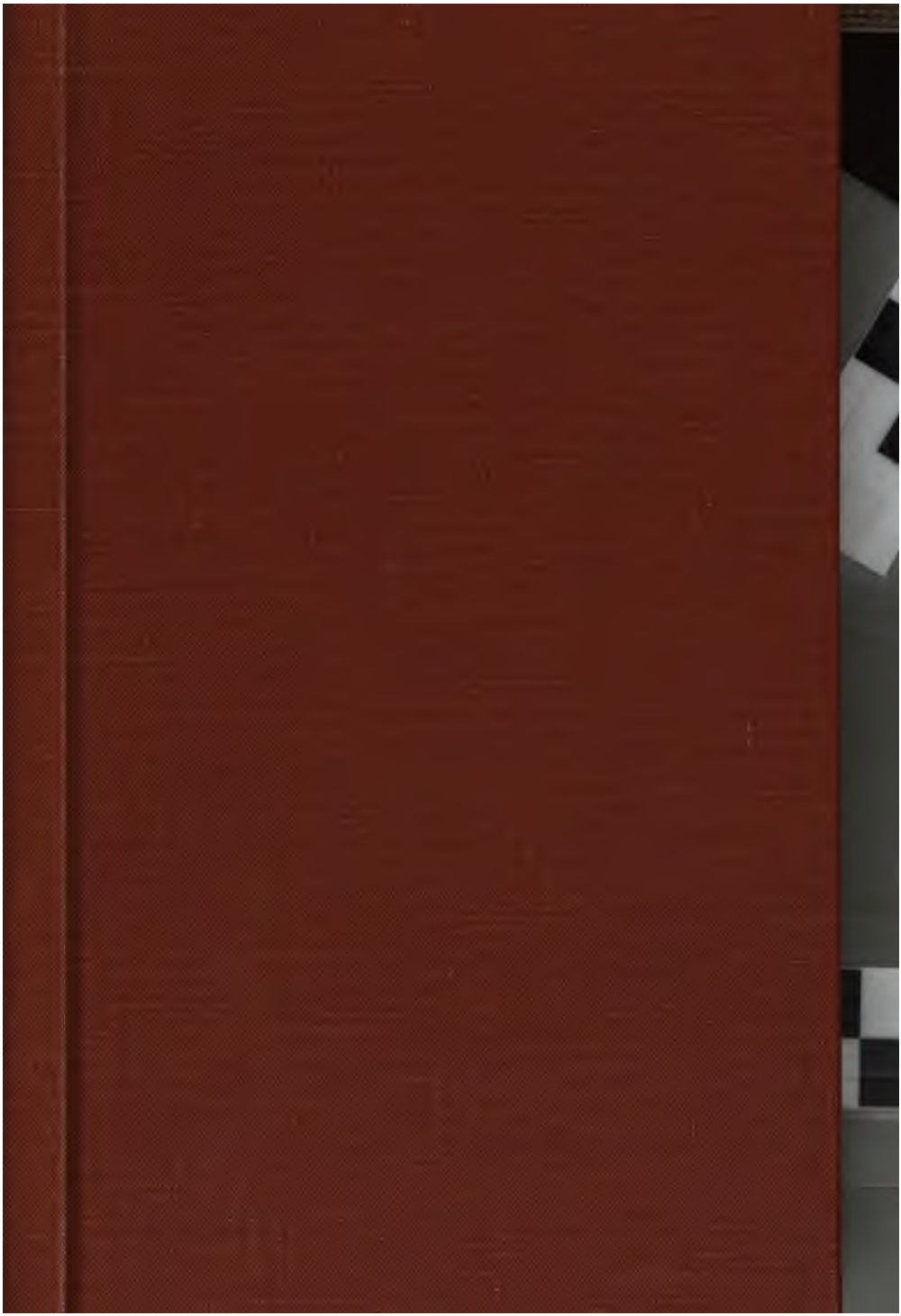
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile of the original book
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

.D45
1838

PG3321
B45
1838
v.8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 11 Мая 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ВЗГЛЯДЪ

на Кавказскихъ водахъ въ 1824 *году.*

— Зачѣмъ отъ насъ могилъ ужасный кладъ
Видѣнія и страхи сторожатъ?

— Вотъ Эльборусъ, сказалъ мнѣ казакъ-извощикъ, указывая плетью на лѣво, когда приближался я къ Кисловодску; и въ самомъ дѣлѣ Кавказъ, дотолѣ задернутый завѣсою тумановъ, открылся передо мною во всей дикой красотѣ, въ грозномъ своемъ величіи.

Сначала трудно было распознать снѣга его съ грядою бѣлыхъ облаковъ, на немъ лежащихъ; но вдругъ дунулъ вѣтеръ — тучи сдвинулись, склубились и полетѣли, расторгались о зубчатые верхи. Солнце западало. Розовый, неизъяснимо прелестный румянецъ таялъ на голубоватыхъ и словно прозрачныхъ льдахъ горнаго гребня, и мимолетные пары, разцвѣчен-

ные всѣми отливами радуги, оживляя ихъ игрою тѣней, придавали еще болѣе очаровательности картинѣ. Я не могъ наглядѣться, не могъ налюбоваться Кавказомъ; я душой понялъ тогда, что горы есть *поэзія природы*. Чувства мои стали чище, думы яснѣе. Я могъ словами поэта сказать тогда:

Тамъ горести, тамъ страсти ядъ нѣмѣетъ,
Тамъ юностью не вянущею вѣетъ,
Забвеніе, цѣлительной рукой,
На сердце льетъ усладу и покой;
Душа слита съ возвышенной природой,
И дышитъ грудь безсмертною свободой!

Но заря догорала. Одинъ за другими, гасли вершины горъ; только двуглавый Эльборусъ сіялъ двумя звѣздами надъ океаномъ тучъ . . . наконецъ и онъ утонулъ во мракѣ. Изрѣдка перепадали крупныя капли дождя; вѣтеръ вздувалъ по степи пыльные столбы, и телѣга моя неслась будто на перегонку съ ними.

— Далеко ли? спросилъ я извощика.

— Полверсты, отвѣчалъ онъ.

Въ тотъ же мигъ сверкнула молнія и озарила передо мной новую станицу Линейскихъ казаковъ, и дальніе домы и домики для пріѣзжихъ на волы. Спѣшить мнѣ было не для

чего, и я рѣшился провести въ Кисловодскѣ день и другой, чтобы удовлетворить любопытству: посмотрѣть общество и увидѣться съ знакомыми.

Зарею барабанъ кремѣлъ и раздавался въ окрестности, когда вошелъ я въ залу гостиницы, гдѣ за ужиннымъ столомъ нашелъ двухъ добрыхъ моихъ пріятелей. Помѣнявшись новостями, и перебравъ по перышку старину, мнѣ досужѣе стало прислушиваться къ общему разговору. Ужинъ кончился, но человѣкъ десять романтиковъ на счетъ покорности къ предписаніямъ Эскулапа, не думали покидать стола, и по числу опустошенныхъ бутылокъ я заключилъ, что Кавказская вода имѣла для нихъ чудесное свойство — возбуждать жажду къ вину.

— Ну, что наши Московскія красавицы? сказалъ молодой человѣкъ въ венгеркѣ, значительно поглядывая на капитана Нижегородскаго драгунскаго полка и капитана гвардіи, между которыми сидѣлъ онъ. Пріятель мой, склонявшій мнѣ имена и качества каждаго, шепнулъ, что это матушкинъ сынокъ, пріѣхавшій сюда изъ бѣлокаменной лечиться отъ засѣки въ карманахъ.

— Милы, какъ всегда, отвѣчалъ гвардеецъ, равнодушно покачиваясь на стулѣ.

ня и рѣдкость, но никогда не можетъ быть диковинкою.

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ, сказалъ толстый Рязанскій помѣщикъ, улыбаясь, какъ воображалъ онъ, очень лукаво.

— Эта пословица мнѣ не сосѣдка, отвѣчалъ усачъ. Я говорю безпристрастно и утверждаю, что на этотъ разъ, обѣ Московскія красавицы милѣе здѣшнихъ Петербургскихъ умницъ въ блузахъ, съ вѣчными разсказами о погодѣ, да поправками адресъ-календаря, милѣе помѣщицъ въ капотахъ, которыя всякаго мужчину принимаютъ, кажется, за амбаръ для складки отчетовъ о винѣ и льнѣ и ячменѣ, о садоводствѣ и скотоводствѣ — въ которомъ не мудрено имъ усѣсть, обращаясь часто со своими супругами! Господа! Здоровье двухъ прекрасныхъ Московокъ!

Видя, что рыцарь разгорячился, собесѣдники, уважая добрый его нравъ, не сочли за благо подстрекать его еще болѣе противорѣчіями. Всѣ напѣнили бокалы и выпили съ ладъ.

— Здоровье прекрасныхъ посѣтительницъ Кавказскихъ водъ, на берегахъ Москвы разцвѣтшихъ! воскликнулъ нѣжный сотрудникъ Дамскаго Журнала, повторяя по своему предложенное здоровье.

— Этотъ же тостъ, въ переводѣ г. Свирѣлкина съ моего бивачнаго языка на языкъ свѣтскій, возразилъ драгунъ: кто не пьетъ — не товарищъ! (пьютъ и чокаются.)

— Между нами, капитанъ, сказалъ ему гвардеецъ: бѣлокурая или черноволосая сестра вамъ болѣе нравится?

— Этотъ же самый вопросъ я дѣлаю самому себѣ 24 раза въ сутки, и до сихъ поръ не добьюсь у своего сердца толку: оно увѣряетъ, что и утренняя и вечерняя заря прелестны. Въ полдень, любуясь нѣжными, небесными глазами и плѣнительною тонкостью лица блондинки, я бы готовъ былъ влѣзть въ ея соломою оплетенный стаканъ, чтобы коснуться розовыхъ губокъ, и потомъ растаять въ кислой водѣ; но при свѣчахъ или при лунномъ сіяніи — пронзительные взоры и пылкій румянецъ брюнетки зажигаютъ меня какъ гранату, и я радъ кинуться на Чеченскія шашки, чтобы до нее прорубиться. Полно-те вздыхать, г. адъютантъ! Чокнемся лучше, да выпьемъ за здоровье прелестнаго румянца нашей богини.

Адъютантъ закраснѣлся и выпилъ.

— Именнымъ бы указомъ запретилъ красавицамъ, у которыхъ въ лицѣ играетъ румянецъ, ѣздить на воды, сказалъ чахоточный

прокуроръ, поправляя въ ухѣ хлопчатую бумагу. Онѣ дѣлаютъ больными здоровыхъ и хѣшаютъ больнымъ выздоравливать.

— Что такъ строго, г. прокуроръ? возразилъ артиллерійскій ремонтеръ обвинителю. Я увѣренъ, что не любовь, а дѣловые экстракты причины вашихъ недуговъ.

— То есть уксусъ, который выжимали вы изъ справокъ, прибавилъ Москвичъ.

— Настоящій vinaigre de quatre voleurs! наддалъ еще драгунскій капитанъ, недавно проигравшій тяжбу и сердитый за то на все канцелярское сѣмя. Излишнее рвеніе повредило ваше здоровье . . .

— Вамъ бы надобно было довольствоваться только запахомъ, а вы хотѣли выпить все до дна, прибавилъ гвардеецъ.

— Господа! отвѣчалъ прокуроръ, поглядывая то на право, то на лѣво, въ нерѣшимости, разсердиться ему или принять градъ насмѣшекъ за шутку; наконецъ онъ разсчиталъ, что послѣднее выгоднѣе. Господа! повторилъ онъ: конечно, мнѣ бы слѣдовало довольствоваться однимъ запахомъ, но тогда я не имѣлъ чести имѣть васъ высокимъ примѣромъ скромности — васъ, которые такъ счастливы въ любви однимъ глядѣньемъ.

— Браво, браво! воскликнули многіе голо-

са сквозь стёкъ. Здоровье больной юстиціи!

И бокалы засверкали донышками.

Въ это время молодой человѣкъ прекрасной наружности, закутанный шалью, который задумчиво сидѣлъ противу меня, и часто съ безпокойствомъ поглядывалъ на часы, всталъ и подошелъ къ окну. Выразительно было блѣдное лицо его, и впалыя черныя очи, казалось, хотѣли проникнуть темноту и дальность.

— Облака заволокаютъ мѣсяцъ, сказалъ онъ вслухъ, но болѣе обращаясь къ самому себѣ, чѣмъ къ обществу; вѣтеръ воетъ и дождь хлещетъ въ окна . . . какъ-то будетъ добраться до дому! Когда вихорь разноситъ пары, то при блескѣ лунномъ порою бѣлѣетъ Эльборусъ, сіяющій въ лонѣ тучъ передъ грозою.

— Покойной ему ночи, сказалъ сосѣдъ мой, отставной полковникъ. Ты, г. докторъ трансцендентальной философіи, навѣрно не будешь встрѣчать такъ равнодушно бурю, какъ онъ въ грозномъ колпакѣ своемъ.

— Конечно нѣтъ, любезный дядюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ — потому, что я не камень. Кавказу полъ-горя носитъ ледяной шлемъ на гранитномъ своемъ черепѣ — у него вся адская кухня грѣетъ внутренности, и, можетъ статься, природа обложила голову его

льдомъ нарочно для умѣренія внутренней горячки съ землетрясеніями; но если бы задумалось повторить такой опытъ надо мною даже и въ припадкѣ безумія — я бы конечно отправился въ Елисейскія поля. Выкупаться въ туманахъ, но только быть промочену дождемъ — значитъ испортить весь курсъ леченія, а мнѣ право не хочется начинать его въ третій разъ.

Сказавъ это, молодой человѣкъ учтиво поклонился собранію, завернулся въ плащъ и вышелъ.

— Вотъ каковы нынѣшніе молодчики! сказалъ полковникъ, провожая его глазами. Не понимаю, какъ можно въ двадцать пять лѣтъ такъ нѣжить себя! Прекрасный малой, а пречудакъ племянникъ мой. Порою, бѣгаетъ по цѣлымъ часамъ на распашку, или какъ угорь вьется по утренней росѣ; но когда ему вообразится, что онъ боленъ, то чего не накутаетъ на себя для прогулки въ самый полдень! Треухъ на голову, калоши на слѣдки, фланель для поддержанія испареній, замшу отъ сквознаго вѣтра, жилетъ для приличія, сюртукъ для красы, шинель для всякаго случая сверху — а сверхъ шинели — *всю природу*. Недаромъ одинъ шутникъ назвалъ его Египетскою мумією, набальзамированною ро-

— Этотъ же тостъ, въ переводѣ г. Свирѣлкина съ моего бивачнаго языка на языкъ свѣтскій, поправимъ драгунъ: кто не пьетъ — не товарищъ! (пьютъ и чокаются.)

— Между нами, капитанъ, сказалъ ему гвардеецъ: бѣлокурая или черноволосая сестра вамъ болѣе нравится?

— Этотъ же самый вопросъ я дѣлаю самому себѣ 24 раза въ сутки, и до сихъ поръ не добьюсь у своего сердца толку: оно увѣряетъ, что и утренняя и вечерняя заря прелестны. Въ полдень, любуясь нѣжными, небесными глазами и плѣнительною томностью лица блондинки, я бы готовъ былъ плевать въ ея соломою оплетенный стаканъ, чтобы коснуться розовыхъ губокъ, и потомъ растаять въ кислой водѣ; но при свѣчахъ или при лунномъ сіяніи — пронзительные взоры и пылкій румянецъ брюнетки зажигаютъ меня какъ гранату, и я радъ кинуться на Чеченскія шашки, чтобы до нее прорубиться. Полно-те вздыхать, г. адъютантъ! Чокнемся лучше, да выпьемъ за здоровье прелестнаго румянца нашей богини.

Адъютантъ закраснѣлся и выпилъ.

— Именнымъ бы указомъ запретилъ красавицамъ, у которыхъ въ лицѣ играетъ румянецъ, ѣздить на балы, сказалъ чахоточный

бурком въ грязи, засыпаетъ не хуже праведника, поужинавъ горстью недоваренаго ячменя, устав отъ боя и похода!

— И то правда! отвѣчалъ полковникъ, перебирая по четкамъ памяти все подобное, извѣданное собственнымъ опытомъ.

— Племянникъ вашъ, можетъ быть, имѣетъ другія причины опасенія возвращаться домой такъ поздно, молвилъ человѣкъ небольшаго роста, въ зеленомъ сюртукѣ, коего таинственная наружность весьма походила на сосудъ, въ который царь Соломонъ заключалъ множество духовъ. Онъ, пріѣхавъ позже всѣхъ на воды, принужденъ былъ нанять домикъ за кладбищемъ.

— Вотъ это мило! возразилъ полковникъ. Молодой человѣкъ XIX-го столѣтія, и въ придачу того магистръ Дерптскаго университета, станетъ бояться пройти чрезъ кладбище! Да нынче дамы нерѣдко назначаютъ тамъ свиданія.

— Неужели вы думаете, насмѣшливо присовокупилъ гвардеецъ: что племянникъ полковника боится наступить на ногу какому нибудь заносчивому покойнику, и тотъ потребуетъ отъ него *благороднаго удовлетворенія?*

— Не шутите надъ мертвыми, капитанъ, произнесъ торжественнымъ голосомъ человѣкъ въ

зеленомъ сюртукѣ . . . . Въ природѣ есть вещи страшныя, неразгаданныя! Племянникъ вашъ еще не утѣшился о потерѣ друга, котораго схоронилъ онъ здѣсь въ прошломъ году.

— Военный, или рябчикъ былъ другъ его? небрежно спросилъ драгунъ.

— Никто навѣрно не зналъ ни его званія, ни его отчизны, хотя въ паспортѣ онъ названъ былъ Венгерскимъ дворяниномъ. Сказываютъ, онъ былъ странное и непонятное существо. Выговоръ ни на какомъ языкѣ не измѣнялъ ему — онъ на всѣхъ Европейскихъ говорилъ какъ не льзя чище. Жилъ весьма скромно, и между тѣмъ сыналъ золото бѣднымъ. Одѣвался просто, но одни солитеры его перстней стоили десятковъ тысячъ. Вообще онъ былъ нелюдимъ и молчаливъ, ни съ кѣмъ не сближался и никому не кланялся. Однако же нѣкоторыя знатныя особы говорили всегда съ нимъ и о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Однимъ словомъ — продолжалъ таинственный человѣкъ, понизивъ голосъ, многіе считали его однимъ изъ двѣнадцати кадожей.

— А что это за звѣрь? спросилъ толстый помѣщикъ, который, скучая молчаніемъ, какъ ловчій стоялъ на сторожѣ съ борзыми вопросами, ожидая по себѣ предмета; но видя, что

ожиданія его напрасны, спустилъ ихъ со смычка въ чужую угонку.

— Кадожи? отвѣчалъ сфинксъ, опустивъ носъ свой въ стаканъ, какъ ньющая синица. Кадожи, какъ говорятъ, суть главные блюстители масонскихъ ложъ, изъ которыхъ, какъ я думаю, извѣстно, Шотландская считается за старшую. Не будучи великими магистрами, они важнѣе всѣхъ магистровъ, потому что лишь имъ открыта главная, общая цѣль братства. Они могутъ находиться во всѣхъ степеняхъ, но всегда скрытно, всегда никѣмъ незнаемы; и сохраняя въ рукахъ своихъ главныя средства, путешествуютъ по свѣту для наблюденій, для дѣлъ и успѣховъ вольныхъ каменьщиковъ.

— Такъ бы вы и сказали, примолвилъ Рязанскій помѣщикъ. Попросту сказать, онъ былъ атеистъ, то есть фармазонъ и отчасти Волтеріанецъ. Сосѣдъ мой прошлаго году наслалъ мнѣ отъ Макарья цѣлую кипу книгъ объ ихъ вѣрѣ: покланяются моськѣ, батюшка!

Никто не могъ удержаться отъ смѣху, слыша такое опредѣленіе масонства. Наконецъ затихли и отголоски этого выстрѣла веселости.

— Но какимъ же образомъ вы спровѣдали о кадожахъ? подозрительно спросилъ капитанъ

мантизмомъ и непещренною іероглифами страстностей, которыхъ не разберетъ, думаю, ни самъ старый чортъ, не только Шампольонъ младшій! Простудиться!! человѣку въ 25 лѣтъ и гренадерскихъ статей простудиться! Я бы заставилъ его сломать похода два-три зимой, на холодной водѣ въ прикуску съ гнилыми сухарями. Сегодня по поясъ въ снѣгу, завтра по колѣно въ грязи, и потомъ, промокши до самаго сердца, просушиваться подъ картечнымъ огнемъ непріятельскимъ. Въ цѣпи или въ разъѣздѣ, вмѣсто отдыха; то преслѣдуя побѣжденныхъ, то утекая разбитый, и въ довершеніе удовольствій пося болѣе ранъ на тѣлѣ, чѣмъ петель на мундирѣ! . . . Тамъ забылъ бы онъ, за недосугомъ, и настоящія болѣзни, не то что воображаемыя.

— Впрочемъ, кто изъ насъ, сказалъ на это гвардейскій капитанъ, чистя перышкомъ зубы: кто изъ насъ отказывался, послѣ дымныхъ биваковъ, попировать въ богатомъ замкѣ, покружиться усталыми отъ похода ногами съ милыми чужеземками и заснуть на мягкомъ пуховикѣ? *Наслаждайся, покуда можно*, есть девизъ Русскаго; но когда приходитъ время лишеній, нужды и опасностей, онъ такъ же мало заботится и жалѣетъ о выгодахъ жизни, какъ о завтрашнемъ днѣ, и, подъ мокрою

буркою въ грязи, засыпаетъ не хуже праведника, поужинавъ горстью недоваренаго ячменя, устав отъ боя и похода!

— И то правда! отвѣчалъ полковникъ, перебирая по четкамъ памяти все подобное, извѣданное собственнымъ опытомъ.

— Племянникъ вашъ, можетъ быть, имѣетъ другія причины опасенія возвращаться домой такъ поздно, молвилъ человѣкъ небольшаго роста, въ зеленомъ сюртукѣ, коего таинственная наружность весьма походила на сосудъ, въ который царь Соломонъ запечаталъ множество духовъ. Онъ, пріѣхавъ позже всѣхъ на воды, принужденъ былъ нанять домикъ за кладбищемъ.

— Вотъ это мило! возразилъ полковникъ. Молодой человѣкъ XIX-го столѣтія, и въ придачу того магистръ Дерптскаго университета, станетъ бояться пройти чрезъ кладбище! Да нынче дамы нерѣдко назначаютъ тамъ свиданія.

— Неужели вы думаете, насмѣшливо присовокупилъ гвардеецъ: что племянникъ полковника боится наступить на ногу какому нибудь заносчивому покойнику, и тотъ потребуетъ отъ него *благороднаго удовлетворенія?*

— Не шутите надъ мертвыми, капитанъ, произнесъ торжественнымъ голосомъ человѣкъ въ

ковникъ, бракнувъ стаканомъ по столу, будто вызывая всѣхъ бѣсовъ въ доказательство, что ему нечего ихъ трусить.

— Да, и въ адъ! повторилъ съ глубокимъ вздохомъ прокуроръ, опуская отъ губъ нетронутую рюмку: ему показалось, будто вино пахнетъ сѣрою.

— Продолжайте, почтеннѣйшій! сказалъ разсказчику любопытный артиллеристъ . . . Зачѣмъ же этотъ Венгерецъ пріѣхалъ на воды?

— Зачѣмъ мы всѣ здѣсь? отвѣчалъ тотъ. Сдѣлайте подобный вопросъ каждому изъ насъ, и всѣ скажутъ: лечиться; но кромѣ этого есть побочныя, или главныя цѣли у многихъ. Одни пріѣзжаютъ разсѣяться любовными связями; другіе остепениться женитьбой; третьи поправить картами несправедливость фортуны; иные, чтобъ не упустить изъ виду умирающаго богача-родственника; очень многіе для удовольствія про . . .

— Ради самого Иноагора, избавьте насъ отъ подобныхъ выкладокъ! Сочтите, будто мы знаемъ все, что можете высказать впредь на этотъ случай — и поскорѣе къ дѣлу! воскликнулъ гвардейскій капитанъ.

Таинственникъ продолжалъ такъ:

— Теперь, милостивые государи, надобно

нахъ объяснить, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства, Греческіе купцы изъ Византіи, привлекаемые знатными выгодами, презирали тысячи опасностей отъ худыхъ и пустынныхъ дорогъ и варварскихъ нравовъ, заѣзжали сюда или проѣзжали чрезъ этотъ край изъ Персіи, чтобы мѣнять восточные товары на поморіяхъ Каспія и Чернаго моря, и потомъ торговать съ Славянами за Дономъ или по Днѣпру, и возвращались потомъ съ драгоцѣнными мѣхами домой, какъ могли. Караванъ одного изъ нихъ, съ несмѣтными богатствами въ жемчугѣ и золотѣ, въ парчахъ и цвѣтныхъ каменьяхъ, былъ настигнутъ и окруженъ свирѣпыми Горцами, ночью, по близости этихъ ключей. Видя неизбѣжную гибель, купецъ спѣшилъ зарыть все драгоцѣннѣйшее въ землю, чтобы скрыть отъ разбойниковъ и потомства обожаемое имъ золото, для котораго не щадилъ онъ ни поту, ни крови, и потомъ утратилъ жизнь и душу. Все это какъ водилось въ тѣ времена, сопровождаемо было чарами и заклятіями. Караваны тогда не ходили безъ прикрытія; вотъ, сударь, и тутъ отчаянная стража дралась на смерть и почти вся была изрублена варварами. Самъ хозяинъ легъ мертвый на сокрытыя свои сокровища, какъ будто желая охранять ихъ и по кончинѣ. Одинъ

Сфинксъ въ зеленомъ сюртукѣ побѣдительно, боязливо взглянулъ на прокурора, потомъ на дверь, которая скрипѣла и не отворялась, потомъ покрасивѣлъ онъ, потомъ щелкнулъ по серебряной табатеркѣ указательнымъ перстомъ, отворилъ ее, понюхалъ, что называется вслухъ ва, ободрившись, отвѣчалъ:

— Вы можете быть увѣрены, капитанъ, что если-бъ я когда нибудь принадлежалъ къ обществу масоновъ, то конечно бы не сталъ разсказывать объ ихъ распорядкахъ. Впрочемъ, я уже замѣтилъ васъ, что и сами масоны не имѣютъ о каждомъ вѣрнаго понятія, и ежели Вентера считали однимъ изъ нихъ, то это по однѣмъ догадкамъ, по соображеніямъ и вѣроятностямъ. Таинственность его рѣчей, скрытность поступковъ, его обширный умъ, его богатство и связи, уваженіе къ нему людей почетныхъ — вотъ что служило къ тому поводомъ.

— Удивительная архитектура догадокъ, возразилъ насмѣшливо гвардеецъ: точь въ точь пирамида, у которой острію служитъ основаніемъ. Какимъ же образомъ эти странствующія привидѣнія, эти несмѣрные блюстители узнаютъ другъ друга вновь?

— Говорятъ, тихо отвѣчалъ разсказчикъ: впрочемъ я увѣрять не могу и отрицать не

ся, такъ же рѣдки, какъ медали съ изображеніемъ царей Кавказа.

— Со всѣмъ тѣмъ, продолжалъ таинственный человѣкъ, Венгерецъ, по видимому, не имѣлъ охоты дѣлиться съ мѣстнымъ начальствомъ, ни угождать господамъ искателямъ древностей, потому что мѣры его были чрезвычайно скрытны и осторожны. Одинъ только чудный случай и странное стеченіе обстоятельствъ непамѣреннымъ образомъ открыли часть его тайнъ, одному изъ друзей моихъ, который въ прошлое лѣто жилъ рядомъ съ его комнатою. Онъ разсказывалъ про этого непонятнаго человѣка много такихъ вещей, отъ коихъ поднялись бы волосы дыбомъ у самаго невѣрующаго вольнодумца.

— Этому трудновато быть съ моею головою, сказалъ толстый помѣщикъ, поглаживая по своей лысинѣ, и отдвинувшись отъ стола послѣ этой шутки, какъ откатывается пушка послѣ выстрѣла. Однако жъ, боясь, чтобы лукавый не отплатилъ ему за насмѣшку, онъ потихоньку перекрестилъ грудь противъ третьей пуговицы, и снова навострилъ ухо къ разсказу.

Человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ пожалъ плечами и улыбнулся почти презрительно, что на мимическомъ языкѣ значило: какая жалкая шутка! стоитъ ли для нея прерывать занима-

ковникъ, брякнувъ стаканомъ по столу, будто вызывая всѣхъ бѣсовъ въ доказательство, что ему нечего ихъ трусить.

— Да, и въ адъ! повторилъ съ глубокимъ вздохомъ прокуроръ, опуская отъ губъ нетронутую рюмку: ему показалось, будто вино пахнетъ сѣрою.

— Продолжайте, почтеннѣйшій! сказалъ разсказчику любопытный артиллеристъ . . . Зачѣмъ же этотъ Венгерецъ пріѣхалъ на воды?

— Зачѣмъ мы всѣ здѣсь? отвѣчалъ тотъ. Сдѣлайте подобный вопросъ каждому изъ насъ, и всѣ скажутъ: лечиться; но кромѣ этого есть побочныя, или главныя цѣли у многихъ. Одни пріѣзжаютъ разсѣяться любовными связями; другіе остепениться женитьбой; третьи поправить картами несправедливость фортуны; иные, чтобъ не упустить изъ виду умирающаго богача-родственника; очень многіе для удовольствія про . . .

— Ради самого Иноагора, избавьте насъ отъ подобныхъ выкладокъ! Сочтите, будто мы знаемъ все, что можете высказать впредь на этотъ случай — и поскорѣе къ дѣлу! воскликнулъ гвардейскій капитанъ.

Таинственникъ продолжалъ такъ:

— Теперь, милостивые государи, надобно

, его чистый, возвышенный нравъ и
кроткая, но пылкая душа плѣнили до-
Венгерца. Казалось, онъ предчувство-
близкій конецъ свой, и спѣшилъ пере-
вои познанія и тайны достойному смерт-
«Я не довольно чистъ душою для та-
дѣла,» подслушалъ однажды другъ мой
Венгерца къ юношѣ. Они были нераз-
: вмѣстѣ на ночныхъ прогулкахъ до са-
одкумка, не страшась Чеченскихъ хищ-
ь, и всегда въ мѣстахъ дикихъ и непо-
ныхъ; вмѣстѣ за чудными письменами
ой зари; вмѣстѣ при свѣтѣ солнца и
ерцаніи мѣсяца. Чаще всего бродили
а здѣшнемъ кладбищѣ, въ глухую пол-
съ желѣзною тростью и телескопомъ въ
, то пронзая землю, то углубляясь въ

Скоро, скоро совершится въ мірѣ мое
твованіе, сказалъ однажды, прощаясь
одымъ своимъ другомъ, Венгерецъ: я
увствую на сердцѣ ледяную руку смер-
о завтра стеченіе созвѣздій будетъ та-
очно, какъ въ роковую ночь, поглотив-
окровища Греческаго гостя. Когда уда-
двѣнадцать — луна броситъ тѣнь отъ
пригорка прямо по направленію, гдѣ
оно, и тамъ, гдѣ черта сія сойдется

съ тѣнью . . . Другъ мой не могъ разслу
шать болѣе. Утро застало Венгерца на одр
кончины.

— Онъ умеръ! вскричалъ съ досадою про
куроръ, воображая, что кладъ ускользнулъ уж
отъ его химическаго процесса.

— Дайте ему умереть своею смертію! гнѣв
но возразилъ артиллерійскій реконтеръ.

— И такъ на одрѣ кончины, сказали вы?

— Больной былъ безнадеженъ: у него лоп
нула одна изъ кровеносныхъ жилъ, и сердце
его заливалось, тонуло въ крови. Съ трудомъ
могъ онъ произносить слова, и молодой другъ,
пораженный ужасомъ и сожалѣніемъ, подав
лялъ тоской разлуки вѣчной, незамѣнимой,
и не на мигъ не покидалъ умирающаго. Отъ
лекарей отказался Венгерецъ, говоря, что не
хочетъ обманывать себя пустыми надежда
ми, а священника не принялъ подъ предло
гомъ различія вѣръ. Настала ночь . . . и
ему стало тяжело . . . смертный часъ видимо
приближался — и ужасна казалась кончина уми
рающему. Тьма зіяла передъ нимъ, какъ вѣч
ность — блуждающіе зрачки его то искали, то
убѣгали чего-то въ пространствѣ. Каждое
дыханіе его было вздохомъ тоски неизъяснимой,
и хриплыя стенанія вырывались изъ устъ.
Наконецъ онъ далъ знакъ, и всѣ удалились,

кромѣ юнаго друга его. Сначала разговоръ ихъ былъ тихъ, но постепенно голосъ больнаго возникалъ выше и выше, и снова стихалъ, какъ закипающій ключь. Уже ни одной живой души, кромѣ ихъ, не осталось въ домикѣ, и все спало въ окрестности и вблизи. Только другъ мой, движимый любопытствомъ соучастія, сидѣлъ у двери общаго коридора, прислушиваясь къ каждому шороху. Въ комнатѣ Венгерца слышался лишь ропотъ невнятнаго разговора — и вотъ все притихло, все, кромѣ послѣдняго дыханія отходящаго . . . но вдругъ кликъ ужаса раздался тамъ: онъ былъ пронзителенъ и страшенъ; самъ другъ мой вчужѣ ощутилъ, не постигая тому причины. Слушаетъ . . . нѣтъ, это не обманъ воображенія — третій, незнакомый голосъ, голосъ могильный, голосъ нездѣшняго міра произносилъ тамъ звуки укора, и тяжкія стенанія страдальца служили имъ страшнымъ отголоскомъ.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Полковникъ, опершись головой объ руку, безмолвно слѣдовалъ за разсказомъ, повѣряя, кажется, слышанное съ извѣстнымъ ему прежде . . . только дождь, бьющій въ окна, прерывалъ тишину залы.

— Значеніе словъ убѣгало однакоже отъ

только раненый вожатай верблюда былъ увлеченъ въ плѣнъ въ горы, провелъ горькіе годы въ жестокомъ невольничествѣ, и, перепроданный нѣсколько разъ, бѣжалъ къ Черному морю и достигъ до своего отечества. Извѣстіе обо всемъ этомъ, отъ него, чрезъ многія руки и многія столѣтія перешло во время крестовыхъ походовъ въ руки Тампліеровъ, съ вѣрными подробностями. Не знаю, старались ли они извлечь изъ нѣдра земли эти сокровища, и какова была удача попытокъ, если старались; только Венгерецъ прибылъ сюда, какъ полагали, съ тайнымъ порученіемъ ложи, повѣрить на мѣстѣ преданія и, если можно, вырыть изъ земли подъ вѣковымъ прахомъ погребенный кладъ.

— Кладъ! умильно воскликнулъ помѣщикъ, у котораго охота къ охотѣ спровадила въ закладъ почти все имѣніе.

— Кладъ! произнесъ, облизываясь и потирая руки прокуроръ: объ этомъ слѣдовало увѣдомить мѣстное начальство.

— Особенно, если тамъ найдутся старинныя монеты, оружія, утвари, чудныя украшенія или древніе идолы, примолвилъ въ первый разъ какой-то археологъ съ готическимъ носомъ, у котораго слова были, кажет-

къ столу, что рюмки и стаканы зазвенѣли 1
другъ о друга. Всѣ прочіе съ робостію, болѣе или менѣе замѣтною, устремили глаза на дверь.

Это былъ, однако же, не иной кто, какъ племянникъ полковника. Съ чернаго плаща его катились крупныя капли дождя; шляпа надвинута была на самыя брови, и онъ, не снявъ ея, торопливо вбѣжалъ въ залу. Мутные глаза его бродили, на блѣдномъ лицѣ выражался испугъ — рѣчь исчезала на дрожащихъ губахъ. Тяжкими и долгими порывами дышалъ онъ, и наконецъ бросился, или лучше сказать, упалъ въ кресла, безпокойно озираясь кругомъ, будто боясь преслѣдованія. Безчисленные вопросы посыпались на него со всѣхъ сторонъ, но онъ ничего не слушалъ, никому не отвѣчалъ. Потомъ быстро вскочилъ онъ; схватилъ за руку дядю, и увлекъ его на другой конецъ залы, чтобы изъясниться наединѣ. Всѣ шепотомъ и знаками выражали свое изумленіе, не спуская глазъ съ молодаго человѣка. Онъ говорилъ тихо, но съ жаромъ. Полковникъ слушалъ внимательно, но недовѣрчиво: скоро однакожъ улыбка сомнѣнія слетѣла съ его лица — оно померкало постепенно и наконецъ побѣлѣло, какъ полотно . . . Безмолвно стоя-

тельное повѣствованіе! И онъ, по краткомъ молчаніи, началъ вновь:

— По ночамъ, разсказывалъ другъ мой, Венгерецъ долго и пристально сижпвалъ за какими-то книгами, и тщательно запиралъ ихъ въ другое время. Потомъ, онъ то медленными, то быстрыми шагами ходилъ по своей комнатѣ, то вдругъ останавливался на одномъ мѣстѣ, какъ будто окаменѣлый какимъ видѣніемъ или мыслію. Порой нелѣпые звуки вырывались изъ груди его: даже во снѣ тяжело стоналъ онъ, словно совѣсть его подавлена была какимъ нибудь преступленіемъ, и его всегдашняя физіономія, могильная синева лица его, его вялыя, почти неподвижныя очи, рѣчь прерывистая и разсѣянная, обличали гораздо болѣе страданія души, чѣмъ разрушеніе тѣлесное. Со всѣмъ этимъ онъ бывалъ порой чрезвычайно занимателенъ: онъ всюдѣ странствовалъ, все видѣлъ, все постигъ. О всѣхъ вѣкахъ, о всѣхъ народахъ говорилъ онъ съ достовѣрностію самовидца и съ безпристрастіемъ потомства. Всѣ важныя лица послѣдняго столѣтія были знакомы ему коротко, если не по свѣту, то по настоящимъ ихъ характерамъ. Въ это время, полковникъ, сдружился онъ съ племянникомъ вашимъ. Склонность молодаго человѣка къ мечтательности и уеди-

поправляя плащъ, отпечаталъ ее на мокрой сукнѣ.

— Гмъ, гмъ! произнесъ сомнительно артиллеристъ: но направленіе этой шести не могло естественнымъ образомъ принадлежать владѣльцу плаща: оно было вовсе наизворотъ.

Гвардеецъ молчалъ.

Рязанецъ вытаращилъ глаза.

— Я вамъ говорилъ, произнесъ тогда съ торжествующимъ видомъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ, что въ исторіи Венгерца есть вещи, о которыхъ, по словамъ Шекспира, и во снѣ не грезила ваша философія. Я долженъ прибавить вамъ, что ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый часъ — его не стало. И что бы вы сказали, капитанъ, если бъ тѣнь его, оставя прахъ могилы, встрѣтила васъ на кладбищѣ въ такую ночь?

— Я бы сказалъ, что это сущія басни, отвѣчалъ капитанъ: какъ могутъ жители того свѣта возвращаться на землю, когда всѣ ихъ органы истлѣли? Какъ могутъ они ходить, говорить, имѣть видъ человѣческій?

— Я не отвергаю, чего не постигаю, сказалъ артиллеристъ.

— А я такъ вѣрю всему, чего не пони-

маю, простодушно признался Рязанский толстякъ.

— Не боюсь, хотя и не понимаю! громко воскликнулъ усатый кавалеристъ: не боюсь ни черта въ человѣческомъ образѣ, ни людей начиненныхъ всякою чертовщиною.

— Это можно испытать, хладнокровно возразилъ таинственный человѣкъ. Въ дальнемъ углу кладбища, направо, я видѣлъ сегодня мертвую голову, конечно вымытую дождемъ или выкопанную волками: тотъ, кто изъ всѣхъ насъ безстрашнѣе, пойдетъ и принесетъ этотъ черепъ сюда.

— Я готовъ! сказалъ драгунскій капитанъ, и наклонился впередъ, какъ птица, которая хочетъ слетѣть — однакожъ не тронулся съ мѣста.

— Я иду! произнесъ еще рѣшительнѣе гвардеецъ, опершись о ручки креселъ, чтобъ встать — и положилъ — ногу на ногу.

— Я бы пошелъ очень охотно, если бъ погода была получше; проговорилъ антикварій съ готическимъ носомъ: а то въ слякоть и въ дождь — слуга покорный! Хорошо, еслибъ это было еще за черепомъ какого нибудь героя древности — а то, я думаю, за пустой головою какого нибудь Кубанскаго казака или чахлаго подолеи изъ Россіи.

— Ни для живыхъ, ни для мертвыхъ! возгласилъ толстякъ, поглядывая на донышко стакана, какъ будто это чудное напѣченіе написано было на немъ заглавными литерами. Гей, малой! донскаго — полниковаго!

— Эй, шампанскаго! вскричалъ гвардеецъ, желая смыть и слѣдъ прежняго разговора струями Эперне. Какъ можно, сосѣдъ, такъ много пить донскаго? оно очень землисто.

— Родимая земля, родимая земля, возразилъ толстякъ-помѣщикъ, разливая въ стаканы благодатную влагу — и въ это время онъ точь въ точь похожъ былъ на погребковую вывѣску, на которой Бахусъ, осѣдлавъ бочку, расцѣживаетъ вино въ кубки.

Но человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ не далъ имъ такъ дешево отдѣлаться отъ испытанія храбрости.

— И такъ никто не хочетъ итти за мертвою головою? спросилъ онъ укорительнымъ голосомъ и вмѣстѣ съ лукавою гримасою.

— Самъ не хожу, и другихъ не прошу, отвѣчалъ Рязанскій помѣщикъ. Куда будетъ весело, если мертвецу вздумается пожаловать къ намъ за своею головою.

— Не бойтесь этого посѣщенія, возразилъ

артиллеристъ: теперь уже минула мода прогуливаться безъ головы, по крайней мѣрѣ для покойниковъ.

— Почему знать? сказалъ сосѣдъ мой, адъютантъ, оспѣвая усы и шампанское пѣнь: въ этомъ случаѣ только первый шагъ труденъ.

— Проклятая рана! произнесъ драгунскій капитанъ, поправляя перевязку и морщась будто отъ боли: еслибъ не она, я принесъ бы этотъ черепъ на забаву компаніи. Кладбище со всѣми своими мертвыми головами для меня не страшнѣе бахчи съ арбузами.

— Что касается до меня, примолвилъ гвардеецъ, шаркая подъ столомъ ногами и задобривая всѣхъ бокалами: мнѣ не хочется покинуть столь пріятнаго общества . . . особенно не дослушавъ до конца занимательный разсказъ вашъ о Венгеріи, прибавилъ онъ, учтиво обращаясь къ зеленому сфинксу.

— Окончаніе моего занимательнаго разсказа зависитъ отъ судьбы, очень сухо отвѣчалъ повѣствователь.

— Неужели же вы не знаете, что увидѣлъ другъ вашъ въ коридорѣ? спросилъ съ безпокойствомъ нетерпѣнія артиллерійскій ремонтеръ.

— По крайней мѣрѣ вы этого не узнаете,

къ столу, что рюмки и стаканы зазвенѣли другъ о друга. Всѣ прочіе съ робостію, болѣе или менѣе замѣтною, устремили глаза на дверь.

Это былъ, однако же, не иной кто, какъ племянникъ полковника. Съ чернаго плаща его катились крупныя капли дождя; шляпа надвинута была на самыя брови, и онъ, не снявъ ея, торопливо вбѣжалъ въ залу. Мутные глаза его бродили, на блѣдномъ лицѣ выражался испугъ — рѣчь исчезала на дрожащихъ губахъ. Тяжкими и долгими порывами дышалъ онъ, и наконецъ бросился, или лучше сказать, упалъ въ кресла, безпокойно озираясь кругомъ, будто боясь преслѣдованія. Безчисленные вопросы посыпались на него со всѣхъ сторонъ, но онъ ничего не слушалъ, никому не отвѣчалъ. Потомъ быстро вскочилъ онъ; схватилъ за руку дядю, и увлекъ его на другой конецъ залы, чтобы изъясниться наединѣ. Всѣ шепотомъ и знаками выражали свое изумленіе, не спуская глазъ съ молодаго человѣка. Онъ говорилъ тихо, но съ жаромъ. Полковникъ слушалъ внимательно, но недовѣрчиво: скоро однакожъ улыбка сомнѣнія слетѣла съ его лица — оно померкало постепенно и наконецъ побѣлѣло, какъ полотно . . . Безмолвно стол-

маю конское ржаніе, чѣмъ людской говоръ; однакожъ, если господамъ не скучно будетъ выслушать приключеніе подобнаго же рода, съ роднымъ моимъ братомъ бывшее, то я чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Разумѣется, приглашенія и просьбы посыпались на него, какъ пудра. Пыхнувъ послѣдній разъ трубкою, онъ началъ такъ, сквозь облако табачнаго дыма.

— Надобно предувѣдомить васъ, господа, что братъ мой человѣкъ прямой, благородный и безъ всякихъ предразсудковъ отъ природы и воспитанія. Каждое слово его между всѣми знакомыми ходило вѣрнѣе билета на Амстердамскій банкъ; и до сихъ поръ не могу я разгадать этого случая, но сомнѣваться въ разсказѣ брата не имѣю никакого повода. Онъ выросъ и сталъ отчаяннымъ моряком на палубѣ Англійскаго корабля: потому, что въ его время Русскіе гардемарины посылались на Британскій флотъ учиться мореплаванію и порядку. По этой причинѣ, бывъ уже впослѣдствіи старымъ нашимъ лейтенантомъ, онъ имѣлъ многихъ знакомцевъ и друзей между Англичанами, съ которыми дѣлилъ мичманскія шалости на водѣ и на сушѣ. Пять лѣтъ тому назадъ случилось фрегату, на которомъ

поправляя плащъ, отпечаталъ ее на мокромъ сукнѣ.

— Гмъ, гмъ! произнесъ сомнительно артиллеристъ: по направленію этой кисти не могло естественнымъ образомъ принадлежать владѣльцу плаща: оно было вовсе наизворотъ.

Гвардеецъ молчалъ.

Рязанецъ вытаращилъ глаза.

— Я вамъ говорилъ, произнесъ тогда съ торжествующимъ видомъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ, что въ исторіи Венгерца есть вещи, о которыхъ, по словамъ Шекспира, и во снѣ не грезила ваша философія. Я долженъ прибавить вамъ, что ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый часъ — его не стало. И что бы вы сказали, капитанъ, если бъ тѣнь его, оставя прахъ могилы, встрѣтила васъ на кладбищѣ въ такую ночь?

— Я бы сказалъ, что это сущія басни, отвѣчалъ капитанъ: какъ могутъ жители того свѣта возвращаться на землю, когда всѣ ихъ органы истлѣли? Какъ могутъ они ходить, говорить, имѣть видъ человѣческій?

— Я не отвергаю, чего не постигаю, сказалъ артиллеристъ.

— А я такъ вѣрю всему, чего не пони-

маю, простодушно признался Рязанскій толстякъ.

— Не боюсь, хотя и не понимаю! громко воскликнулъ усатый кавалеристъ: не боюсь ни черта въ человѣческомъ образѣ, ни людей начиненныхъ всякою чертовщиною.

— Это можно испытать, хладнокровно возразилъ таинственный человѣкъ. Въ дальнемъ углу кладбища, направо, я видѣлъ сегодня мертвую голову, конечно вымытую дождемъ или выкопанную волками: тотъ, кто изъ всѣхъ насъ безстрашнѣе, пойдетъ и принесетъ этотъ черепъ сюда.

— Я готовъ! сказалъ драгунскій капитанъ, и наклонился впередъ, какъ птица, которая хочетъ слетѣть — однакожъ не тронулся съ мѣста.

— Я иду! произнесъ еще рѣшительнѣе гвардеецъ, опершись о ручки кресель, чтобъ встать — и положилъ — ногу на ногу.

— Я бы пошелъ очень охотно, если бъ погода была получше; проговорилъ антикварій съ готическимъ носомъ: а то въ слякоть и въ дождь — слуга покорный! Хорошо, еслибъ это было еще за черепомъ какого нибудь героя древности — а то, я думаю, за пустой головою какого нибудь Кубанскаго казака или чахлаго водолея изъ Россіи.

— Держу противъ 50 фунтовъ стерлинговъ! закричалъ лейтенантъ корвенты.

— Держу противъ 50 фунтовъ! прибавилъ другой.

Англичане не любятъ пятиться, но Русскіе идутъ всегда впередъ:

— Я держу за себя 100 фунтовъ, сказалъ братъ мой — и предлагайте опытъ сей часъ же!

Капитанъ судна ударилъ въ руку, и 2500 рублей назначены были наградой доказаннаго безстрашія въ отношеніи къ мертвецамъ, или наказаніемъ самохвальства живаго въ противномъ случаѣ.

Рѣшили, чтобы моему брату итти за городъ на лобное мѣсто, гдѣ они, прогуливаясь, видѣли трупъ вчера повѣшеннаго разбойника. Онъ долженъ былъ взять его за руку и поучтивѣе попросить сдѣлать ему честь пожаловать въ трактиръ и попировать съ ними до пѣтуховъ, послѣ которыхъ, какъ извѣстно, всѣхъ чертей требуютъ на перекличку. Въ доказательство же исполненія условій навязать висѣльнику на лѣвую руку золотой снурокъ, который одинъ изъ Англичанъ сорвалъ со шляпы своей

Какъ ни странно, какъ ни причудливо, чтобы не сказать, какъ ни глупо было это усло-

вle — братъ мой готовъ былъ на все. Англичане съ сомнительнымъ видомъ пожелали ему успѣха, и онъ, завернувшись въ клѣтчатый Шотландскій плащъ, смѣло посвистывая, пустился по пустымъ улицамъ городка. Ночь была холодновата — путь не близокъ: голова и сердце его начали простывать, особенно когда очутился онъ въ пустырѣ за городомъ — ему показалось даже, что вѣтеръ дуетъ такъ пронзительно, какъ будто настоянъ январскими морозами Якутска. Въ это время луна выкатилась изъ-за облака, и озарила всю окрестность — страшная висѣлица чернѣлась вдалекѣ — и на ней качался роковой плодъ ея. Братъ мой вздрогнулъ и остановился невольно; выправилъ маленькій запутанный цѣпочками кортикъ свой, который каждый Азіятецъ почелъ бы зуботчискою; потомъ оглянулся назадъ и сталъ считать въ кошелькѣ своемъ червонцы: худое начало для закладчика.

Однако же братъ скоро ободрился . . . . все было такъ тихо и мирно кругомъ. Позади его, темнѣя, лежалъ сонный городъ съ блистающими церковными шпицами; впереди — горизонтъ сливался съ грядою холмовъ, на коихъ, какъ привидѣнія великановъ, стояли мельницы съ неподвижными ихъ крылами; вправо и влѣво перелѣски и поля съ мелька-

ющими вдали дозорами. Ни,гдѣ человѣческаго голоса, ни даже лая собаки. Брату стало стыдно самаго себя. Ему казалось, что мѣсяцъ дразнитъ его языкомъ, а вся окрестность укоряетъ въ робости; онъ распахнулъ плащъ, который прижималъ къ себѣ такъ плотно, будто онъ составлялъ часть его кожи, и смѣлыми шагами пошелъ къ висѣлицѣ. Чрезъ 10 минутъ — онъ стоялъ уже подъ нею.

Непріятно и днемъ, не только ночью, видѣть отвратительную картину нравственнаго и физическаго разрушенія, какую представляютъ намъ казни. Одинъ только графъ М—ръ нашелъ въ палачѣ лице утѣшительное для человѣчества, какъ въ представителѣ божескаго правосудія на землѣ. Братъ мой, правда, не читалъ о томъ ни строчки, но и прочитавъ, покорный голосу природы, не повѣрилъ бы этой коварной логикѣ Торквемады, гдѣ высокія причины смѣшаны съ унизительными орудіями. Съ тайнымъ ужасомъ глядѣлъ онъ на повѣшеннаго; лучъ мѣсяца прямо билъ въ посинѣлое лице, видѣ уже исщипанное птицами. Послѣдняя минута тоски видимо замерла въ обезображенныхъ чертахъ и въ стеклянистыхъ глазахъ его, въ коихъ отразились всѣ муки души преступной, и отчаянная борьба жизни съ насильственною смертію. Волосы стояли

дыбомъ, персты сведены судорогами. На немъ надѣтъ былъ родъ бѣлаго фланелеваго савана съ напожниками и рукавами, и онъ при каждомъ дуновеніи вѣтра то качался взадъ и впередъ, какъ маятникъ, то обращался влѣво и вправо подобно компасной стрѣлкѣ, между тѣмъ какъ веревка держала голову его внизъ, будто недостойнаго смотрѣть на небо, загражденное ему собственными злодѣйствами. Долго, долго смотрѣлъ братъ мой на трупъ, и глубже, глубже входило въ сердце его холодное лезвее ужаса, смѣшеннаго съ отвращеніемъ. Наконецъ онъ вспомнилъ о своемъ закладѣ, и какъ ни мало расположенъ былъ въ ту минуту къ шуткамъ, однако же для честнаго слова благородные люди дѣлаютъ гораздо хуже, чѣмъ глупости, и онъ, вытащивъ изъ кармана снурокъ, повязалъ его висѣльнику на кисть; потомъ снялъ шляпу и поклонился такъ ловко, что это сдѣлало бы честь всякому флотскому, который учился менуету на кубрикѣ, безпрестанно сгибаясь для сохраненія лба отъ низкой палубы, и безпрестанно оглядываясь, чтобъ не слетѣть въ люки. За поклономъ слѣдовала пригласительная рѣчь по данной формулѣ, и потомъ братъ мой снялъ перчатку, прикоснулся къ рукѣ мертвеца — должно признаться однакожъ, съ та-

братъ мой командовалъ первою вахтою, сошлись съ Англійскою корвентой въ одномъ изъ большихъ Норвежскихъ портовъ. Въ числѣ экипажа этого практическаго судна какой-то особенной постройки, нашелъ онъ кой-кого изъ *баковыхъ* своихъ пріятелей, и, по обычаю, для поновленія дружества, они съѣхали на берегъ, заказали славный обѣдъ въ трактирѣ, которымъ ограничиваются обыкновенно топографическія изслѣдованія моряковъ, и бутылки пошли ходить кругомъ стола, между тѣмъ какъ безконечные тосты въ three-times и three-time three, т. е. съ троекратнымъ ура, передавали всѣ краски винъ носамъ и лицамъ собесѣдниковъ. Братъ мой былъ удалой весельчакъ и непобѣдимый питухъ - два достоинства неоцѣненныя въ глазахъ каждаго свободнаго Англичанина. Прибавьте къ этому, что онъ говаривалъ: S'blood, God damm my soul или slab my vitals! не хуже Кембриджскаго профессора изящной словесности; и вы не удивитесь, что Британцы были отъ него въ восхищеніи. Послѣ тысячи и одного разсказа о кораблекрушеніяхъ, абордажахъ, призахъ и опасныхъ плаваніяхъ, то подъ экваторомъ, то среди ледяныхъ горъ полюсовъ, моряки наши удостоили ступить на землю, и вотъ пошли вѣсти о вѣчной войнѣ флотскихъ съ також-

нею, о славныхъ трактирахъ и чудныхъ красавицахъ, съ описаніемъ боеваго крейсерства между подводными камнями этихъ архипелаговъ. Точно такъ же, какъ мы, беззаботно стучали они стаканами; точно такъ же, какъ у насъ, упалъ и у нихъ разговоръ на выходцевъ съ того свѣта. Всѣ сознавались, что предразсудки младенчества, которые всасываемъ мы съ молокомъ и воздухомъ, оставляютъ въ насъ едва ли не навсегда невольную боязнь, если не тайное вѣрованіе къ этимъ существамъ. Но одни, особенно Шотландцы, увѣряли и доказывали, что страхъ сей есть врожденное сознаніе въ возможности такихъ явленій, чему приводили множество достовѣрныхъ примѣровъ и собственныхъ опытовъ, между тѣмъ какъ другіе утверждали, что все это или обманъ чувствъ, или бредни, достойныя старухъ и ребятъ. Братъ мой подхватился на сторонѣ послѣднихъ, и шумѣлъ какъ во время бури, не забывая заряжать себя мадерою, и осыпая картечью клятвъ логику противниковъ; маневръ, который почитается и между нашей братьи убѣдительнѣе сухихъ доводовъ.

— Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, смѣшно вѣрить и еще стыдно бояться того, чего нѣтъ. Я вызываю на закладъ каждаго изъ васъ испытать собственное мое мужество!

— Держу противъ 50 фунтовъ стерлинговъ! закричалъ лейтенантъ корветы.

— Держу противъ 50 фунтовъ! прибавилъ другой.

Англичане не любятъ пятиться, по Русски идутъ всегда впередъ:

— Я держу за себя 100 фунтовъ, сказалъ братъ мой — и предлагайте опытъ сей часъ же!

Капитанъ судна ударилъ въ руку, и 2500 рублей назначены были наградой доказаннаго безстрашія въ отношеніи къ мертвецамъ, или наказаніемъ самохвальства живаго въ противномъ случаѣ.

Рѣшили, чтобы моему брату итти за городъ на лобное мѣсто, гдѣ они, прогуливаясь, видѣли трупъ вчера повѣшеннаго разбойника. Онъ долженъ былъ взять его за руку и почтительно попросить сдѣлать ему честь пожаловать въ трактиръ и попировать съ ними до пѣтуховъ, послѣ которыхъ, какъ извѣстно, всѣхъ чертей требуютъ на перекличку. Въ доказательство же исполненія условій напялять висѣльнику на лѣвую руку золотой снурокъ, который одинъ изъ Англичанъ сорвалъ со плаща своей

Какъ ни странно, какъ ни причудливо, чтобы не сказать, какъ ни глупо было это усло-

ше — братъ мой готовъ былъ на все. Англичане съ сомнительнымъ видомъ пожелали ему успѣха, и онъ, завернувшись въ клѣтчатый Шотландскій плащъ, смѣло посвистывая, пустился по пустымъ улицамъ городка. Ночь была холодновата — путь не близокъ: голова и сердце его начали простывать, особенно когда очутился онъ въ пустырѣ за городомъ — ему показалось даже, что вѣтеръ дуетъ такъ пронзительно, какъ будто настоянъ январскими морозами Якутска. Въ это время луна выкатилась изъ-за облака, и озарила всю окрестность — страшная висѣлица черѣлась вдалекѣ — и на ней качался роковой плодъ ея. Братъ мой вздрогнулъ и остановился невольно; выправилъ маленькій запутанный цѣпочками кортикъ свой, который каждый Азіятецъ почелъ бы зуботчискою; потомъ оглянулся назадъ и сталъ считать въ кошелькѣ своемъ червонцы: худое начало для закладчика.

Однако же братъ скоро ободрился .... все было такъ тихо и мирно кругомъ. Позади его, темнѣя, лежалъ сонный городъ съ блистающими церковными шпицами; впереди — горизонтъ сливался съ грядою холмовъ, на коихъ, какъ привидѣнія великановъ, стояли мельницы съ неподвижными ихъ крылами; вправо и влѣво перелѣски и поля съ мелька-

ющими вдали дожиками. Нигдѣ человѣческаго голоса, ни даже лая собаки. Брату стало стыдно самаго себя. Ему казалось, что мѣсяцъ дразнитъ его языкомъ, а вся окрестность укоряетъ въ робости; онъ распахнулъ плащъ, который прижималъ къ себѣ такъ плотно, будто онъ составлялъ часть его кожи, и смѣлыми шагами пошелъ къ висѣлицѣ. Чрезъ 10 минутъ — онъ стоялъ уже подъ нею.

Непріятно и днемъ, не только ночью, видѣть отвратительную картину нравственнаго и физическаго разрушенія, какую представляютъ намъ казни. Одинъ только графъ М—ръ нашелъ въ палачѣ лице утѣшительное для человѣчества, какъ въ представителѣ божескаго правосудія на землѣ. Братъ мой, правда, не читалъ о томъ ни строчки, но и прочитавъ, покорный голосу природы, не повѣрилъ бы этой коварной логикѣ Торквемады, гдѣ высокія причины смѣшаны съ унизительными орудіями. Съ тайнымъ ужасомъ глядѣлъ онъ на повѣшеннаго; лучъ мѣсяца прямо билъ въ посинѣлое лице, видѣ уже исцинанное птицами. Послѣдняя минута тоски видимо замерла въ обезображенныхъ чертахъ и въ стекловидныхъ глазахъ его, въ коихъ отразились всѣ муки души преступной, и отчаянная борьба жизни съ насильственною смертію. Волосы стояли

дыбомъ, переты сведены судорогами. На немъ надѣтъ былъ родъ бѣлаго фланелеваго савана съ напожниками и рукавами, и онъ при каждомъ дуновеніи вѣтра то качался взадъ и впередъ, какъ маятникъ, то обращался влѣво и вправо подобно компасной стрѣлкѣ, между тѣмъ какъ веревка держала голову его внизъ, будто недостойнаго смотрѣть на небо, загражденное ему собственными злодѣйствами. Долго, долго смотрѣлъ братъ мой на трупъ, и глубже, глубже входило въ сердце его холодное леденее ужаса, смѣшеннаго съ отвращеніемъ. Наконецъ онъ вспомнилъ о своемъ закладѣ, и какъ ни мало расположенъ былъ въ ту минуту къ шуткамъ, однако же для честнаго слова благородные люди дѣлаютъ гораздо хуже, чѣмъ глупости, и онъ, вытащивъ изъ кармана снурокъ, повязалъ его висѣльнику на кисть; потомъ снялъ шляпу и поклонился такъ ловко, что это сдѣлало бы честь всякому флотскому, который учился менуету на кубрикѣ, безпрестанно сгибаясь для сохраненія лба отъ низкой палубы, и безпрестанно оглядываясь, чтобъ не слетѣть въ люки. За поклономъ слѣдовала пригласительная рѣчь по данной формулѣ, и потомъ братъ мой снялъ перчатку, прикоснулся къ рукѣ мертвеца — должно признаться однакожъ, съ та-

ю осторожностію, какъ докторъ, который
нетъ пощупать пульсъ у зараженнаго чумою.
то самое мгновеніе, когда онъ обвилъ
ними перстами ледяную руку висѣльника,
звучали городскіе часы полночь, и заунын-
й гулъ ихъ, напоенный вѣтромъ, показался
ату печальнѣе погребальнаго колокола; съ
ими вмѣстѣ онъ почувствовалъ, что мертвецъ
алъ и по-дружески потрясъ его руку.

Я вамъ сказалъ уже, господа, что братъ
й былъ безстрашный офицеръ по природѣ
по привычкѣ: онъ, не блѣднѣя встрѣчалъ
езапный тифонъ изъ-подъ вѣтра, и рупоръ
о ревѣлъ подъ картечными выстрѣлами грох-
36 фунтовыхъ карронадъ . . . но тутъ бы-
дѣло инаго рода. Онъ признавался жив,
о хотя мозгъ его и плавалъ до тѣхъ поръ
разгоряченныхъ парахъ вина — но отъ это-
пожатія вдругъ превратился въ порцію
роженаго пунша . . . вся философія исчез-
, холодъ змѣей проползъ по костямъ и онъ
изумленіемъ страха увидѣлъ, что съ пер-
го удара часовъ мертвецъ началъ потряхи-
ться, побрякивать своими закованными но-
ми и подпрыгивать, то внизъ, то вверхъ,
подобіе рулетки — такъ разобрала его охо-
поплясать подъ звукъ полночной музыки.
аконецъ часы протяжно добили двѣнадцать,

послѣдній ударъ стихъ въ окрестности. Вмѣстѣ съ всѣмъ кончились и адскія антракты; за то невинный голосъ мертвеца поразилъ слухъ моего брата, который и безъ того, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ, желая не вѣрить собственнымъ чувствамъ. Мертвецъ не шевелилъ губами, но голосъ его, вырываясь изъ груди, то слышался глубоко подъ землею, то вдали, то прямо надъ ухомъ брата, и никогда въ жизни не слыхивалъ братъ столь ужасныхъ звуковъ, столь потрясающаго голоса.

— Онъ былъ вѣрно чревовѣщатель, замѣтилъ человѣкъ съ готическимъ носомъ: въ самой глубокой древности мы начитываемъ тому примѣры.

— Не знаю, продолжалъ капитанъ: бывали ли въ древности мертвые чревовѣстники на треножникѣ оракульскомъ, только едва ли не первому моему брату удалось открыть это качество на глаголъ. Онъ, какъ я уже имѣлъ честь сказать вамъ, стоялъ ни живъ, ни мертвъ, и звуки съ того свѣта лились на него, какъ холодный дождь на прозябшаго путника. Первая мысль, которая ему представилась, была — удалиться, но онъ не могъ тронуться съ мѣста: каблуки его будто пустили корни въ землю; волею и неволею надо было покориться адской силѣ, и онъ опустя руки по швамъ,

, предъ повѣшеннымъ, какъ виноватый
ъ передъ ротнымъ своимъ командиромъ.
Слушай, иноземецъ, что я скажу тебѣ!
ино произнесъ разбойникъ: ты пришелъ
хаться надъ мертвымъ, но вспомни, что
смерти перестаетъ судъ человѣческій, и
аетъ судъ Божій! Съ той минуты, что
есталъ жить какъ разбойникъ, ты дол-
былъ пожалѣть обо мнѣ, какъ о собра-
емъ. Впрочемъ, ты честный человѣкъ,
сердце лучше твоей головы; небо до-
тъ грѣшника загладить черезъ тебя од-
ь вопіющихъ преступленій, записанныхъ
ю въ книгѣ осужденія. Недавно убивъ
одной иностранной дѣвушки, я ограбилъ
достояніе, но, что всего важнѣе, съ
омъ похитилъ я и бумаги, безъ кото-
она должна скитаться безъименною ни-
въ чужбинѣ, и стать жертвой порока.
то закопано на томъ же мѣстѣ, гдѣ со-
но убійство, въ ближайшемъ отсюда
, подъ деревомъ, на которомъ зарубле-
а креста: оно девятое по тропинкѣ отъ
, и ты легко узнаешь его. Возьми этотъ
ъ, приготовленный для позорной моги-
ей, и рой землю на сѣверъ отъ пня, въ
шагахъ разстоянія. Но не озирайся на-
что бы тебѣ ни чудилось — тамъ най-

дешь ты роковое сокровище — и если дорога тебѣ душа твоя, вручи его несчастной жертвѣ. Завтра въ самый полдень жди ее на набережной, и первая женщина, которая встрѣтитъ тебя съ послѣднимъ ударомъ часовъ—будетъ она. Дай руку и честное слово на исполненіе!

Тутъ висѣльникъ протянулъ ему ладонь свою, будто увѣренный въ согласіи.

— Хорошо сказано для разбойника! произнесъ Москвичъ.

— А на какомъ языкѣ говорилъ онъ съ вашимъ братцемъ? спросилъ гвардеецъ, у котораго каждая фраза, какъ скорпіоновъ хвостъ, непремѣнно загибалась вопросительнымъ крючкомъ.

— Да, въ немъ говорилъ нечистый духъ, увѣрительно примолвилъ толстый Рязанскій ножевщикъ.

— А чортъ отличный филологъ, замѣтилъ антикваріи: и если бъ онъ взялся сочинить всеобщую грамматику, то заставилъ бы краснѣть всѣ академіи въ свѣтѣ.

— Я совсѣмъ противнаго мнѣнія, возразилъ таинственный человѣкъ: врагъ человѣческаго рода не можетъ ни дѣлать, ни желать добра; а этотъ висѣльникъ, напротивъ, требовалъ очень добраго дѣла.

— Но кто вамъ поручился, что это не искушеніе, не адская западня, вскричалъ артиллеристъ.

— Я почти увѣренъ, что злые духи разорвутъ на части почтеннаго братца г. капитана, молвилъ Рязанецъ.

— А я такъ думаю, что онъ женится, или, по крайней мѣрѣ, влюбится въ облагодѣтельствованную имъ дѣвушку, сказалъ догадливый сотрудникъ дамскаго журнала.

— Если вы, господа, станете безпрестанно перерывать разсказъ, то пожѣнаете брату моему и жениться и быть разорвану въ клочки, вскричалъ разскащикъ съ нетерпѣніемъ. Онъ, т. е. братъ мой, стоялъ въ нерѣшимости — дать или не дать ему слово на такое запутанное дѣло. Какъ ни перемѣшаны были мысли его сверхъестественнымъ этимъ явленіемъ, однако жъ онъ ясно видѣлъ, что возвратъ золота и документовъ могъ навлечь на него подозрѣніе объ участіи въ злодѣйствѣ. Юстиція не принимаетъ никакихъ чудесныхъ откровеній послѣ смерти, и свѣтъ скорѣе могъ счесть этотъ поступокъ уликою совѣсти, чѣмъ случаемъ или чертой благородной рѣшительности. Сердце, однако же, перемогло разсудокъ.

— Пусть одинъ Богъ будетъ моимъ свидѣтелемъ, сказалъ онъ: что бы со мной ни слу-

чилось, я сдѣлаю все для несчастной сироты — и протянулъ руку къ покойнику.

— Благородный человѣкъ, произнесъ тотъ, пожимая руку брата, и въ этотъ разъ она показалась ему не столь холодна, какъ прежде.

Онъ схватилъ на плечо заступъ и быстрыми шагами пошелъ къ лѣсу . . . Вступая въ опушку, онъ оглянулся, и ему почудилось, будто мертвецъ спрыгнулъ съ висѣлицы и бѣжитъ въ слѣдъ за нимъ; но облако налетѣло на луну и братъ ничего не могъ различить болѣе. Скрѣпивъ сердце, шелъ онъ по роковой тропинкѣ, и скоро—дерево, свидѣтель убійства и стражъ добычи, — предстало передъ глаза его. Мысль, что здѣсь раздавались напрасные крики о помощи, напрасныя мольбы о пощадѣ и послѣднія стенанія зарѣзаннаго; мысль, что онъ попираетъ стопой мѣсто, гдѣ злодѣйски пролилась кровь неповинная, снова взволновала его душу. Воображеніе рисовало очамъ ужасную картину . . . Ему въ самомъ дѣлѣ мечтались вопли и угрозы борьбы, стонъ и хрипѣніе смерти. Въ этомъ расположеніи духа принялся онъ за работу. Холодный потъ капалъ съ лица, сердце билось высоко — и вотъ адскій хохотъ, дикіе свисты и плесканье въ ладоши раздались за плечами его. Синіе огни вспыхивали тамъ и сямъ; де-

рево сыпало на голову брата блестящие листья, и большіе камни падали кругомъ — онъ рыл[illegible], не оглядываясь. Однако отважность его ос[illegible] бѣла, разумъ мутился, голова пошла круго[illegible] — ужасъ оледенилъ чувства. Наконецъ засту[illegible] его ударилъ во что-то твердое — и въ то[illegible] же мигъ, съ угроснымъ топотомъ, ржаніе[illegible] и плесками нѣчто тяжелое рухнуло на не[illegible] внезапно — и онъ палъ безчувственъ въ яму[illegible], вырытую его руками.

Что съ нимъ сталось послѣ, онъ не пом[illegible]нитъ. На одно мгновеніе, будто сквозь уду[illegible]шающій сонъ, мечталось ему ржаніе коней[illegible], стукъ колесъ, говоръ людей — и только. Долго, долго послѣ, по крайней мѣрѣ черезъ[illegible] сутки, казалось брату, очнулся онъ. — Была[illegible] ночь, — но при какомъ-то слабомъ свѣтѣ[illegible] щупая и озираясь кругомъ и припоминая про[illegible]шлое, съ несказаннымъ удивленіемъ увѣрил[illegible]ся онъ, что лежитъ на диванѣ, въ той же са[illegible]мой комнатѣ Норвежскаго трактира, въ кото[illegible]рой пировалъ онъ съ Англичанами. За сто[illegible]ломъ, однако, не было уже никого; одинъ огарокъ едва озарялъ предметы и дремалъ, подобно всей природѣ. Только маятникъ ста[illegible]ринныхъ часовъ, повторяя свои однозвучные *тикъ, тикъ*, еще замѣтнѣе дѣлалъ безмолвіе ночи. Стрѣлка показывала четверть пятаго.

— Хозяинъ! закричалъ братъ мой.

Никто не откликался.

— Хозяинъ! повторилъ онъ такъ громко, что зазвенѣли окошки, и толстая фигура съ вѣющимъ ртомъ и полуслѣпленными глазами показалась въ двери въ шлафрокѣ.

— Гдѣ Англичане? былъ первый вопросъ моего брата — и вмѣсто отвѣта хозяинъ полѣзъ рыться въ огромномъ дѣдовскомъ комодѣ, въ которомъ каждый ящикъ могъ бы вмѣщать по нѣскольку человѣкъ гарнизона; вынулъ что-то оттуда, хладнокровно снялъ его свѣчи, поднесъ ее къ носу моего брата и, снявъ колпакъ, подалъ ему письмо. Братъ мой былъ человѣкъ акуратный, и какъ ни сгозило любопытство въ глазахъ и пальцахъ, онъ раза два оборотилъ письмо направо и налѣво, прочелъ адресъ, весьма подробно написанный, потомъ взглянулъ на печать, въ гербѣ которой изображенъ былъ полунощій левъ — вѣрная эмблема воина придворнаго — и дубовы — знакъ твердости, хотя вещь давно изгнанная съ паркета. Наконецъ онъ вскрылъ письмо; въ немъ написано было: «Спѣшу! мы проиграли закладъ: вы не только храбрѣйшій, но и достойнѣйшій человѣкъ! Вѣстопая пушка грянула, корветта снимается съ якоря и не дастъ намъ ни минуты для объясненій. Про-

щайте! будьте счастливы и не забывайте людей, которые считаютъ честью быть вашими друзьями.»

Внизу была подпись всѣхъ собесѣдниковъ того вечера.

— Понимаю, сказалъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ, значительно нюхнувъ табаку, понимаю.

— Этого не льзя и не понять, прибавилъ гвардеецъ: братецъ вашъ всю эту исторію, или, лучше сказать, всю эту басню видѣлъ во снѣ.

— Во снѣ! неужели во снѣ? вскричалъ таинственный человѣкъ, обращаясь съ вопросомъ къ разскащику и болѣ, чтобы эта прекрасная повѣсть о мертвецахъ не превратилась во что нибудь естественное.

— Братъ мой сначала думалъ то же самое, поправилъ драгунскій капитанъ, покуда между сгибомъ письма не нашелъ банковаго билета на сто фунтовъ стерлинговъ. Вы, я думаю, согласитесь, г-нъ капитанъ, что хотя въ сновидѣніяхъ нерѣдко даютси намъ золотыя горы, только онѣ разлетаются въ дымъ отъ одного мига рѣсницъ; но этотъ сонный кладъ преспокойно остался у него въ карманѣ.

— Англійская шутка, сказалъ тогда сосѣдъ мой, адъютантъ: нѣкоторые изъ моряковъ лег-

ко могли заскакать впередъ и сыграть эту драму; воображеніе дополнило остальное.

— Милостивый государь, возразилъ драгунъ-наѣздникъ, нахмурясь и грозно расправляя усы; братъ мой не говорилъ мнѣ ничего подобнаго, и я не думаю, чтобы вы имѣли причину сомнѣваться въ словахъ моихъ.

Нечего было спорить противъ такой убѣдительной логики — и всѣ прикусили язычки, готовые уже на разныя замѣчанія, не желая изъ-за мертвыхъ ссориться съ живыми.

— Господа! сказалъ артиллеристъ, закуривая трубку: мнѣ кажется, справедливо бы каждому разсказать какую нибудь исторію, какой нибудь анекдотъ изъ своей или чужой жизни — это бы помогло намъ коротать другіе вечера и заключить сегодняшній.

— И еще справедливѣе, чтобы вы скрѣпили этотъ благой совѣтъ своимъ примѣромъ, возразилъ гвардеецъ. Артиллерія должна издали открыть огонь; мы, пѣхотинцы, будемъ прикрывать ее. Капитанъ, какъ отличный наѣздникъ, завязалъ дѣло и навелъ непріятеля на орудія — теперь ваша очередь.

— Помилуйте, господа, отвѣчалъ артиллеристъ, отговариваясь отъ приглашеній: — я, право, не приготовился и принужденъ буду стрѣлять холостыми зарядами.

— Тѣмъ лучше, что не готовились, сказалъ прокуроръ; по первымъ показаніямъ и по горячимъ слѣдамъ скорѣй доберешься толку.

— Только что нибудь необыкновенное, примолвилъ человѣкъ, похожій на запечатанный Соломоновъ сосудъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, — произнесъ артиллерійскій ремонтеръ, окидывая глазами собраніе, между тѣмъ какъ грустная улыбка воспоминанія изобразилась на его устахъ, — я разскажу вамъ истинное приключеніе моего дяди въ Польшѣ, при началѣ войны Конфедератовъ. Оно такъ сильно подѣйствовало на его умъ, что онъ постригся въ монахи и умеръ въ Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Таинственный человѣкъ вытянулся въ нитку; всѣ придвинули стулья.

— Думаю, каждый изъ васъ, господа,— началъ артиллеристъ — слышалъ разсказы Екатерининскихъ служивыхъ объ ужасной Варшавской заутренѣ. Тысячи Русскихъ были вырѣзаны тогда, сонные и безоружные, въ домахъ, которые они полагали дружескими. Заговоръ веденъ былъ съ чрезвычайною скрытностію. Тихо какъ вода, разливалась враждебная конфедерація около довѣрчивыхъ земляковъ нашихъ. Ксіондзы тайно проповѣдывали крово-

пролитіе, но въ глаза льстили Русскимъ. Вельможные паны вербовали въ маіонткахъ своихъ буйную шляхту — а въ городѣ пили Венгерское за здоровье Станислава, котораго мы поддерживали на тронѣ. Хозяева точили ножи — но угощали безпечныхъ гостей, что называется, на убой: однимъ словомъ всѣ, начиная отъ командующаго корпусомъ генерала Игельстрома до послѣдняго деньщика, дремали въ гибельной оплошности. Знакомъ убійства долженствовалъ быть звонъ колоколовъ, призывающихъ къ заутренѣ на свѣтлое Христово Воскресеніе. Въ полночь раздались они — и кровь Русскихъ полилась рѣкою. Вооруженная чернь, подъ предводительствомъ шляхтичей, собиралась въ толпы, и съ грозными кликами устремлялась всюду, гдѣ знали или чаяли Москалей. Захваченные въ расплохъ, равнодушно, иные въ постеляхъ, другіе въ сборахъ къ праздинку, иные на пути къ костеламъ, они не могли ни защищаться, ни бѣжать, и падали подъ безславными ударами, проклиная судьбу что умираютъ безъ мести. Нѣкоторые, однако жъ, успѣли схватить ружья и, запершись въ комнатахъ, въ амбарахъ, на чердакахъ, отстрѣливались отчаянно; очень рѣдкіе успѣли скрыться. Счастливцами назваться могли впавшіе въ плѣнъ. По все-

му городу, изъ конца въ конецъ, раздавался глухой вопль Посполитаго Рушенья, заглушаемый набатомъ и выстрѣлами, между коими гремѣли тревожные перекаты Русскихъ барабановъ и замолкали вновь, подавленные крикомъ народнымъ. Рѣзня длилась; смерть въ разныхъ образахъ сторожила Русскихъ — и никому не было пощады. Я зналъ одного отставнаго солдата, который въ ту пору съ пятью товарищами мылся въ банѣ: Поляки окружили ее, зажгли, заперли и со свирѣпою радостію слушали ихъ отчаянные крики. Къ счастью его, обрушился потолокъ; онъ вспрыгнулъ по пылающимъ стропиламъ къ верху, и, полусожженный, кинулся въ Вислу, на берегу которой стояла баня. Другой — но теперь дѣло не о другихъ.

— Дядя мой, кирасирскій поручикъ, находился въ этомъ же корпусѣ безсмѣннымъ ординарцемъ при одномъ изъ генераловъ — и я прошу позволенія познакомить васъ съ моимъ дядею покороче. — Онъ имѣлъ неоцѣненное счастіе родиться въ золотой, патріархальный вѣкъ Русскаго дворянства, въ степныхъ деревняхъ Тамбовской губерніи. Строгія понужденія Петра Великаго, чтобы недоросли учились и служили съ малолѣтства, грянули тамъ громомъ — но давно уже минули, по-

добно страшному спу, и они безбоязненно катались въ невѣжествѣ, какъ сыръ въ маслѣ. Едва мальчикъ раждался на свѣтъ — цѣлое вѣче родныхъ и сосѣдокъ собиралось къ родильницѣ, и каждый и каждая, отпустивъ ей по нѣсколько привѣтовъ одинъ другаго старѣе, одинъ другаго глупѣе, — клали подъ подушку по золотой монетѣ *на зубокъ* новорожденному. За тѣмъ мамка выносила его самого на подушкѣ, краснаго, какъ рака, и всѣ съ важнымъ видомъ обступали младенца, щупали, обдували, разсматривали его съ большимъ вниманіемъ и, обыкновенно по старшинству или по звонкости женскихъ голосовъ, рѣшали: будетъ ли у него руно или перья? Въ первомъ случаѣ — когда младенецъ могъ уже ходить на четверенькахъ, какъ прилично столбовому дворянину — его пускали между телятами и барашками научиться кротости и благонравію. Въ другомъ, дожидались времени, когда онъ могъ стоять на двухъ собственныхъ ножкахъ, и тогда кругъ его воспитанія начинался на птичномъ дворѣ съ курами и гусями. Этотъ родъ домашняго воспитанія, столь близкаго къ простотѣ природы, съ очень неважными перемѣнами, продолжался обыкновенно до тѣхъ поръ, покуда нѣсколько неугомонныхъ ревнивыхъ мужей, крестьянъ, не при-

ходили съ жалобами на молодаго барченка. Тогда нѣжная матушка заключала, хотя и весьма неохотно, что ребенку пора учиться, и давай слать гонцевъ въ Москву за азбукою, а въ Петербургъ за патентомъ на чинъ гвардіи сержанта. Ни дать, ни взять, этотъ же порядокъ произшествій соблюденъ былъ и съ возлюбленнымъ моимъ дядюшкою. Совѣтъ семичикомъ рѣшилъ, что въ немъ орлиная природа, и въ слѣдствіе такихъ примѣтъ, пернатое племя было товарищемъ его дѣтства, и юность его услаждалась драками съ индѣйскими пѣтухами. Но у ребенка пробился усъ, и хоть — Амуръ со стрѣлой своей, цирульникъ съ бритвою и приходскій дьячекъ съ указкою, явились къ нему вдругъ — рушители покоя и безпечности. Книга показалась дядѣ моему медвѣдемъ, и это впечатлѣніе на юные нервы осталось въ немъ едва ли не на всю жизнь: отъ книгъ онъ вѣчно бѣгалъ, какъ бѣсъ отъ ладона — и мать его увѣряла, что одна азбука стоила ей цѣлаго воза Вяземскихъ пряниковъ для утѣшенія испуганнаго дитяти. Дитя, однако же, одарено было особенною понятливостію, и въ два года прошло до четверныхъ складовъ; но *по верхамъ*, вѣроятно отъ застѣнчивости, и на третьемъ читалъ онъ плоховато. За то ужъ письмо далось ему на

диво. По линейкамъ, начерченнымъ обыкновенно угломъ гребешка, бѣгло писалъ онъ по палочкамъ и, не хвастовски сказать могу, слова его походили на фрунтъ немножко хмѣльныхъ солдатъ; но въ позднѣйшія времена, въ службѣ, онъ еще болѣе наметалъ руку, и каждая буква его подписи разгульными своими кудрями походила на завитую въ семикъ березку.

Въ двадцать два года, отецъ впервые назвалъ его *добрымъ молодцемъ*, а мать съ плачемъ стала собирать на службу. Какъ ни хотѣлось дядѣ моему посмотрѣть свѣта, но горьки показались ему слезы разлуки. Мать просила его беречь здоровье, отецъ велѣлъ беречь денежки, и оба крѣпко накрѣпко наказывали поздравлять съ праздниками Петербургскихъ своихъ родственъ, разумѣется чиновныхъ. Покорный сынъ влѣзъ въ повозку съ твердымъ намѣреніемъ не слѣдовать ни одному совѣту, и, въ сотовариществѣ со степнымъ и степеннымъ дядькою, покатилъ въ столицу. Прибытіе его въ полкъ, его сержантскіе подвиги при равноспаніи Финскаго солнца и при мерцаніи фонарей, которые нерѣдко бивалъ онъ, и наконецъ переводъ поручикомъ въ одинъ армейскій кирасирскій полкъ — не принадлежатъ къ нашей исторіи, и по-

тому я скажу только, что дядя мой сталъ молодцемъ въ полномъ смыслѣ слова. По росту и дородству вы бы могли счесть его потомкомъ Сухаревой башни, а сила сераскѣрма была огромности туловища: словомъ, онъ былъ достойный богатырь временъ Суворовскихъ. Вообразите себѣ, что въ одномъ сраженіи съ Турками, конь его на ретирадѣ былъ контуженъ въ переднія ноги. Онъ любилъ коня, какъ брата, и не хотѣлъ, имѣя надежду вылечить, оставить его въ добычу непріятеля. Бѣдняжка! сказалъ онъ: ты не разъ вывозилъ меня изъ бѣды немилучей, теперь за мной череда послужить тебѣ, и съ этимъ словомъ, подхватя четвероногаго товарища подъ переднія лопатки, поволокъ на себѣ, между тѣмъ какъ тотъ переступалъ задними ногами. Такимъ центавромъ прибылъ онъ ко фронту, и когда офицеры стали удивляться его усилію — онъ извинялся тѣмъ, что протащилъ не болѣе полувереты. Впрочемъ, дядя мой, славный уже рубака на войнѣ, былъ лихой товарищъ и въ обществѣ. Охотникъ пошутить и посмѣяться, онъ не былъ лишнимъ ни за бутылкой, ни подлѣ женщинъ. Природа не обидѣла его даромъ слова, а столица весьма и весьма округлила въ обращеніи. Вѣроятно, эти качества доставили ему мѣсто безсмѣннаго

ординарца и, кажется, ни генералъ, ни генеральша не имѣли причинъ въ томъ раскаиваться. Варшава, со своимъ Венгерскимъ вином и милыми Польками, показалась ему настоящимъ земнымъ раемъ: его жизнь плавала тамъ въ океанѣ меду — но гроза невидимо собиралась надъ Русскими и грянула ужасно, судьба судила однако жъ дядѣ моему погибнуть не въ Варшавѣ. Онъ, на страстной недѣлѣ, отправленъ былъ съ важными депешами въ Литву, и удачно выполнивъ свое порученіе, повольно возвращался въ главную квартиру, ничего не зная, не вѣдая. На другой день свѣтлаго праздника, онъ уже находился верстахъ въ полуторастѣ отъ Варшавы, поспѣшая на встрѣчу погибели. У худыхъ вѣстей долгія ноги, и если бъ дядя мой былъ болѣе догадливъ или менѣе довѣрчивъ, то легко могъ бы замѣтить, что въ народѣ происходитъ необыкновенное волненіе. Но онъ, по обычаю всѣхъ Русскихъ курьеровъ, просыпался только побраниться на станціи, выпить рюмку старой водки у Жида, и снова залечь въ плетеную бричку, лишь повременно покрикивая «пошелъ!» и пересыпая это увѣщаніе перцомъ весьма выразительныхъ Русскихъ междометій, разнообразіе которыхъ неоспоримо доказываетъ древность и богатство нашего языка, хотя ихъ не

льзя отыскать въ академическомъ словарѣ. На облучекъ съ нимъ садился вахмистръ того же кирасирскаго полка, Иванъ Зарубаевъ, удалецъ не хуже моего дяди. Онъ былъ у него квартермистръ, казначей, камердинеръ и тѣлохранитель въ одномъ лицѣ; и сомнѣніе ли Поляковъ объ удачѣ Варшавской заутрени, или робость при видѣ двухъ великановъ, вооруженныхъ съ ногъ до пояса — только, не смотря на косые взгляды и проклятія, процѣженные сквозь зубы, имъ до сихъ поръ всѣдѣ давали лошадей, и нагайка Зарубаева, гуляющая безъ лицепріятія по спинамъ четвероногихъ и двуногихъ служителей почтъ, доставляла путникамъ очень скорую ѣзду. Зарубаевъ однако, видя необычайное столпленіе шляхты, которая заломавъ шапки и засунувъ руки за поясъ, гордо волочила за собой ржавыя сабли, явно брани Русскихъ и съ хвастливымъ видомъ угрожая искрошить ихъ на табакъ, счелъ за нужное отрапортовать о томъ поручику.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ, вытянувшись сколько могъ, половиною тѣла, на облучкѣ: Поляки затѣваютъ что-то недоброе, они грызутся на насъ, какъ волки на собакъ. Во многихъ деревняхъ, я видѣлъ, насаживаютъ косы на ратовища, и привязываютъ флюгарки къ пилямъ; шляхта чиститъ дробовики

и сабли — вонъ, изволите ли видѣть, намъ перескакали дорогу человѣкъ пять съ пиками? Это не сироста!

— Въ самомъ дѣлѣ, Зарубаевъ, отвѣчалъ мой дядя: я и самъ замѣтилъ, что Поляки стали съ нами горды, какъ трехбунчужные паши, и вмѣсто прежняго *падамъ до ногъ*, готовы взлѣсть на шею — далеко, братъ, кулику до Петрова дня! А что, есть ли у насъ, Иванъ, Адамовы слезы?

— Какъ не быть, ваше благородіе! отвѣчалъ вахмистръ, открывая пробку оплетенной фляги, которая висѣла у него чрезъ плечо: я всякой день насыпаю на полку свѣжаго пороху.

— Такъ не о чемъ и горевать, сказалъ мой дядя, потягивая душеспасительный травникъ: покуда у Русскаго солдата есть чарка въ головѣ, сухарь въ карманѣ и желѣзо въ рукахъ, ему нечего бояться. — Пошелъ!

Въ этихъ миролюбивыхъ мысляхъ прикатили они къ слѣдующей станціи.

Шумный кругъ тѣснился у крыльца почтоваго дома; съ него, сухощавый Полякъ, — вѣроятно экономъ фольварка, весьма похожій на тощую Фараонову корову, которая проглотила тучную, не ставъ отъ того сытнѣе, — что-то съ жаромъ проповѣдывалъ, и грозные клики:

выразонець, выразонець *! вмѣстѣ съ шапками летѣли на воздухъ.

— Лошадей! закричалъ Зарубаевъ, между тѣмъ какъ ропотъ: Москаль, Москаль! раздавался кругомъ.

— Тройку изъ курьерскихъ, по указу Ея Императорскаго Величества, сказалъ мой дядя, шпырнувъ подорожную въ носъ экономa.

— *Тымъ горжей* ** гордо возразилъ тотъ, — коней не ма.

— Какъ не ма? для курьера не ма? хоть роди да подай! вскричалъ, вспыхнувъ мой дядя, — или я тебя самаго впрягу въ хомутъ, тюленья харя!

Между тѣмъ Поляки сжимали кругъ ближе и ближе, и съ каждой минутой угрозы ихъ становились дерзостнѣе, поступки безчиннѣе.

— Схватить ихъ, связать ихъ! кричали одни.

— Убить, убить! ревѣли другіе: имъ одинъмъ скучно будетъ въ Польшѣ — отправьте ихъ гонцами къ свату ихъ, сатанѣ! и тому подобныя любезности.

— Не пустить ли, ваше благородіе, шутиху въ зубы этой челяди? спросилъ Зарубаевъ у дяди. Пистолеты у меня заряжены картечью;

* Вырѣзать ихъ, вырѣзать.

** Тѣмъ хуже.

ля, по крайней мѣрѣ, позвольте поработать палашемъ — ему бѣднягѣ душно въ ножнахъ.

Но дядя мой имѣлъ благоразуміе запретить вахмистру наступательныя дѣйствія, и далъ знакъ держать только оружіе на готовѣ.

— Завладѣй сперва бричкою этого шляхтича, потихоньку сказалъ онъ Зарубаеву и тотъ вмигъ исполнилъ фланговое движеніе къ бричкѣ. Тогда дядя мой рѣшился: медлить было нечего. Толпа готовилась задавить ихъ множествомъ: самые хвастливые изъ шляхтичей обнажили уже клинки свои, и гарцуя надъ головою дяди, то подносили концы ихъ къ носу его, заставляя нюхать старопольскую славу, то втыкали ихъ въ землю, то потачивали на колесѣ, — это вывело его изъ терпѣнія; онъ сверкнулъ глазами и палашемъ, скомандовалъ Зарубаеву: укороти поводья! схватилъ за воротъ сухощаваго Поляка и, между тѣмъ какъ тотъ кричалъ, злапайце того дурня*! бросилъ его подъ мышку, какъ зонтикъ, и потащилъ, задушая, къ бричкѣ. Вскочить въ кресе, втащить за собой плѣнника, и крикнуть Зарубаеву: катай по всѣмъ! было дѣло двухъ миговъ. Зарубаевъ, который, выставя изъ-за края брички, какъ изъ-за бруствера, пару

* Схватите этаго сумасброда.

сѣдельныхъ пистолетовъ, грозился на каждую пулю пронизать по крайней мѣрѣ по три души — не дождался повтореній, и бичъ свой спулъ надъ конями.

— Слушай, пане экономе! сказалъ дядя плѣнщику, сжимая воротъ его при каждой запятой: — объяви этой сволочи, что если хоть одинъ кинетъ въ меня камнемъ, или выстрѣлитъ, или станетъ преслѣдовать, то я не иначе явлюсь въ пеклѣ, какъ верхомъ на тебѣ!

При окончаніи этого родительскаго увѣщанія онъ такъ давнулъ бѣднаго шляхтича, что тотъ заревѣлъ, какъ Фаларидовъ быкъ, и ради всѣхъ святыхъ сталъ умолять бѣгущую сзади громаду не трогать Русскихъ, щадя его. Долго еще имъ слышались брань и проклятія раздраженной черни, у которой ускользнула изъ рукъ вѣрная добыча; но повозка летѣла, и треть дороги была уже за нами, когда звукъ набата въ селѣ, впереди на дорогѣ лежащемъ, принудилъ ихъ остановиться. Ѣхать назадъ было имъ безразсудно, впередъ еще опаснѣе: что тутъ прикажете дѣлать? Дядя призадумался, спросилъ Адамовыхъ слезъ, которыя были у него въ родѣ карманнаго вдохновенія во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ жизни... потомъ приложилъ палецъ ко лбу, какъ будто

для извлеченія электрическої искры ума — и снова ухватилъ шляхтича за воротъ.

— Слушай, ты, Вавилонская лихорадка, сказалъ онъ ему: — веди меня окольными дорогами не слишкомъ близко къ большой дорогѣ, и не далеко забираясь въ сторону. Если же ты задумаешь бѣжать, или, чего Боже сохрани, завести меня въ западню, то я впущу тебѣ въ брюхо такую ягоду, что она не сварится въ немъ до страшнаго суда, хотя бы желудокъ твой былъ крѣпче нежели у строуса. Зарубаешь! отдай ему пожни, да держи за кушакъ, и чуть онъ покривитъ душой или зашевелитъ усами — спусти гончую собаку — понимаешь?

И трепещущій Полякъ понялъ это весьма хорошо: взялъ на коолы, своротилъ вправо, и путники наши скоро выѣхали на какую-то проселочную дорогу.

Мы не удивимся поведенію дяди въ такомъ необходимомъ случаѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ уже въ отмѣстку за обиду и по чувству самохраненія; но впрочемъ онъ, подобно всѣмъ военнымъ того времени, безъ всякой нужды готовъ былъ на подобныя выходки. Ихъ вѣкъ былъ вѣкомъ, въ который люди угнетали другихъ людей во всей невинности сердца: тогдашній дворянинъ крѣпко вѣровалъ, что Богъ создалъ

для него только девять заповѣдей, а десятую отдалъ ему въ бенефисъ; что крестьяне суть животныя, и что спины ихъ необходимо требуютъ побоевъ, лбы рогонъ, а карманы просѣвки, и если ропщутъ, то вѣрно по глупости или отъ непривычки. Солдатъ, въ свою очередь, почиталъ себя тоже привиллегированнымъ существомъ. Слѣдуя примѣру старшихъ, онъ приходилъ на квартиру, какъ въ завоеванный приступомъ городъ — и мужикъ, вчерашній товарищъ его, Богъ знаетъ почему, становился его вассаломъ. Въ цѣлой деревнѣ мальчики прятались за углы, и собаки, поджавъ хвостъ, влѣзали въ подворотню, когда старый служивый совершалъ по улицѣ свое торжественное шествіе изъ кружала, и онъ, свертѣвши голову курицѣ или палъ краденого поросенка, бывало приговаривалъ: за матушку за царицу, за святую Русь, въ полной увѣренности, что этому не должно быть иначе. Мы еще застали обрывчики солдатскаго молодечества на постояхъ, но это была уже одна тѣнь золотаго вѣка, о которомъ вздыхаютъ отставные усачи, говоря: то-то было времячко! Пришелъ ли на квартиры, все твое — и куры и жены: офицеры пьютъ да бьютъ неправниковъ, а мы свозимъ стога сѣна и щипемъ бороды неугомонныхъ; ведро вина для квитанціи и

— все шито, да крыто . . . что за обѣда на слугъ государевыхъ? Бывало, что день, то масляница. На Руси капуй какъ въ землѣ непріятельской, а у союзниковъ, какъ на Руси! Мудрено ли же, правду сказать, что съ такою политикою между нашими гренадерами, Поляки не слишкомъ рады были незваннымъ гостямъ?

— Между тѣмъ, господа, бричка катилась, солнце садилось, и дядя мой, стягивая патронташъ съ пистолетами, очень умильно поглядывалъ въ обѣ стороны, не увидитъ ли гдѣ деревушку для взысканія съ нея контрибуцій въ пользу тощаго своего желудка. Вмѣсто деревни, однако же, увидѣлъ онъ столбъ пыли на дорогѣ, которая тихо вилась къ нимъ на встрѣчу. Они разслышали хлопанье бича и дребезжаніе досочекъ и винтовъ и цѣпей какой-то повозки — и вотъ пыль разступилась: цѣлый цугъ коней въ высокихъ хомутахъ съ вѣющими по нимъ флюгерами, кистями и бляхами — тащилъ старинную инвалидную карету. Верхъ у ней былъ сквозной, и кожаныя занѣсы, замѣнявшія наши стекла, подвязаны къ столбикамъ. Внутри, на горѣ изъ подушекъ и всякой рухляди, лежалъ преважно растянувшись, какой-то вельможный панъ, покручивая усы для препровожденія времени.

— Долой съ дороги! кричалъ Зарубаевъ.

— Вправо, или стопчу! былъ отвѣтъ Польскаго кучера, и — между тѣмъ оба катили прямо другъ на друга, не уступая мѣста, какъ добрые дипломаты.

— Кеды Москальгицель не звруци зъ дроги — наль го въ лебъ зъ бича *! закричалъ возницѣ своему гордый панъ, которому и самая степь Киргизъ-Кайсаковъ показалась бы узка при встрѣчѣ: но кони уже сгрянулись, дышла затрещали, колесо поломалъ, и обѣ повозки полетѣли вверхъ копылками. Между тѣмъ, какъ ѣздоные хлестались, и кони храпѣли подъ тяжестію кузова или запутанные въ упряжь—дядя мой, который выходилъ изъ себя отъ одпаго грубаго слова — бѣжалъ къ нему въ бѣшенствѣ отъ обидпихъ словъ, обнаживъ свой шестпядный палашище, и обѣщая сдѣлать изъ него двуглаваго орла. Но панъ уже успѣлъ выбиться изъ-подъ перипъ и ящиковъ, и съ саблей въ рукѣ ожидалъ нападенія. Разумѣется, пи одинъ изъ нихъ не скупился на удары, и между тѣмъ какъ искры сыпались съ клинковъ, брань летѣла съ языковъ и удвояла запальчивость обоихъ. Дядя мой кричалъ, что онъ допытается, чѣмъ подбита польская ко-

* Если Русскій не своротитъ съ дороги, то катай его бичемъ въ лобъ!

жа, а панъ ревѣлъ, что онъ отрубитъ Русскій носъ на завтракъ своему пуделю; и въ самомъ дѣлѣ противникъ былъ лихой рубака и дважды уже задѣлъ его по локтю, между тѣмъ какъ дядя мой косилъ на право и на лѣво безъ всякаго разбора. Счастье однако лучше умѣнья — и дядя мой, рубнувъ съ плеча, раздробилъ саблю, которая была уже на дорогѣ короткаго знакомства съ его носомъ, и такъ стукнулъ противника въ лобъ рукояткою, что онъ рухнулъ въ крови, не успѣвъ ахнуть. Нажившъ новую бѣду на руки, любезный дядюшка мой спѣшилъ ретироваться, покуда слуги суетились около вельможнаго: на бѣду, плѣнный шляхтичъ, пользуясь замѣшательствомъ, ударилъ до стараго замка, т. е. до лѣсу, а Зарубаевъ, потирая бока, докладывалъ, что онъ не знаетъ дороги. Ступай куда глаза глядятъ! — былъ приказъ, и нагайка взвилась опять надъ бѣгунами.

Скоро потеряли они изъ виду мѣсто побоища, и солнце юркнуло за горизонтъ, будто только и ждало конца славныхъ подвиговъ. Среди враговъ, въ мѣстахъ незнакомыхъ, въ темную ночь — не слишкомъ весело хоть какому рыцарю; но, что хуже всего, дядя мой чувствовалъ тогда страсть ужаснѣйшую всѣхъ прочихъ, ибо она не знаетъ забвенія, ни при-

ирепья, и убиваетъ въ три дня страсть, которую въ просторѣчіи называютъ голодомъ! Вообразите же себѣ его радость, когда, обогнувъ лѣсокъ, онъ увидѣлъ не вдалекѣ передъ собою старинный Польскій замокъ и въ окошкахъ его освѣщеніе, достойное святой недѣли, которая въ Польшѣ есть настоящій праздникъ г[illegible] Подъѣзжая ближе, онъ съ изу[illegible]ѣтилъ, что просѣка, ведущая [illegible] заросла уже мелкимъ березняко[illegible]во многихъ мѣстахъ была осы[illegible] ворота лежали у верей въ кранин[illegible]ь заглохъ дикими растеніями, и са[illegible] разрушенъ по оконечностямъ; о[illegible]ъ, все доказывало давнее запус[illegible]битаемость. Это поразило Зарубаева, и онъ сдержалъ коней.

— Ваше благородіе! сказалъ онъ крестясь: тутъ не чисто: въ этихъ брошенныхъ палатахъ могутъ стоять на постоѣ только злые духи. По всему замѣтно, что здѣсь лѣтъ сорокъ не бывало живой души, а теперь въ нихъ говоръ, шумъ и пѣнье. Если бъ сюда съѣхались крещеные люди, такъ были бы кони и поволоки — вѣдь одинѣ Кіевскія вѣдьмы летаютъ на помелѣ. Не лучше ли, ваше благородіе, переночевать въ полѣ, а то не вынесемъ мы отсюда своихъ косточекъ!

— Пошелъ хоть къ самому сатанѣ! сердито закричалъ мой дядя: крестомъ или пестомъ у чертей и у людей можно всего добыть, и я такъ голоденъ, что готовъ вырвать ужинъ изъ пасти у медвѣдя!

Мигомъ перекатили они широкій дворъ, и дядя мой, въ сопровожденіи Зарубаева, который ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ остаться одинъ, пустился ощупью отыскивать входъ въ залу, откуда неслись громкіе голоса. Взбѣжавъ по полуразвалившейся лѣстницѣ во второй этажъ, не безъ опасности сломить себѣ шею, въ передней, наскоро превращенной въ буфетъ, встрѣтилъ онъ толпу суетливыхъ слугъ. Всѣ они были въ охотничьихъ платьяхъ, и споря напересхватъ кто услужитъ хуже, готовились нести ужинъ. Нѣсколько своръ и смычковъ собакъ лежали и прогуливались попарно, въ ожиданіи добычи или подачки, и дядя замѣтилъ одного лакея, который теръ блюдо хвостомъ борзой, между тѣмъ какъ она, ворча, грызла заячью косточку. Запахъ кушанья заставилъ его удвоить шаги — и вотъ онъ посреди залы, между множествомъ Польскихъ панокъ и дамъ, и въ недоумѣніи, къ кому обратить слово.

Появленіе Русскаго латника исполинскаго роста, косой сажени въ плечахъ, вооруже-

маго съ головы до шпоръ, въ перчаткахъ съ раструбами по локоть, въ сапожищахъ съ крагами до полубедра и въ супервестъ* на груди съ огромнымъ орломъ, что дѣлало его весьма похожимъ на странствующій пограничный столбъ Московской губерніи, а далѣе за нимъ, на благопристойномъ разстояніи, точно такая же фигу[illegible] рукой ефесъ палаша — изум[illegible] испугали собраніе. Съ безпокойст[illegible]али Поляки, пойдутъ ли въ с[illegible] передовымъ корпусомъ друг[illegible]ыми штыками, за тѣмъ что врем[illegible] сбора не даромъ могли казаться [illegible]ными. Наконецъ для моей, выб[illegible] котораго гордѣе всѣхъ была осанка, длиннѣе прочихъ усы и богаче поясъ, назвенился, какъ могъ, что онъ Русскій курьеръ, сбился съ дороги и зная Польское гостепріимство, проситъ теперь хлѣба-соли для себя, и потомъ коней для службы государевой. Къ этому онъ придалъ глупость самаго большаго калибра: назвался племянникомъ главнокомандующаго — ложь, ко-

* При императрицѣ Екатеринѣ II гвардейскіе кирасиры носили, по внутренній караулъ, суконное подобіе кирасы съ золотымъ шитымъ орломъ: это-то называлось супервестомъ. Во время рыцарства онъ надѣвался на латы, какъ чахолъ.

торая бывала ему досель очень удачна для полученья подводъ, хорошихъ почлеговъ и угожденій и угощеній.

— А, а! сказалъ нельможный, потирая руки: милости просимъ! мы весьма рады пану племяннику главнокомандующаго.

Эта новость обтекла въ одно мгновеніе ока вокругъ залы — и всѣ, наболѣе дамы, столпились около дяди моего, пожирая его глазами, какъ Страсбургскую колокольню.

— Но позвольте спросить, гдѣ ваша подорожная? спросилъ ласково хозяинъ.

— Вотъ здѣсь, отвѣчалъ дядя мой, опуская руку въ лосиные панталоны и вытаскивая трехпечатный листъ.

Взглянувъ на него, Поляки успокоились, веселость возвратилась, и рады не рады нежданному гостю, усадили одинакожъ его за столъ рядомъ съ очень милою дамою, и всѣ бѣды, всѣ страхи исчезали изъ головы моего дяди точно такъ же, какъ яства съ его тарелки, а вино изъ серебряной стопы, въ которую лукавый сосѣдъ не устарался подливать безпрестанно. Успокоивъ первые вопли желудка, дядя пустилъ глаза на волю. Въ самомъ дѣлѣ все, что ни окружало его, вовсе не походило на вещи здѣшняго міра: огромная зала, расписанная плѣсенью al fresco, гро-

зила паденіемъ; потолокъ былъ выпученъ во-
пами, карнизы, украшенные паутиной, нач-
нали обваливаться, и выбитыя окна на это-
вечеръ завѣшены были коврами, попонами,
даже плащами охотниковъ. Только на сто-
стояло нѣсколько подсвѣчниковъ, но по ст-
намъ воткнуты были охотничьи ножи, и на
нихъ пылали факелы. На одной изъ стѣн
висѣлъ рядъ фамильныхъ портретовъ, мужчин
и женщинъ попеременно: это безмолвная лѣ-
топись ничтожности человѣческой. Краснощ-
кія красавицы, перетянутыя, какъ муравей,
обвѣшанныя рядами кружевъ, на высоких
золоченыхъ каблукахъ, нѣжно косили глаз
на букетъ чудесныхъ цвѣтовъ съ серебряным
листиками, навѣрно подарокъ жениховъ, по-
тому что въ старину дѣвушки принимали по-
дарки только отъ жениховъ. Усатые, брито-
головые паны съ длиннымъ чубомъ на маков-
кѣ, иные въ латахъ, грозно держась за са-
блю, другіе въ расшитыхъ кафтанахъ и куп-
тушахъ, миролюбиво размѣщая пальцы по квар-
тирамъ между алмазныхъ пуговицъ, беспеч-
ною своею физіономіею и двойнымъ подбо-
родкомъ невольно возбуждали аппетитъ, и дя-
дя очень остроумно замѣтилъ, что старики н-
безъ намѣренія вѣшали портреты свои въ сто-
ловыхъ: любя попировать въ жизни, они

по смерти давали потомкамъ охоту къ тому же. Въ мебеляхъ представлялись остовы многихъ вѣковъ отъ самаго потопа. Тамъ широкія кресла протягивали одну ручку, будто прося милостыни, между тѣмъ какъ на вышитой спинѣ трепетались лоскутки прежняго величія. Тамъ долговязый точеный стулъ качался на всѣхъ ножкахъ, потерявъ остальную въ какомъ нибудь домашнемъ сраженіи, и всѣ они разнаго роста, цвѣта и вида, на утиныхъ и гусиныхъ собачьихъ ножкахъ, съ высокими и низкими задинками, подъ блеклой позолотой, все изъ дуба, источеннаго червями, казалось, сбѣжались туда со всѣхъ чердаковъ, какъ на толкучій рынокъ или въ инвалидный домъ заслуженныхъ утварей. Сборъ гостей былъ не менѣе чудесенъ: они казались живыми списками висящихъ по стѣнамъ портретовъ, и всѣ покрои платьевъ, начиная отъ короля Ляшка Бѣлаго, имѣли на нихъ свое мѣсто. Многіе молодые люди носили однако жъ завитые волосы, и Французскіе шитые жилеты сверкали изъ-подъ ихъ двурукавныхъ кунтушей. Хозяинъ, видя, что дядя мой наумлется, окидывая глазами гостей, и комнату, и уборы, поспѣшилъ успокоить на этотъ счетъ его любопытство.

— Не дивитесь, любезный ротмистръ, ска-

залъ онъ (Поляки любятъ производить въ чины), что видите насъ въ этихъ развалившихся стѣнахъ. Травя сегодня съ сосѣдами медвѣдя, я избралъ этотъ, давно уже покинутый палацъ, мѣстомъ отдыха послѣ охоты, по близости его къ лѣсу, гдѣ мы полевали. Не дивитесь и тому, что прекрасное это зданіе заброшено въ пользу нетопырей: я разскажу вамъ о томъ исторію:

— Надобно вамъ сказать, что полвѣка тому назадъ, домъ этотъ сіялъ, какъ алмазъ, и былъ какъ полная чаша. Имъ владѣлъ тогда графъ Фелиціанъ Глемба, родственникъ мой по женской линіи, человѣкъ страхъ богатый деньгами, но еще болѣе прихотями и страстями. Онъ былъ женатъ на единственной наслѣдницѣ дома Тарловъ, женщинѣ очень умной и прекрасной, но, по обычаю всѣхъ Славянскихъ женъ, чрезвычайно своенравной и повелительной. Чтобы разсѣяться немножко отъ домашняго благополучія, онъ уѣхалъ за границу, обрыскалъ всю Европу, дурачился всюдѣ, какъ не льзя болѣе, влюблялся по пяти разъ на день, дрался на поединкахъ безъ счету, и наконецъ, истощивъ наличныя деньги и здоровье, воротился домой съ новыми долгами и застарѣлыми пороками. Нѣсколько лѣтъ послѣ того протекло довольно тихо, по-

тому что жена была ревнива — равно къ его сердцу и карману, и держала молодца, что называется, въ ежевыхъ перчаткахъ — онъ же въ свою очередь боялся ея больше всего на свѣтѣ.

— Вотъ, въ одну осеннюю ночь, какой-то всадникъ прискакалъ на ворономъ конѣ къ воротамъ замка, и просилъ ночлега, увѣряя, что онъ имѣетъ сообщить графу весьма важныя вещи. Разумѣется, велѣно просить гостя къ ужину, и графъ съ удивленіемъ замѣтилъ въ чертахъ незнакомца что-то очень знакомое; но какъ путешествія и связи его были обширны, то онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ онъ его видѣлъ. Неизвѣстный ѣлъ мало, говорилъ еще менѣе, поглядывалъ на графа изъ подлобья такъ мрачно, что у него сжималось сердце, и наконецъ, для открытія тайны, просилъ особаго свиданія. Ему назначили для ночлега дубовую комнату, и черезъ полчаса явился туда и Глемба. Не льзя описать внезапный страхъ его, когда, вмѣсто незнакомаго мужчины, онъ нашелъ слишкомъ знакомую ему женщину, синьору Біанку Менотти, которую обольстилъ онъ, увезъ отъ отца, тайно женился на ней, и потомъ бросилъ и забылъ въ какомъ-то Нѣмецкомъ городкѣ. Она, какъ водится, плакала, укоряла и наконецъ объявила, что если онъ не признаетъ ея за же-

лянки и вѣчныхъ укоровъ жены перемогли все: кипящій свинецъ канулъ въ ухо Бianки, и жизнь ея прервалась однимъ вздохомъ.

— Совершивъ злодѣяніе, графъ позвалъ ловчаго, всегдашняго повѣреннаго его проказъ; вмѣстѣ съ нимъ выбросили трупъ за окно и зарыли тутъ же подъ деревомъ. На другой день онъ сказалъ женѣ, что это былъ обманщикъ, хотѣвшій выманить у него денегъ, и получивъ отказъ, онъ убрался до свѣту. Никто и не думалъ заботиться о человѣкѣ, который такъ же скрытно уѣхалъ, какъ прибылъ. однимъ словомъ: все, кажется, было улажено — и концы въ воду; но кровь не смывается ничѣмъ. Каждую полночь стали мечтаться графу привидѣнія; безсонница высосала его здоровье; совѣсть преслѣдовала повсюду. Увѣряли впрочемъ, будто и всѣмъ домашнимъ чудилась женщина въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами: она медленно выходила изъ дубовой комнаты, пробѣгала весь замокъ и, встрѣтивъ графа, грозила ему перстомъ, указывая на небо, и потомъ изчезала. Гонимый раскаяніемъ, терзаемый призраками, Гламба вдругъ покинулъ домъ этотъ, вскорѣ заболѣлъ горячкою, высказалъ въ бреду ужасныя подробности преступленія — и умеръ.

— Съ той поры на замокъ легла печать от-

верженія. Село, бывшее вблизи, разсѣялось дороги поросли кустарникомъ, и доселѣ такъ еще сильно повѣрье, будто здѣсь живутъ ду хи и прогуливаются мертвецы, что дровосѣкъ не ждя вечера, выѣзжаетъ домой изъ окрестностей, и охотникъ, хотя бы ему попался пестрый зубръ, не погонится за нимъ подъ ночь въ сосѣднія кущи. Мы однако же, надѣясь на учтивость привидѣній, рѣшились попировать здѣсь послѣ подвиговъ травли, и повторяемъ, пане ротмистрже, весьма рады случаю что вы, вмѣсто пустыхъ стѣнъ, нашли здѣсь сытный столъ, и вмѣсто блѣдныхъ покойниковъ, краснощекихъ весельчаковъ, готовыхъ пить и любить . . . отъ пана до пана!

Между собесѣдниками пошли разные толки: кто улыбался, кто морщился, однако всѣ стали поговаривать, что пора ѣхать. Но заздравные кубки кружились, и всѣ тайны всплывали на верхъ вина, какъ масло, мало по малу. Дядя мой плохо понималъ по-Польски и вовсе не разумѣлъ по-Латынѣ, но и онъ замѣтилъ нѣчто непріязненное къ имени Русскихъ. Толковали о всеобщемъ возстаніи въ Варшавѣ, о томъ, что вездѣ исполняется то же. Взоры гостей сверкали, восклицанія становились шумнѣе, воинственнѣе; наконецъ тостъ: pereat Stanislas, pereat Moscovia! загремѣлъ такъ, что

дрогнули стѣны. Многіе вскочили, другіе пили, стуча саблями о столъ — хрусталь летѣлъ на полъ — и дядя мой, не понимая ни крошки, подтянулъ хору и, во всей чистотѣ души, осушилъ стопу свою.

Въ промежуткахъ между чарами, онъ не забывалъ однако жъ своей сосѣдки: смѣшилъ ее, ломая Польскій языкъ безъ милости, забавляя разсказами о Россіи, льстилъ, какъ умѣлъ — и ему казалось, что ему отвѣчаютъ. Вкусы у женщинъ причудливы, и недурной мужчина 2 аршинъ и 12 вершковъ роста имѣетъ свои достоинства, будь онъ Латышъ, не только Русскій; политическія же распри не входятъ въ расчетъ женскихъ склонностей — на этомъ пунктѣ онѣ истинные космополиты: и наша племянника главнокомандующаго нашли бардзо пріемнымъ! — Ободренный огневыми взорами милой Польки, и переполненный черезъ край любовью и Венгерскимъ, дядя мой рѣшился на объясненіе. Должно полагать, рѣчь его была подобіе Цицероновой Pro Milone; онъ самъ былъ очень растроганъ, ибо первый почувствовалъ силу собственнаго краснорѣчія, и въ самой срединѣ изъясненія, желая вздохнуть — зѣвнулъ до ушей, нѣжно взглянулъ на прекрасную въ полглаза — и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Судя по высотѣ мѣсяца, было за полночь, когда онъ пробудился; въ ушахъ его звенѣлъ еще говоръ ужина — но, открывъ глаза — онъ чрезвычайно удивился, видя, что сидитъ одинъ одинехонекъ. Все было кругомъ въ мертвомъ молчаніи; гости исчезли, и никакого слѣда пирушки, кромѣ обнаженнаго стола и опрокинуты[illegible] Дядя мой не разъ протиралъ гла[illegible]я за желудокъ и щипля за ухо[illegible]ться, точно ли онъ испыталъ все[illegible] — И все таки сомнѣніе не по[illegible]ачѣмъ Поляки были здѣсь, и к[illegible] не разбудивъ его? Люди были эт[illegible]духи изволили забавляться надъ[illegible]ли злые духи, подумалъ дядя, то неужели разлетѣлись они отъ пѣнія жареная пѣтуха, котораго не успѣлъ онъ начать? — предполагать же пѣтухомъ живыхъ никакъ не льзя было въ окрестности. Полный мѣсяцъ ясно свѣтилъ въ полыя окна, и морозный вѣтерокъ, чтобы не сказать духа о мертвецахъ, русалкахъ и домовыхъ, которыми набожно набивали его голову съ малолѣтства, заставили героя пожаться: ему вовсе не было охоты провести ночь въ этомъ чертовомъ рѣшетѣ. Мурашки бѣгали по ретивому, да и портреты Поляковъ, которые за часъ онъ находилъ такъ милонидными, хмурили брови,

сторожили его страшными глазами и, колеблемые вѣтромъ, казалось, хотѣли выпрыгнуть изъ рамъ и раздѣлаться съ незваннымъ посѣтителемъ поспѣшно.

Панъ, для своей плащъ въ углу, и запершись въ него, онъ замѣтилъ, что при немъ нѣтъ уже ни палаша, ни пистолетовъ. Эта потеря поранила его, какъ гроза; безъ оружія онъ попсе опустилъ крылья, и опрометью кинулся къ выходу, трепеща внука собственныхъ шпоръ. Первый шагъ за дверь — и дядя мой былъ уже на полу, запнувшись за какое-то мертвое тѣло — но ужасъ его дошелъ до невыносимой степени, когда въ немъ онъ узналъ Зарубаева, исколотаго и плавающаго въ крови. Вѣрный служивый былъ еще живъ; онъ распозналъ своего поручика, собралъ послѣднія силы, приподнялся на локоть, и чрезъ два слова въ третье разсказалъ ему, что онъ не покидалъ во все время ужина своего поста у дверей, видѣлъ, какъ заснулъ дядя мой, слышалъ, какъ Поляки хотѣли связать и съ торжествомъ вести въ Варшаву племянника главнокомандующаго; но хозяинъ настаивалъ, что онъ беретъ его къ себѣ на поруки, и что стыдно платить униженіемъ человѣку, пришедшему просить гостепріимства. На бѣду прискакалъ шляхтичъ съ вѣстью къ одному изъ

вельможныхъ, что родной братъ его умираетъ, раненый въ пути Русскимъ курьеромъ — и узнавъ насъ обоихъ, указалъ какъ на убійцъ и разбойниковъ. Тогда хмѣльные паны разъярились, и не смотря на всѣ увѣщанія добраго хозяина — сабли засверкали надъ головою сонпаго дяди. [illegible] кинулся защищать его, спустилъ [illegible] дному, и саблей сбилъ еще дв[illegible] въ минуту изрубленъ сотне[illegible], падая, видѣлъ, какъ распахну[illegible] томъ концѣ залы, заколоченныя [illegible] ышла женщина въ бѣломъ платьѣ, [illegible] смерть . . . Завидя ее, Поля[illegible] бли опустились — и всѣ кинулись [illegible], давя другъ друга, побросались на коней и ускакали восклицая: фантомъ, фантомъ! Послѣ этаго онъ потерялъ память — «и теперь умираю молодцомъ,» прибавилъ Зарубаевъ, силясь перекреститься: солдату всегда пора умереть, а тому и подавно кстати, кто выкупилъ свою душу парою вражескихъ; у меня же ни роду, ни племени! Велите, ваше благородіе, отслужить только по мнѣ панихиду, и пусть товарищи выпьютъ за мою грѣшную душу на поминкахъ — деньги въ артели! Съ этимъ словомъ онъ упалъ, вытянулся въ послѣдній разъ по-солдатски — и баста. — Дядя ждалъ, не очнется ли добрый

товарищъ, но трупъ холодѣлъ постепенно, и онъ, уронивъ пару слезъ на убитаго, удалился искать себѣ пріюту и безопасности. Смущенъ сердцемъ и не видя ничего въ темнотѣ, онъ никакъ не могъ найти выходу: изъ коридора попадалъ онъ въ комнату, изъ ряда комнатъ въ сѣни, оттуда на лѣстницу, тамъ на другую — это его утомило. Онъ бросился въ первую встрѣчную горницу, и найдя тамъ древнюю запыленную кровать, растянулся на ней, жмуря глаза, съ твердою рѣшимостію заснуть до свѣта: но сонъ бѣжалъ отъ глазъ дяди: трупъ Зарубаева и разсказы о бѣломъ привидѣніи неотступно ходили кругомъ. Для развлеченія, онъ сталъ разсматривать комнату чуднаго своего ночлега.

Она вся убрана была дубомъ подъ тяжелою рѣзьбою: высокія панели и широкіе наличники, на коихъ хитро сплетались фантастическія головы звѣрей, птицъ и людей, долго занимали его. Казалось, подъ каждой рамкой скрывался шарперъ, готовый повернуться и выпустить изъ-за себя какое нибудь привидѣніе или по крайней мѣрѣ убійцу. Разбитое зеркало, тусклое отъ дождей, будто манило мертвецовъ поглядѣться въ себя. Старая дверь скрипѣла такъ жалобно, такъ заунывно, словно оплакивала своего жильца, и лѣстница, ед-

на озаренная луною, казалось, вела прямо въ преисподнюю. Къ этому же сырыя стѣны пахли могилой, и флюгеръ, качаясь на ржавомъ стержнѣ, царапалъ дядю по сердцу: ему стало жарко и холодно, когда онъ вспомнилъ, что это должна быть роковая дубовая комната, и на кровати, на которой лежалъ онъ, умерла несчастная Біа[illegible] мысли онъ вздернулъ плащъ се[illegible] но обнажилъ ноги; потомъ, ж[illegible]ь ноги, обнажилъ плеча, и нако[illegible] многихъ перемѣнъ одного и того [illegible]я портныхъ и домовыхъ, онъ с[illegible]рендель подъ епанчею, и такимъ [illegible]метически закупоренный отъ в[illegible], заснулъ, потѣя какъ губка.

Вино и молодость, подобно пружинѣ, уступаютъ на миг ъ силѣ, но потомъ разыгрываются по прежнему. Вино и молодость забушевали опять въ сердцѣ моего дяди, хотя онъ находился въ тѣхъ же тискахъ. Ему снилось, будто онъ еще за столомъ, и прелестная сосѣдка шепчетъ ему: «въ дубовой комнатѣ, въ полночь!» и палецъ таинственно сожмулъ милыя уста . . . и вотъ онъ на пыльной кровати, ждетъ пождетъ красавицу . . . ему дремлется — тяжкій сонъ клонитъ къ подушкѣ — но вотъ скрипнули половицы подъ легкою

ножкою ... кто-то смотритъ ему въ очи; жаркое, прерывное дыханіе горитъ на его щекѣ — съ біеніемъ сердца простираетъ онъ руки — и тутъ проснулся въ самомъ дѣлѣ — и въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ нимъ лежала прекрасная Полька — и при закрытой туманомъ лунѣ спала крѣпкимъ сномъ. Голова пошла вальсировать у моего дяди, сердце вскипѣло какъ неудержимая пѣна шампанскаго — онъ не завидѣлъ свѣта отъ восторга! ...

Когда разсѣялся чадъ упоенія, облако сбѣжало съ мѣсяца, и онъ какъ день озарилъ всю комнату. Красавица лежала въ томномъ забытьи; дяди моей спина взглянула на нее, и волосы его стали дыбомъ, морозъ проникъ въ самое сердце костей — это была женщина-мертвецъ!!

Могильная блѣдность закрѣпила на щекахъ ея румянецъ жизни, кровь не двигалась въ жилахъ, дыханье не подымало груди, и страшны были синѣющія губы ея безъ краснаго — такъ по крайней мѣрѣ предполагалъ дядя, потому что они были закрыты. Онъ увѣрялъ даже, что собственными своими носомъ чувствовалъ, какъ отъ нея пахло гробовою доскою — и я вѣрю ему тѣмъ болѣе, что онъ клялся только за картами. Какъ бы то ни было, господа, я самъ согласился бы скорѣе жарить

ручныя гранаты на мѣсто каштановъ, чѣмъ раздѣлять ложе съ выходцемъ того свѣта! И бѣдный дядя мой, молясь всѣмъ угодникамъ, желалъ бы спрятаться тогда въ свой карманъ, если бы это было возможно.

Но вотъ скелетъ поднялся съ кровати; говорю: скелетъ, потому что дядя мой очень явственно слышалъ бряканье косточекъ, вѣроятно собранныхъ на проволокѣ, а на мѣсяцѣ бѣлое платье ея сквозило, будто надѣтое на вѣшалку. Женщина-скелетъ подошла къ окну, закрыла себѣ лице рукою, будто стыдясь чего-то, потомъ потерла себя по лбу, словно разсуждая; изъ чего мой дядя заключилъ, что у жителей могилъ точно такія же тѣлодвиженія, какъ и по сю сторону гроба. Потомъ она приблизилась къ дядѣ, и тотъ, воображая, что она начнетъ его грызть для препровожденія времени, закрылъ глаза и предался на Божью волю. Прикосновеніе удовольствовалось, однакожъ, одинымъ поцѣлуемъ — и дядя клялся, что съ той поры щека эта стала у него отмерзать при самомъ обыкновенномъ холодѣ. Потомъ она дала знакъ рукой за нею слѣдовать, и какъ осужденный, побрелъ онъ вслѣдъ за бѣлымъ привидѣніемъ. Сошли съ лѣстницы, прошли темный переходъ и ему жилось ужъ, что оборотень заведетъ

его въ какой нибудь погребъ, и оставить въ глубинѣ на съѣденіе мышамъ, какъ Польскаго короля Попела. Долго не могъ онъ отвести души, вышедши и на свѣжій воздухъ; однако же ободрился, увидя, что вожатая вовсе не хотѣла ему зла; онъ готовъ уже былъ съ нею раскланяться, когда она стала говорить ему гробовымъ голосомъ. Дядя мой не зналъ, по несчастію, никакого черноокнижнаго нарѣчія, и потому стоялъ передъ нею, выпуча глаза. Видя, что онъ ничего не понимаетъ, она указала ему дорожку клѣно, послала прощальный поцѣлуй рукою, и исчезла въ воздухѣ, оставя послѣ себя сѣрный запахъ, какъ ракета. Дядя отдохнулъ, перекрестился обѣими руками, и побрелъ далѣе мыкать горе, не зная, гдѣ пройти и куда выйти. Не удалился еще онъ двухъсотъ шаговъ отъ замка, какъ ему послышались крики и потомъ погоня, и скоро заблистали огни по окнамъ. Въ ту же самую минуту, человѣкъ дикаго вида, въ зеленой курткѣ, съ огромнымъ ножемъ на поясѣ, съ двуствольнымъ ружьемъ на плечѣ и съ лягавою собакою у ногъ, заступилъ ему дорогу.

— Кто ты? спросилъ изумившійся дядя: другъ или недругъ?

— Довѣрься мнѣ, и ты узнаешь, отвѣчалъ угрюмый незнакомецъ. Взгляни туда — тебя

ищутъ: назадъ вѣрная гибель — впереди сомнительная опасность — слѣдуй за мною — и не дожидаясь отвѣта, врѣзался въ обнаженную отъ листьевъ чащу.

Долго мой шелъ слѣдомъ, собака бѣгала кругомъ, замѣняя патрули и ведеты. Давно уже закатился мѣсяцъ, и кирасиръ нашъ въ тяжелыхъ ботфортахъ, перелѣзая чрезъ пни, бродясь черезъ рѣчки, едва тащилъ ноги свои, и пыхтѣлъ, какъ кузнецъ. Незнакомецъ отрывисто отвѣчалъ на вопросы, и скоро шелъ далѣе и далѣе. Наконецъ собака залаяла . . . лѣсъ сталъ рѣдѣть — и вотъ увидѣли они на полянѣ потухающіе огоньки биваковъ. Но Русскіе то, или Поляки? — вотъ задача! . . . Встрѣтиться съ послѣдними, значило попасть изъ огня въ полымя . . . а провожатый что-то очень подозрителенъ! . . .

— Кто идетъ? раздалось въ цѣпи — и человѣкъ въ зеленой куртки, сжавъ по дружески руку спасенному имъ дядѣ, скрылся въ лѣсу, не слушая никакихъ благодареній.

— Кто идетъ? говори, или убью! закричалъ часовой вторично, и слышно было, какъ онъ ударилъ ружьемъ въ руку, прицѣливаясь.

— Русскій, ей Богу Русскій! отвѣчалъ дядя мой, и казачій объѣздъ наскакалъ на него,

воображая, что Поляки покушаются на почную атаку.

Можете вообразить себѣ радость, когда увидѣлся онъ съ земляками и со знакомыми; отрядомъ командовалъ подполковникъ Тучковъ. Великодушіе Полекъ спасло жизнь многимъ Русскимъ офицерамъ; любовь спасла артиллерійскую роту Тучкова. Одна шляхтянка любила страстно фейерверкера этой роты, извѣстила его объ опасности, тотъ кинулся къ начальнику. Тучковъ въ ту же минуту ударилъ сборъ и, присоединяя къ себѣ разсѣянныя побощемъ кучки, успѣлъ уйти изъ окрестностей Варшавы, безпрестанно сражаясь и безпрестанно отстрѣливаясь. Тутъ, господа, кончатся похожденія моего дяди; случая войны не принадлежатъ къ нему, да и безъ нихъ разсказъ мой имѣетъ въ себѣ слишкомъ много *сѣверной дольготы*.

— И дядюшка вашъ такъ былъ пораженъ этимъ, что пошелъ въ монастырь? спросилъ сфинксъ въ зеленомъ сюртукѣ.

— Въ монастырь, отвѣчалъ артиллеристъ, снова закуривая трубку, только ровно тридцать лѣтъ спустя, когда онъ имѣлъ несчастіе потерять имѣнье и зубы.

— Но неужели онъ не былъ довольно любопытенъ, чтобы распросить у человѣка съ

двухствольнымъ ружьемъ или хоть у двупогой его собаки, почему онъ спасаетъ его ни дай, ни выпеси, и такъ удачно, кстати? спросилъ гвардейскій капитанъ.

— Прошу извинить, капитанъ, возразилъ артиллеристъ: дядя мой не забылъ этого, и добрый пожатый вкратцѣ, но ясно разгадалъ ему все. Онъ былъ Кіевлянинъ, т. е. полу-Полякъ, полу-Русскій, женился въ Ригѣ на Нѣмкѣ изъ любви, не имѣя ни гроша за душой и ни пяди земли въ подсолнечной. Но будучи лихимъ стрѣлкомъ, онъ воспользовался слухами о привидѣніяхъ въ замкѣ, и поселился тамъ съ женою, охотясь въ окрестности и продавая дичь въ ближнемъ мѣстечкѣ. Боясь, чтобы смѣлость Польскихъ пановъ, которые съѣхались туда на совѣщаніе объ истребленіи Русскихъ, не была примѣромъ для другихъ, онъ съ женою согласился пугнуть ихъ порядкомъ: она набѣлилась, надѣла бѣлое платье и, видя, что дядю моего хотятъ изрубить сонnаго, вбѣжала съ ужасающимъ крикомъ въ залу, въ самую минуту свалки. Паны разбѣжались отъ страху. Желая вовсе спасти его отъ преслѣдованій, которыя не замедлили бы конечно, когда образумятся бѣглецы, она упросила мужа проводить его къ Русскимъ, о приближеніи которыхъ носились

слухи. Прочее вы можете, господа, разгадать сами.

— Это слишкомъ обыкновенная развязка, сказалъ таинственный человѣкъ со вздохомъ.

— Въ другой разъ я васъ угощу такою страшною повѣстію, отвѣчалъ артиллеристъ съ ироническою усмѣшкой, что не только вѣдьма станетъ творить молитву, сидя на трубѣ, по словамъ баллады, но даже нерожденные младенцы перекрестятся во чревѣ матернемъ и всѣ нянюшки вздрогнутъ съ просонокъ.

— Теперь ваша очередь что нибудь разсказать, сказалъ драгунскій капитанъ сосѣду своему, молодому гусарскому офицеру, который, завернувъ носикъ въ мѣховой воротникъ ментика, изъ лѣни или отъ слабости, во все это время не вымолвилъ ни слова и потому не обращалъ на себя вниманія: гусарская ташка — арсеналъ любовныхъ писемъ и чудныхъ или забавныхъ выдумокъ и приключеній.

— Не лучше ли итти спать? возразилъ гусаръ. Вамъ навѣрное во снѣ приснится болѣе занимательнаго, чѣмъ вы можете услышать отъ меня.

Разумѣется, возраженія задождили отовсю-

— Сонъ своимъ чередомъ — говорили одни.

— Завтра ни мое, ни паше, толковали другіе.

— Хоть ленту въ казну общаго удовольствія, возглашали всѣ хоромъ.

Гусаръ сдался.

— Господа! [illegible] я разскажу вамъ случай, который [illegible]ко два достоинства: во-первыхъ [illegible]умка, во-вторыхъ, онъ кратокъ. [illegible]ари, я принужденъ былъ пріѣ[illegible]ечиться: прошу прислушать.

— Три года то[illegible]олкъ нашъ переходилъ на новыя [illegible] Гродненскую губернію. Это было въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самую веселую пору для сельскихъ жителей. Поляки всюду встрѣчали насъ радушно — и каждая дивизія наѣрно знаменовалась баломъ или обѣдомъ у котораго нибудь изъ панонъ окрестныхъ. Всякій военный сознается, что нигдѣ нельзя найти большаго удовольствія, какъ въ Польскомъ обществѣ. Гостепріимство мужчинъ, остроуміе женщинъ, непринужденная веселость и эта свѣтская образованность или, по крайней мѣрѣ, товарищескіе пріемы во всѣхъ, нисколько насъ очаровываютъ, и мы довольны съ самыми малыми

средствами. Прибавьте къ этому тысячи развлеченій — охоту, стрѣльбу, катанье, гуланье, и танцы, и любовь — стихію Польскихъ дамъ — и вы не удивитесь, что Русскіе вздыхаютъ объ этомъ краѣ обѣтованномъ для юношей. Я самъ не любилъ терять времени за картами или за трубкою, и каждый часокъ, на который могъ урваться отъ службы, конечно посвященъ былъ прекрасному полу. Бывало, уставъ отъ похода, скачешь за нѣсколько миль чтобы разсидѣть вечерокъ или отгрянуть мазурку съ милою дамою, которую видишь въ первый, а можетъ быть и въ послѣдній разъ. Чуть завидя на балконѣ вѣющіяся ленты, перья или платья — сей часъ кинеръ анѳроки на бекрень, бурку на опашь, и скачешь во весь опоръ къ крыльцу, молодецки осаживаешь коня съ лансады, и прежде, чѣмъ хвостъ ляжетъ на землю, я уже на третьей ступени. Входишь, бывало, котомъ — что когтей не слыхать — раскланиваешься, представляешь самаго себя хозяевамъ, рѣжешь по-польски не краснѣя — и пошла потѣха! Гитара настроивается, фортепіана звучатъ — и, вмѣсто флейты, акомпаниментъ изъ нѣжныхъ вздоховъ. Въ промежуткахъ толкую съ матерью о хозяйствѣ, разсказываю дочерямъ новый романъ Валтеръ-Скотта, не забывая главы изъ

собственнаго; хвалю и ситирую молодымъ людямъ Польскіе напечатанные стихи, и восхищаюсь съ отцемъ славою Косціюшки. Добрый старикъ со слезами патріотизма говоритъ объ отчизнѣ своей, пщетъ сабли, не можетъ забыть Наполеонова генія, любезности Французов[illegible]нгерскаго вина, отъ котораго у [illegible] въ ногахъ подагра, а Париж[illegible] въ погребѣ его оставили одни [illegible]но всѣ веселы, всѣ довольны, [illegible]тъ на крыльяхъ забавы.

Однажды, по[illegible]ной мызѣ, меня встрѣтилъ нашъ [illegible] квартиргеръ, по обыкновенію, на [illegible] бывательской лошадкѣ, такъ, что издали казалось будто у нея шесть ногъ.

— Знатная квартира, ваше благородіе, сказалъ онъ мнѣ, снимая фуражку: конюшня чище горницы, рѣчка у воротъ для водопою, и соломы въ поясъ.

— Главное: есть ли паненки?

— Цѣлыхъ три, ваше благородіе.

— И хороши?

— Что твой мѣсяцъ, ваше благородіе, кровь съ молокомъ! Одна другой чище, одна другой дороднѣе — такъ, что глаза разбѣгаются.

Одна бѣда: онѣ собираются ѣхать верстъ за десять къ дядюшкѣ на именины.

Признаться, вкусъ и похвалы квартирера мнѣ были весьма сомнительны и, зашедши на минуту, къ хозяину, я увѣрился, что предчувствія мои не напрасны: три дюжія панны, разряженныя въ пухъ и перья, мнѣ вовсе не понравились: въ формахъ тѣла, какъ и въ поэзіи я люблю что-то неопредѣленное, воздушное, и я очень охотно принялъ предложеніе ѣхать съ ними въ гости, поискать инде счастія. Переодѣвшись, я поскакалъ вслѣдъ за болтливою ихъ линейкою, и черезъ часъ мы были уже у пана Листвинскаго, добраго старостѣтскаго Поляка, куда съѣхалось довольно сосѣдовъ и сосѣдокъ. Между послѣдними я встрѣтилъ одну даму, знакомую мнѣ еще въ Вильнѣ, которая имѣла всѣ потребныя качества, чтобы свести съ ума самаго хладнокровнаго человѣка: каждая шутка ея была мила и колка подобно розѣ, а взгляды — настоящій Греческій огонь. Подлѣ нея за столомъ, преслѣдуя ее въ саду, безотвязенъ въ танцахъ, я ничего не видѣлъ, кромѣ привлекательной знакомки своей, и не замѣтилъ, какъ минулъ день и вечеръ. Предъ ужиномъ, по модѣ, многіе разъѣхались; по обычаю многіе остались ночевать. Меня всѣ угова-

ривали послѣдовать благому примѣру — а пуще всѣхъ сердце; но зная, что завтра достанется мнѣ въ дежурство, я не могъ и не хотѣлъ согласиться. Къ Вилепской красавицѣ каждые полчаса приходили съ докладомъ, что сбираются тучи, что будетъ гроза, что крапаетъ дождикъ . . . я понималъ, что это значитъ — она упрашивала остаться — но я скрѣпилъ сердце и былъ непреклоненъ: упрямство нравится женщинамъ, и эта выходка пригодилась бы мнѣ впередъ. Она увѣряла меня, что я промокну, простужусь, могу заблудиться или попасть въ рѣку; что лѣсъ, черезъ который мнѣ должно ѣхать, теперь не безопасенъ отъ бѣглыхъ, ставшихъ разбойниками. Я возражалъ, что простуда будетъ спасительна пылкому сердцу; что купанье въ рѣкѣ можетъ излечить меня, какъ пучина Левкада; что всѣ разбойники въ свѣтѣ мнѣ менѣе страшны, чѣмъ жестокая женщина; наконецъ, что долгъ службы и самое благоразуміе требуютъ моего удаленія — а завтра, можетъ быть, я буду не въ состояніи оторваться отъ ногъ ея. Станется, въ этихъ словахъ было немного и правды, но все шло за шутку: она смѣялась, я былъ грустенъ и радостенъ въ одно время, и наконецъ зловѣщая кукушка выпрыгнула съ шумомъ изъ дверецъ стѣнныхъ часовъ, про-

куковала двѣнадцать, и сирылась. Душа во мнѣ замерла; я сталъ прощаться.

— Вѣтеръ ужасный, дождь идетъ линия — сказали мнѣ.

— И все таки я ѣду?

— Но темнота, но звѣри, но разбойники?

— Русскій ничего не боится — конія! и съ этимъ словомъ я ужъ былъ на крыльцѣ. Всѣ вышли провожать меня, упрекая въ упрямствѣ: я отдалъ поклоны, кому слѣдовало, бросилъ апачащій взоръ красавицъ моей, и ногу въ стремя, и шпоры въ бокъ, и чрезъ четверть часа уже былъ въ дремучемъ лѣсу.

Я долго мыкался по бѣлому свѣту, много странствовалъ въ чужбинѣ и въ отечествѣ, но нигдѣ, даже въ самой Сибири, не видалъ такихъ густыхъ лѣсовъ, какъ въ Литвѣ. Выѣдешь, охотясь за дичью, найдешь въ такую чащу и глубь, куда отвѣка не проникалъ солнечный лучъ, ни крыло вѣтра. Во многихъ мѣстахъ растаявшіе снѣга обращаютъ глубокія болота, и огромныя деревья кажутся водяными растеніями; въ другихъ сосны тлѣютъ на корнѣ, не имѣя простора упасть. Толстые пни лежатъ подъ мохомъ и травою, какъ трупы великановъ, и мертвое молчаніе нарушается только стукомъ дятла по дуплистому дубу, или гробовымъ карканьемъ ворона, кото-

раго тѣнь налетаетъ на насъ и наводитъ невольный трепетъ. Въ такомъ точно лѣсу ѣхалъ я. Буря уже затихла: одинъ мелкій дождь роптalъ, пробираясь по листьямъ, и звукъ подковъ, бьющихъ о корни елей, которые змѣями перевивались черезъ тропинку, далеко раздавался по бору. Мнѣ казалось днемъ, что я хорошо замѣтилъ дорогу, но судя по времени, давно бы уже слѣдовало быть дома; ѣхалъ, ѣхалъ, а селенія нѣтъ какъ нѣтъ! Передо мной едва свѣтлѣла узкая тропа, а надъ головой низко склонялся сводъ неба, отягченный тучами. Наконецъ замѣтилъ я, что лѣсъ рѣдѣетъ, и скоро почувствовалъ, что конь мой бѣжитъ по травѣ, потомъ по вязкой почвѣ, потомъ вовсе по болоту. Удивленный тѣмъ, я слѣзъ долой, и увѣрился, что битая дорога потеряна. Куда итти? Позади чернѣлъ боръ, впереди слышалось журчанье рѣчки, и я побрелъ къ ней по затопленному лугу, таща въ поводу коня своего. Достигнувъ берега, мнѣ показалось, на той сторонѣ разбросана деревня: какъ теперь глажу, заборы, кровли и трубы обрисовывались во мракѣ: въ одномъ окнѣ видѣлся огонекъ — и подъ нимъ стоялъ патронный ящикъ, вѣрный признакъ квартиры эскадроннаго командира. Мнѣ чудилось даже, будто я различаю, какъ подлѣ ящика расха-

живаетъ часовой, какъ возникаетъ на вѣтрѣ ночной перекликъ его: *слушай!* а потомъ сливается съ безмолвіемъ ночи.

Нѣсколько разъ кричалъ я часовому, но все было тихо. Прислушиваюсь: только паденье дождя, только шумокъ лопающихъ въ рѣчкѣ пузырьковъ и журчанье быстрины, пробивающейся сквозь рыболовную заколь — отвѣчало мнѣ. Воображая, что голосъ мой не достигаетъ ни до часоваго, ни до селенія, погруженнаго въ мертвый сонъ, я рѣшился переправиться черезъ рѣку, но что бы то ни стало. Сонъ и усталость одолѣвали меня, и кромѣ того я былъ промоченъ съ ногъ и съ плечъ. Такъ наша братья, дорожа подъ часъ жизнію въ случаяхъ важнѣйшихъ, гдѣ нерѣдко выгоды и слава ожидаютъ отважнаго, иногда готовы рисковать ею за одинъ часъ успокоенія, изъ одной нетерпѣливости или прихоти. Рѣчка была не широка, но глубока — и я рѣшился перебресть ее по шаткому плетню заколи. Пудель мой переплылъ первый и визгомъ звалъ на другую сторону; за то я на силу могъ согнать въ воду копя: онъ храпѣлъ и упирался, и бился даже на плаву; между тѣмъ, какъ я осторожно переступалъ по сучьямъ, безпрестанно измѣняющимъ ногѣ — онъ уздой тащилъ меня то впередъ, то въ сторону.

На самой серединѣ, гдѣ вода кипѣла черезъ плетень, обманутый тѣнью, я оступился и ухнулъ въ воду выше колѣна. Къ счастію, другая нога удержала меня, я кое-какъ справился и, хватаясь за верхи кольевъ, торчащихъ изъ воды, добрался до другаго берега, хоть мокръ, [illegible]. Едва ступилъ я на суходолъ — с[illegible]ты моей разсѣялись — нѣтъ ни се[illegible]зарядиаго ящика, ни часоваго: все [illegible], и пустыня кругомъ; но огонекъ т[illegible]лъ между вѣтвями и согрѣлъ во ми[illegible]найти какую нибудь избушку для п[illegible]

Спѣшу туда, [illegible]аюсь — и что же? то была ветхая [illegible] часовня, съ деревяннымъ крестомъ на верху, и изъ ея-то маленькаго окошечка едва лилось слабое сіяніе лампады.

Я привязалъ коня за уголъ и толкнулъ желѣзомъ о кованыя двери; онѣ растворились — и глазамъ моимъ представился гробъ и въ немъ покойникъ, покрытый савапомъ.

Какъ ни былъ я чуждъ предразсудковъ, но такая нежданая встрѣча непріятно изумила меня. Сама природа вложила въ насъ таинственный ужасъ при видѣ разрушенія себѣ подобныхъ и насъ самихъ ожидающаго. Но

такъ какъ въ свѣтѣ пѣтъ вещей, къ которымъ не привыкло бы воображеніе, особенно подкрѣпленное неизбѣжностію, то раздумавъ хорошенько, что почевать подъ кровлею все таки лучше, нежели мокнуть въ грязи, что находка моя нисколько не чудесна, потому что и у насъ, Русскихъ, и у Литвиновъ уніятовъ выносятъ всегда покойниковъ изъ деревень въ церковь или въ часовню, и наконецъ, что мертвое тѣло есть не болѣе какъ глыба земли, и конечно не побеспокоитъ меня своимъ сосѣдствомъ — я стоически бросилъ свою мокрую бурку въ уголъ и улегся, какъ могъ, закрывъ плеча сухимъ угломъ ея и положивъ въ головы пуделя, вѣрнаго товарища въ трудахъ и забавахъ. Къ удовольствію моему почувствовалъ я, что небольшая печка, сложенная, вѣроятно, для разжиганія углей въ кадило, была топлена и разливала кругомъ пріятную теплоту. Одно показалось мнѣ странно — изъ нея пахло жаркимъ, а покойники, сколько мнѣ было извѣстно, не ужинаютъ! Но чтецъ и караульщики могли, помнивъ покойнаго, не забыть и свое человѣчество; такъ мудрено ли, что вздумали на утро упитать наемную печаль свою кускомъ баранины? Въ этихъ мысляхъ началъ я засыпать: воображеніе гуляло Богъ знаетъ гдѣ; мысли путались

и блѣднѣли; какъ вдругъ пудель мой зав[illegible]р-
чалъ и очень сердито. Я взглянулъ въ п[illegible]о-
глаза на гробъ, и мнѣ показалось, будто м[illegible]р-
твецъ приподнимаетъ голову; долго и приста[illegible]ль-
но смотрѣлъ я, но теперь онъ былъ вно[illegible]ь
неподвиженъ, и полотно, закрывавшее ли[illegible]це
его, лежало сп[illegible]олзнулось даже о[illegible]ъ
вѣтра. Лампада[illegible]азомъ меркла и
тускнѣла, почт[illegible]мракъ, обступа[illegible]я
меня, сталъ [illegible]ой-то невѣдомы[illegible]й
страхъ въ сер[illegible]нія всегда заво-
дятся въ темно[illegible]ички въ лимбург-
скомъ сырѣ; эт[illegible]я думаю, всякій,
и человѣческая х[illegible]этомъ отношеніи
едва ли не закаты[illegible]стѣ съ солнцемъ
на другое полушаріе. Иной молодецъ, насмѣ-
хаясь надъ сказками и причудами, въ полдень
грозится поймать чорта за хвостъ, если бы
онъ дерзнулъ къ нему явиться, а въ полночь
за версту обходитъ кладбище, и сердце у не-
го бьетъ тревогу отъ полета летучей мыши.
Признаюсь откровенно, что необыкновенная
охота покойника заглянуть мнѣ въ лицо, а,
можетъ быть, и откусить мнѣ голову, какъ
маковку, сначала весьма меня встревожила. Вся
эта сцена была точь въ точь, какъ въ Свѣтла-
нѣ Жуковскаго, но я не видалъ вблизи го-
лубка-хранителя, который могъ бы защитить

жения отъ зубовъ кровопійцы. Однако же мало по малу увѣренность возвратилась.

Что до мертвыхъ, что до гроба?
Мертвыхъ домъ — земли утроба.

— сказалъ я самому себѣ, и обернулся къ стѣнѣ. Отъ прелестныхъ стиховъ Жуковскаго, гдѣ мѣсяцъ свѣтитъ и мертвецъ ѣдетъ, мысль моя на Астольфовомъ гиппогрифѣ залетѣла на луну, на которой, говорятъ, живутъ люди, которые пьютъ воздухъ и строятъ стѣны отъ вѣтра, какъ Китайцы отъ просвѣщенія. Отдохнувъ въ этой *восточницѣ земли*, какъ сказано въ отчетѣ о лунѣ, съ нея сквозь Гершелевъ телескопъ и чрезъ Петербургскую обсерваторію, спрыгнулъ я на материкъ подлѣ биржи. Биржа напомнила мнѣ свѣжія устерсы; отъ нихъ перешелъ я къ патріотическому желанію, чтобы у насъ удобряли поля устричными раковинами, для экономіи; потомъ подумалъ о превосходствѣ многопольной методы — потомъ о капустѣ вообще и о свекловицѣ въ особенности; съ этимъ связалась идея континентальной системы, потомъ идея о скалѣ св. Елены потомъ о сунѣ изъ костей графа Румфорда, сваренномъ на дыму чужой трубы; потомъ о куреніи вина въ деревянныхъ чанахъ; потомъ о просвѣщеніи въ Россіи; далѣе о карманной

паровой машинѣ, хозяйственно приспособленной къ дѣйствію зубочистки; далѣе, по странному сцѣпленію мыслей, о поѣздкѣ на пароходѣ въ Кронштатъ съ прелестною Англичанкою; съ него прыгнулъ я въ Ость-Индію, взглянулъ на прядильныя машины, которыми Британцы тяну[illegible]ь въ свою пятку; потомъ подума[illegible]ихъ политикѣ, о [illegible]дачѣ Праги, [illegible]ніи Копенгагена, о Грече[illegible]лордѣ Байронѣ; потомъ о [illegible]ть, до которыхъ всѣ великіе [illegible]растные охотники — потомъ, гос[illegible]вмѣстѣ могло бы составить загла[illegible]телеграфа, и вѣрно усыпило бы васъ такъ же, какъ усыпило оно меня. Очень помню, что послѣдній образъ, съ которымъ окунулся я въ сонную Лету — былъ милая Виленская дама — и только.

Должно полагать, пестрая моя дума крѣпко и глубоко усыпила меня, потому что, хотя я и не однажды слышалъ ворчанье и громкій лай собаки, лежащей у меня вмѣсто подушки, но ни какъ не могъ открыть глазъ. Наконецъ пудель съ визгомъ выпрыгнулъ изъ-подъ головы моей, и я, испуганный, вскочилъ на ноги. Вообразите, какая картина была передо мною: мертвецъ злобнаго лица, со сверкающими очами и съ ножемъ въ рукѣ, поры-

вался ко мнѣ, между тѣмъ какъ пудель грызъ его, ухватя за горло. Кровь ручьемъ бѣжала по савану, и онъ съ проклятіями и глухимъ стономъ боли боролся съ остервенившимся животнымъ, а оно, хотя два раза было поражено ножемъ, не покидало своего противника. Въ то же самое время я увидѣлъ за печью бородатое лицо другаго разбойника, который цѣлилъ въ меня изъ ружья; и еще двое, поднявъ доску подполья, готовились вылѣзать на помощь къ товарищамъ . . . еще мигъ — и было бы поздно! Раздумывать нѣкогда, а защищаться печѣмъ: я имѣлъ неосторожность въ одномъ доломанѣ, безъ сабли, выѣхать изъ дому.

Къ счастію, въ рукѣ моей былъ плетеный хлыстъ съ тяжелою бронзовой рукояткой — и сю-то со всего размаху ударилъ я въ голову одѣтаго въ саванъ злодѣя — онъ зашатался, упалъ — и я черезъ него кинулся въ двери. Выстрѣлъ и другой полетѣли вслѣдъ меня, но оба ударились въ притолоку. Спрыгнулъ опрометью со схода — и къ лошади... за поводъ — онъ затянутъ узломъ; тороплюсь — и путаю крѣпче; рву — не рвется!! Убійцы за мной — но отчаяніе двоитъ мои силы, поводъ пополамъ, я перекидываюсь черезъ сѣдло — вскрикиваю — и борзый конь уноситъ

меня какъ вихорь, куда ему хочется. Грязь брызжетъ, вѣтви хлещутъ въ лице — лечу стремглавъ по берегу рѣчки, влѣво, на старый мостъ, который гремя качается подъ скокомъ — гнилое бревно хрупаетъ — и конь мой со всѣхъ ногъ падаетъ на скользкій помостъ. Больно ушибенный, силюсь я встать — слышу топотъ погони — и скользитъ — гибель неизбѣжи

Удачная попытка [illegible] однако жъ бѣгуна моего — и я [illegible] алея во весь опоръ. Разбойники [illegible] настигали меня, гаркая и угрожа

— Не уйдешь отъ [illegible] чали они.

— Бей его, рѣжь! [illegible] въ ушахъ моихъ.

Еще выстрѣлъ просвисталъ мимо — но онъ подстрекнулъ моего коня; однако жъ это усиліе было лишь на нѣсколько шаговъ. Погоня не переставала, а бѣгунъ мой хрипѣлъ, качаясь на скаку, какъ вдругъ я увидѣлъ вблизи крестьянскую избу, и огонь въ окнахъ ея, и будто мелкающія тѣни людей. Съ напряженнымъ біеніемъ сердца, задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на лицѣ, направлялъ я къ ней побѣгъ мой — доскакалъ, бросилъ коня непривязаннаго, и съ крикомъ: «спасите, спасите» вбѣжалъ въ двери. Первое, что пред-

ставилось мнѣ — былъ гробъ и тусклое сіяніе свѣчей въ дыму ладона: я не взвидѣлъ свѣту... природа не выдержала болѣе... Сердце мое закатилось — я безъ чувствъ рухнулъ на полъ!! —

— Я опамятовался уже на другой день, въ домѣ пана Листвинскаго. Издыхающій пудель мой лежалъ подлѣ кровати, пробитый ножемъ мѣстахъ въ пяти, и кровью своею завѣрялъ, что происшествіе ночи не былъ сонъ горячки, меня палившей. Бѣдное, вѣрное животное съ радостію лизало мою руку, и я тронутъ былъ до слезъ его преданностію, и вдвое потомъ его смертію. Къ стыду людей, долженъ я сказать, что эта собака была моимъ лучшимъ другомъ: она своею жизнію искупила мою!

Взаимныя объясненія не замедлили. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что я упалъ въ обморокъ въ его деревнѣ, въ избѣ одного крестьянина, у котораго наканунѣ умерла мать, и по ней совершали тогда панихиду. Мой разсказъ удивилъ его болѣе. Въ ту же минуту, съ пособіемъ исправника, посланъ былъ обыскъ въ роковую часовню — но въ ней не застали уже разбойниковъ. Тамъ нашли только лоскутья добычи, изломанное оружіе и несомнѣнные слѣды ихъ пребыванія. Вѣроятно,

они избрали часовню своимъ притономъ по уединенному ея положенію, а вздумали играть комедію мертвеца, чтобы удалить любопытныхъ и заманить на вѣрную гибель отважныхъ. Расшитый золотомъ доломанъ соблазнилъ ихъ — и я конечно исчезъ бы съ лица земли, ежели бъ сторожкій пудель мой не былъ со мною.

Скоро минулъ для меня свѣтлый часъ присутствія разума. Нервная горячка, слѣдствіе испуга и простуды, повергла меня на шесть недѣль въ безпамятство. Я оправился на тотъ разъ, но потрясеніе было жестоко; съ той поры здоровье мое видимо стало склоняться къ западу, и наконецъ доктора присовѣтовали мнѣ для исцѣленія Кавказскія воды. Здѣсь я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя гораздо лучше, но половиною моего выздоровленія, господа, я конечно обязанъ удовольствію знакомства съ вами.

— Благодаримъ за честь привѣтствія и занимательность разсказа, произнесъ гвардеецъ, благодаря гусаря отъ лица всего собранія: премилая повѣсть!

— Тѣмъ болѣе, что она съ романическою завязкою соединяетъ историческую достовѣрность, прибавилъ драгунскій капитанъ.

— А всего болѣе потому, что она послѣд-

ныя, возразилъ гусаръ, улыбаясь. Господа, уже два часа ночи!

Стулья загремѣли и всѣ схватились за разборъ шляпъ, калошъ и шинелей.

— Часы люди выдумали, сказалъ таинственный человѣкъ, ожидая, что на скрѣпу засѣданія кто нибудь разскажетъ повѣсть, въ которой явился бы самъ лукавый au naturel.

— И мы не боги, возразилъ артиллеристъ: и потому должны жертвовать ему волей и неволей.

Видя, что всѣ выходятъ, зеленый сюртукъ поспѣшилъ послѣдовать общему движенію, и забился въ средину толпы, чтобы, въ случаѣ нападенія Горцевъ, быть въ безопасности, по крайней мѣрѣ, отъ выстрѣловъ — и для этого онъ избралъ своимъ мантелетомъ Рязанскаго толстяка. Дорогою успѣлъ онъ насказать о звѣрствѣ и дерзости Чеченцевъ тму ужасовъ, какъ два года тому назадъ, они увезли отсюда двухъ дамъ съ дочерьми — и еще очень недавно убили часоваго на редутѣ, и проч. и проч. и проч.

— Но что сталось съ племянникомъ полковника? любопытно спрашивали многіе другъ друга. Что заставило самаго полковника, блѣднѣя, покинуть залу?

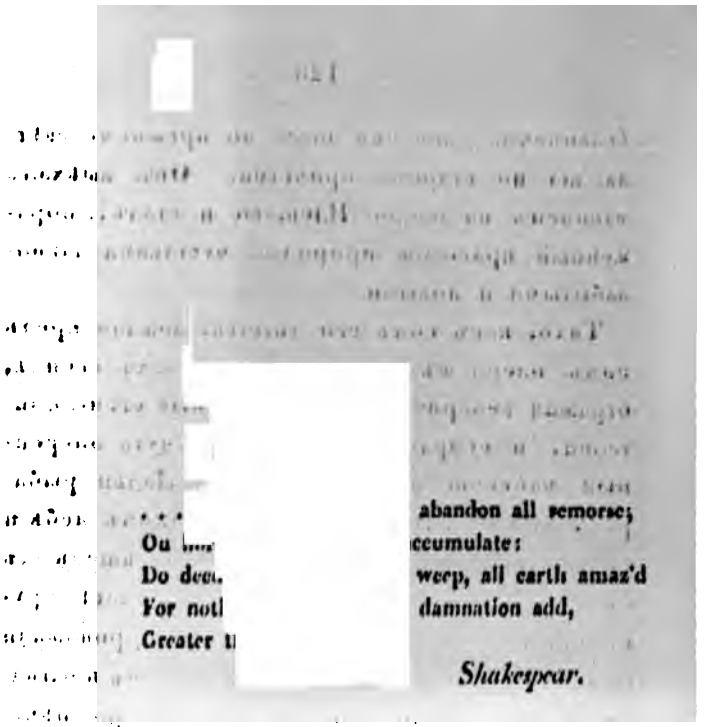
— Я бы далъ отрѣзать себѣ лѣвое ухо, что-

бы услышать правымъ окончаніе повѣсти о Венгерцѣ, сказалъ сфинксъ.

— Можетъ быть, господа, сказалъ я, нашъ покорный слуга будетъ нами полезенъ въ этомъ случаѣ; полковникъ мнѣ пріятель, и если тутъ нѣтъ домашнихъ тайнъ, онъ объяснитъ намъ все. Утро вечера мудренѣе.

— И такъ до пріятнаго свиданія, милостивый государь! Добраго сна, господа! Покойной ночи, г. читатель!

ЗМѢЕНИКЪ.



— О родина, святая родина! Какое на свѣтѣ сердце не встрепенется при видѣ твоемъ; какая ледяная душа не растаетъ отъ вѣянья твоего воздуха?

Такъ думалъ Владиміръ Ситцкій, съ грустною радостію озирая съ коня нивы и пажити и рощи Переяславскія, свидѣтелей его дѣтства, и любопытнымъ взоромъ, какъ будто желая испытать память свою, искалъ, предугадывалъ онъ мелькающія изъ-за лѣсу главы обителей. Правда, онѣ не казались теперь ему, какъ прежде, огромными; окрестность не была уже

безконечна; но она была по прежнему свѣтла, все по старому привѣтна. Онъ выѣхалъ наконецъ на озеро Плещево и сталъ, пораженный красотою природы, чувствами давнозабытыми и новыми.

Тихо, какъ сонъ его дѣтства, лежало предъ нимъ озеро въ изумрудныхъ рамахъ своихъ, отражая вечернее небо, и снѣжныя стѣны обителей, и сумрачный городъ, и чуть опушенныя майскою зеленью рощи. Ладьи рыбарей, мнилось, летѣли въ шаровидномъ небѣ и утомленныя чайки дремали на развѣшенныхъ сѣтяхъ, или, чуть зыблемыя, на влагѣ хрустальной. Весенніе жаворонки провожали солнце съ поднебесья и сверкали тамъ послѣдними его лучами, сливая звонкое свое пѣніе съ гремленьемъ тысячи ручьевъ, вливающихъ въ озеро.

Какъ пыль сраженія улегается подъ дождемъ, смывающимъ кровь съ лица земли, улеглись страсти въ душѣ Владиміра. Память буйной молодости, дворское честолюбіе, жажда битвы и славы, и все, все уступило мѣсто чувству близкому къ раскаянію. Онъ слѣзъ съ коня, припалъ къ водѣ, которою часто плескался въ отрочествѣ, въ которой теперь, какъ въ святочномъ зеркалѣ, мелькало ему прошедшее, жадно пилъ ее — и спокойствіе

вливалось въ него струей вмѣстѣ съ прохладой! со вздохомъ сказалъ Владиміръ.

— Онѣ не терпятъ нечистаго въ своемъ лонѣ и съ гнѣвомъ выбрасываютъ его на берегъ *. Пусть же берега твои сохранятъ меня отъ гоненія моихъ злодѣевъ, отъ бури жизни, и всего болѣе отъ меня самого, какъ твои воды спасали нѣкогда предковъ отъ ярости Татаръ **!

Полный надеждою взоръ Владиміра стремился къ стѣнамъ Переяславля. Тамъ уже не было его родителей; но добрая память стерегла ихъ могилы, и сердечное *„добро-пожаловать* ждало ихъ наслѣдника у порогонъ друзей. Долго еще лежалъ Владиміръ на свѣжей муравѣ, улелѣянный мечтами подъ крыломъ роднаго неба, и сонъ росою упалъ на утомленные члены путника: сонъ, какого давно не знала кипучая душа его.

---

* Досель идетъ поверье, что Плещево при погодѣ выкатываетъ всякую брошенную въ него вещь. Вѣроятная тому причина есть пологое и ефероидное его дно.

** Жители Переяславля, большею частію рыболовы, спасались во время неоднократнаго нашествія Татаръ, на лодкахъ, выѣзжая съ лучшимъ имуществомъ на средину озера.

Лѣниво подымались утренніе туманы съ тихаго Трубежа* и лѣтнее солнце невидимо вскатывалось надъ ними. На валу Переяславля часовой ратникъ, опершись на копье, глядѣлъ на работу плотника, поправлявшаго деревянный срубъ крѣпостной стѣны.

— Это бревно никуда не годится — сказалъ онъ плотнику — въ немъ сгнила сердцевина.

— Такъ-то и съ нашею Русью, Петровичъ, отвѣтствовалъ плотникъ, вонзая топоръ поскомъ въ дерево и присѣвъ на вѣнецъ. Москва сердце ея, испорчено, а мы терпимъ.

* На рѣкѣ Трубежѣ, впадающей въ Плещево, расположенъ Переяславль-Залѣсскій.

Она кличетъ къ себѣ изъ Польши царей, а мы подавай войско то за нихъ, то противъ нихъ драться! Поляки пируютъ въ Москвѣ; воръ Сапѣга обложилъ Троицу, а отъ нея далеко ли и до насъ! Прогнѣвали мы Господа неправдой; коротается нашъ вѣкъ бѣдами; кто скажетъ, что мос голова будутъ у меня завтра? . ie мы живемъ годы, Петровичъ ориса не такъ было.

— Нашелъ чѣмъ Нашему брату ратнику не удалос азу сходить на добычу. Теперь ни ай только дож даться сюда Литовце астрясемъ ихъ карманы.

— Какіе у Польской голыдьбы карманы, когда у ней надѣть нечего.

— За то много граблепаго золота. Бездѣльникамъ этимъ надо на носъ зарубить, чтобы они не грабили Божіихъ храмовъ, не обдирали бы ризъ со святыхъ иконъ.

— Такое добро, землякъ, никому въ прокъ не пойдетъ.

— Кто живетъ день до вечера, тому какая забота, скоро ль подростутъ рога у молодаго жеребца. Мнѣ только душно сидѣть сидемъ за стѣнами, когда самые монахи дерутся. Я

очень завидую товарищамъ, которые идутъ съ нашимъ воеводою на подмогу къ Троицѣ *.

— Кто же здѣсь останется воеводой?

— Кому быть кромѣ стараго князя Ситцкаго . . . Ему, кажись, на роду написано повелѣвать — что твой орелъ, когда взлинетъ!

— Правда, великая, правда. Ростомъ и дородствомъ и поступью, всѣмъ взялъ. Я самъ нехотя хватаюсь за шапку, когда съ нимъ встрѣчаюсь. Одно бѣда: про него ходятъ недобрые слухи. Зачѣмъ онъ братался съ Поляками? Зачѣмъ не видали его въ рядахъ Шуйскаго? — Худо, коли онъ не хотѣлъ заступиться за правое дѣло; а еще хуже, коли его въ дѣло не приняли.

— Братъ, не всякому слуху вѣрь! Теперь и правда и клевета извѣрились пуще Жидовскаго золота.

— Пусть оно такъ. Да вѣдь на нашихъ-то глазахъ онъ даромъ живетъ здѣсь три года! Что дѣлать удалому въ глуши, когда Москва въ плѣну, а святая Русь у погибели отъ самозванныхъ царей и друзей незваныхъ; когда измѣна и разбой рыщутъ изъ края въ край,

---

* Воевода Переяславскій, Иванъ Васильевичъ Волынскій, былъ со своею дружиною для помоги Троицкой Лаврѣ въ 1609 году. См. Сказаніе объ осадѣ Тр. Серг. Лавры.

когда враги палять нивы и города, бесславять братьевъ и женъ — навѣкъ позорить имя Русское?

— Ты развѣ не слыхалъ, что ему больно полюбилась Елена Ивановна, дочь посадницы?

— Да онъ-то пришелъ ли ей по нраву? Княжой дворецкій пригонариваетъ, что баринъ въ такую смуту не станетъ играть свадьбы, а ужъ коли быть не быть сговору, такъ развѣ съ князь-Михайломъ, меньшимъ братомъ Ситцкаго. Вотъ душа — можно сказать что ангельская. Красивъ, какъ утренняя звѣздочка, и отъ брата какъ небо отъ земли отличенъ. Кротокъ, сердце на устахъ, и ко всѣмъ привѣтливъ, за то и любимъ всѣми, отъ бояръ до простолюдиновъ. Въ черный годъ не сидѣлъ онъ за печкой, а бился и проливалъ кровь за царя, и коли призванъ сюда, не ластится къ красавицамъ, а смышляетъ, какъ защищать нашъ родимый Переяславль. Дай-то Богъ, чтобы князь-Михайла оставили у насъ засадянымъ посадою!

Такъ судили о двухъ Ситцкихъ многіе умные горожане; но если Михаилъ привлекалъ къ себѣ любовь добротою души, а уваженіе своими заслугами и прямизною права, то Владиміръ исторгалъ у всѣхъ невольное вниманіе. Природа отмѣтила чѣмъ-то необыкновеннымъ

его черты и рѣчи. Его имени не спрашивали дважды. Взоры Владиміра, облеченные въ какую-то вещественность, ничтожили равно и улыбку любви, и привѣтъ участія, и вопросъ любопытства. Они не проникали, но пронзали душу. Онъ не бѣгалъ людей, но удалялъ ихъ отъ себя. Въ хороводахъ съ красавицами, очи его, подобно кремню, сыпали искры, и не загорались сами. Даже вино теряло надъ нимъ свою силу: ни лишняго слова, ни довѣрчивой ласки не вырывалось изъ неизмѣнной груди Владиміра. Правда, порой и его лице разгоралось заревомъ душевнаго пожара, но это не были страсти людей; онѣ невѣдомы были тѣмъ, кто замѣчалъ ихъ, какъ образъ заоблачной молніи, отъ которой видѣнъ блескъ и не слышно грома.

Кто знаетъ, любовь или гнѣвъ волновали его душу, когда лице его то пылало кровью, то вновь тускнѣло какъ булатъ? Кто знаетъ, гордость ли воздымала такъ высоко его брови, презрѣніе ли двигало уста? Высокія ль думы или тяжкое преступленіе провело морщины на челѣ? Иногда взоръ его сверкалъ огнемъ, но потухалъ столь мгновенно, что наблюдатель оставался въ сомнѣніи, видѣлъ ли онъ то, или то ему показалось. — Его жизнь, его страсти, его замыслы оставались неразрѣшенною загадкою.

Душная ночь налегла на холмы Переяславскіе; небо слилось въ громовую тучу; смирно озеро въ берегахъ своихъ. Изрѣдка лучъ безмолвной зарницы вспыхиваетъ и гаснетъ въ темной глубинѣ водъ, обозначая въ небосклонѣ главы церквей и башни города. При синихъ блескахъ ея видны тяжелыя облака, безъ вѣтра надвигаемыя. Тихо все и мертвенно, будто природа въ тоскѣ передъ грозою.

Но кто же тотъ юноша, что въ бурю и полночь не ищетъ, а бѣжитъ крова? Взоры его съ яростью обращаются къ Переяславлю, лице пылаетъ гнѣвомъ и злобой. Отъ быстраго хода черныя кудри путника развѣваются, и длин-

ные въ серебряной оправѣ пистолеты, за поясъ заткнутые, гремятъ о рукоять меча. Для чего жъ не спитъ онъ, когда все живое наслаждается покоемъ? Неужели грызенія совѣсти о прежнемъ злодѣйствѣ, или покушенье на новое подняло его съ ложа?... Но вотъ уже онъ, бросивъ прибрежную тропинку, далеко въ бору дремучемъ. Привычной стопой пробѣгаетъ поляны — и глубже въ лѣсъ, и лѣсъ отъ часу диче и чаще. Сухія иглы хрустятъ подъ ногами; изсохшія вѣтви цѣпляются въ волосы; тлѣющіе пни заграждаютъ путь: но путникъ съ сердцемъ ломаетъ и рветъ упрямые сучья, смѣло прыгаетъ черезъ рогатые трупы сосенъ, и все уступаетъ дерзкому, и онъ близокъ уже къ заповѣдному холму.

Тамъ повѣствовало суевѣрное преданіе, болѣе вѣка тому назадъ убитъ былъ молніею колдунъ, когда онъ съ помощію ада вынималъ заговоренный кладъ. Безъ вѣры нажилъ онъ вѣкъ, безъ раскаянья сгибъ, безъ молитвы погребли его, но земля съ ужасомъ приняла въ свои нѣдра неотпѣтаго грѣшника; съ тѣхъ поръ адскіе духи стали слетаться надъ могилой ихъ любимца. Каждую полночь, по словамъ удалыхъ охотниковъ, слышны тамъ плескъ крылъ, хохотъ и свисты. Синіе огоньки летаютъ по воздуху, мелькаютъ ужасныя приви-

дѣнія, и волшебникъ съ кровавыми устами бродитъ кругомъ и манитъ заблудшаго путника. У смѣльчаковъ навертывались холодныя слезы отъ ужаса на посидѣлкахъ, отъ сихъ шепотныхъ разсказовъ; дѣвушки вздрагивали при малѣйшемъ скрипѣ оконницы, при нечаянномъ трескѣ лучины, и дѣти съ трепетомъ жались къ груди матерей. Давно заглохла тропа на холмъ могильный, и ни топоръ дровосѣка, ни стрѣла звѣролова, ни взоръ, ни вѣтеръ не проникали въ эту дебрь, загражденную страхомъ. И вотъ ужъ проникъ онъ до поляны, вѣнчающей холмъ; уже занесъ ногу, чтобы ступить на нее, когда долетѣлъ до него благовѣсть, зовущій монаховъ ко всенощной. Холодный потъ проступилъ на челѣ отчаяннаго: жѣдь прозвучала ему совѣстью. Онъ вспомнилъ, какъ радостенъ былъ для него благовѣсть Христовской заутрени въ подобный часъ полуночи ... Все прежнее обновилось: безпечность прежней невинности, и вѣра отцевъ, теплая вѣра юности, теперь имъ забытая. Тогда душа его была какъ голубь—теперь стала чернѣе ворона . . . Но мимолетны благія мысли въ сердцахъ, закаленныхъ въ буйствѣ и гордости, въ сердцахъ вѣчно укоряющихъ судьбу, а не себя — и мщеніе, ненависть, ревность закипѣли вновь сильнѣй прежняго.

— Нѣтъ, не мнѣ ворочаться! вскричалъ Владиміръ, ступая на поляну. Тому ли страшиться ада, у кого адъ въ душѣ?

При озареніи молніи, онъ видитъ обрушенный и мохомъ покрытый крестъ; на травѣ, будто истоптанной палящими стопами, лежалъ чей-то черепъ. Гдѣ, гдѣ между сѣдыхъ полуистлѣвшихъ елей трепетала робкая осина — дерево казни предателя. Пещерою склонилося небо надъ сею забытою поляной, и тихо въ ней, какъ въ могилѣ.

— Пора, сказалъ Владиміръ, и сталъ творить суевѣрныя заклинанія, трижды обратившись противъ солнца, и съ каждымъ разомъ повторяя призваніе злаго духа. Явись мнѣ, искуситель рода человѣческаго, восклицалъ онъ, стань передо мной лицемъ къ лицу; я не кроюсь за кругами, начертанными мертвою рукою*; я безъ боязни увижу тебя, какъ предаюсь тебѣ безъ завѣта. Приди на помощь того, кто служилъ аду, служа себѣ самому; дай, хотя на часъ, повластвовать надъ тѣми, кого ненавижу, и повладѣть тѣми, кого люблю! Будь товарищемъ моихъ замысловъ, чтобы вѣчно, вѣчно быть моимъ властелиномъ; явись — я поклонникъ твой, за страшную, за

* Всѣ описываемые здѣсь обряды принадлежатъ еще досель къ суевѣріямъ простаго народа.

дѣнія, и [illegible]шебникъ съ кровавыми устами бродитъ кругомъ и манитъ заблуднаго путника. У смѣльчаковъ навертывались холодныя слезы отъ ужаса на посидѣлкахъ, отъ сихъ шепотныхъ р[illegible]казовъ; ,дѣвушки вздрагивали при малѣйшемъ [illegible] крикѣ оконницы, при нечаянномъ трескѣ лучин[illegible] [illegible] трепетомъ жались къ груди [illegible] [illegible]глохла трона на холмѣ могиль[illegible]ръ дровосѣка, ни стрѣла звѣро[illegible]ъ, ни вѣтеръ не проникали въ [illegible]гражденную страхомъ. И вот[illegible] [illegible] онъ до поляны, вѣнчающей хо[illegible]есъ ногу, чтобы ступить на нее, [illegible]ъ до него благовѣсть, зовущій [illegible] всепощной. Холодный потъ проступилъ на челѣ отчаяннаго: жѣдь прозвучала ему совѣстью. Онъ вспомнилъ, какъ радостенъ былъ для него благовѣсть Христовской заутрени въ подобный часъ полуночи ... Все прежнее обновилось: безпечность прежней невинности, и вѣра отцевъ, теплая вѣра юности, теперь имъ забытая. Тогда душа его была какъ голубь—теперь стала чернѣе ворона . . . Но мимолетны благія мысли въ сердцахъ, закаленныхъ въ буйствѣ и гордости, въ сердцахъ вѣчно укоряющихъ судьбу, а не себя — и мщеніе, ненависть, ревность закипѣли вновь сильнѣй прежняго.

— Нѣтъ, не мнѣ ворочаться! вскричалъ Владиміръ, ступая на поляну. Тому ли страшиться ада, у кого адъ въ душѣ?

При озареніи молніи, онъ видитъ обрушенный и мохомъ покрытый крестъ; на травѣ, будто истоптанной полящими стопами, лежалъ чей-то черепъ. Гдѣ, гдѣ между сѣдыхъ полусгнившихъ елей трепетала робкая осина — дерево казни предателя. Нещерою склонилося небо надъ сею забытою поляной, и тихо въ ней, какъ въ могилѣ.

— Пора, сказалъ Владиміръ, и сталъ творить сусѣрныя заклинанія, трижды обратившись противъ солнца, и съ каждымъ разомъ повторяя призваніе злаго духа. Явись мнѣ, искуситель рода человѣческаго, восклицалъ онъ, стань передо мной лицемъ къ лицу; я не кроюсь за кругами, начертанными мертвою рукою*; я безъ боязни увижу тебя, какъ предаюсь тебѣ безъ завѣта. Приди на помощь того, кто служилъ аду, служа себѣ самому; дай, хотя на часъ, поторжествовать надъ тѣми, кого ненавижу, и повладѣть тѣми, кого люблю! Будь товарищемъ моихъ замысловъ, чтобы вѣчно, вѣчно быть моимъ властелиномъ; явись — я поклонникъ твой, за страшную, за

* Всѣ описываемые здѣсь обряды принадлежатъ еще доселѣ къ сусѣріямъ простаго народа.

ужасную плату! . . . Я отрекаюсь всего, до сихъ поръ мнѣ святаго и драгоцѣннаго; какъ этотъ черепъ, попираю ногами все человѣческое; какъ этотъ посохъ, разрываю связь съ родствомъ . . . Врагъ всего высокаго и благороднаго, явись! Тебя призываетъ человѣкъ, который бы з[illegible]геломъ, и который хочетъ е[illegible]духомъ, который мѣняетъ райско[illegible]на власть ада — продаетъ вѣчн[illegible]. . Явись, явись!

Дикій отголо[illegible]го кликамъ опять и опять, и пр[illegible]казалось, съ ужасомъ внималъ г[illegible]ника. Подулъ вѣтерокъ, листья [illegible]ли — и у грѣшника занялся духъ. Онъ откинулъ рукою кудри съ чела, чтобы прохладить его свѣжестію; но вѣтеръ палилъ его лице, словно дыханіе ада. Снова все тихо. Но вотъ загорѣлся огонекъ въ чащѣ лѣса; онъ ближе и ближе съ шорохомъ вѣтвей . . . взоръ и слухъ призывателя на сторожѣ, и дыбомъ волосъ его и леденѣетъ въ немъ сердце; но вотъ двоится огонь — и щелканье зубовъ увѣряетъ его, что то свѣтятъ глаза хищнаго волка. Съ каждымъ шагомъ растетъ нетерпѣніе юноши, и наконецъ бѣшенство овладѣло имъ.

— Ты нейдешь, робкій злотворитель! Ты боишься грозы небесъ; тебя пугаетъ голосъ без-

страшнаго, какъ пѣніе пѣтуха! Ты кажешься только дѣтямъ и старухамъ; смущаешь только мирныхъ отшельниковъ, бесѣдуешь съ одними полуумными чародѣйками! Вооруженъ адскою злобою, ты не скинулъ съ себя людской трусости. Или не думаешь ли, что съ жертвою нѣтъ договора? что рано или поздно я твой! Нѣтъ, нѣтъ! я могу еще вырвать изъ кохтей твоихъ свою душу; въ ней довольно силы, чтобы, на зло тебѣ, я могъ научить добродѣтелью добрыхъ людей, какъ я радовалъ злыхъ духовъ своими замыслами. Еще ли нѣтъ?... небо и адъ меня отринули!

Въ отчаяніи, со скрежетомъ зубовъ, повергся онъ на землю. Гроза выла, сквозь ливень рѣяли молніи, и наконецъ дикій хохотъ раздался надъ его головою.

Холодный трепетъ проникъ въ кости Владиміра отъ прикосновенія чьей-то руки, упавшей къ нему на плечо. Сердце его отъ прилива крови будто хотѣло разорвать грудь, но онъ гордо приподнялъ голову, и при блескахъ молній, открывающихъ небо и землю, изумленный взоръ его встрѣтился съ насмѣшливымъ взоромъ пріятеля его, Ивана Хворостинина, который въ Венгерскомъ доломанѣ стоялъ передъ нимъ. Щеголя, со временъ Самозванца еще, носили тогда Польское и Венгерское одѣяніе.

— Безумецъ ты, Владиміръ, говорилъ онъ ему сквозь смѣхъ, неужели въ нашъ вѣкъ,

когда люди перехитрили дьявола, ты хочешь обмануть его! Поздно, пріятель, поздно. Черти уже не вѣрять кровавымъ росписькамъ и душевнымъ закладамъ; да и что за прибыль бѣсу въ душахъ нашихъ теперь, коли дорогъ проглотитъ пасть адъ пастью могилы. Я не узнаю тебя, князь — ты ли это? Тебѣ ли вѣрить въ чертей, когда ты не вѣровалъ въ Божью правду!

— Такъ, Хворостининъ — я заслужилъ, чтобы сумасброды упрекали меня въ безуміи. Брани меня, смѣйся надо мною; я стыжусь даже тмы, скрывающей стыдъ мой. Какого ада искалъ я внѣ себя, когда могу удружить недругамъ своимъ адомъ! У меня есть сила въ тѣлѣ и месть въ душѣ; на свѣтѣ есть еще огонь и желѣзо.

— Есть и висѣлицы, Владиміръ. Смутное время и безземельное твое княжество не спасутъ зажигателя и убійцу отъ этой качели.

— Кто противостанетъ мнѣ? что меня остановитъ?

— Каждая пуля. Полно, князь, мѣрять силы своимъ гнѣвомъ. Будь ты самъ Полканъ богатырь — но горсть пороху — и ты прахъ.

— Низкая выдумка! Ты равнялешь храбраго съ трусомъ, сильнаго со слабымъ; тобой по-

бѣждаютъ безъ чести, отъ тебя гибнутъ безъ славы. Но у меня есть товарищи, друзья. Они станутъ за меня . . .

— Они бы спрятались за тебя въ битвѣ, но не пойдутъ за тобою въ ссору. Послушай, Владиміръ, ты, кажется, довольно презираешь людей [illegible]дать, для чего къ тебѣ пѣшал [illegible]orie земляки наши. Они дум [illegible] тебѣ будущаго воеводу и анти [illegible]лынскаго; обманулись — и ко [illegible] изъ Переславля, то уже сль [illegible]стили тебя горожане, какъ шум [illegible]ему ихъ заздравные клики. Ду [illegible]правда?

— Какая клев [illegible] той правды? Да, я брошенъ въ сѣдь безсильной злобѣ своей. Для чего мое негодованіе не дышитъ бурею! Для чего проклятія мои не могутъ летать и сжигать молніею; для чего этой рукой не могу я разорвать сводъ неба и обрушить его на головы враговъ моихъ! . . .

— Славно, славно, князь! Ты бѣснуешься, будто кликуша* передъ Херувимскою. Однако же мнѣ право сѣтовать на тебя, горячія головы. Вообразили себѣ, что цѣлый свѣтъ долженъ глядѣть намъ въ глаза, и что природа

* Такъ называютъ въ просторѣчіи одержимыхъ бѣсомъ.

для нась вертится на курьей ножкѣ! Къ чему служатъ всѣ эти заклинанія и проклинанія? Какъ ты ни горячись, а это не высушитъ нашихъ платья; пойдемъ-ка лучше поискать ночлега. Одна пріязнь къ тебѣ вынянила меня слѣдомъ за тобою въ эту ночь, когда добрый хозяинъ не выгонитъ собаки за ворота, когда волки рады погрѣться на пожарѣ. Ухъ! холодъ, и дождь, и громъ, и вѣтеръ, будто свѣту преставленіе. Пойдемъ, Владиміръ, кони за лѣсомъ . . .

— Нѣтъ, я хочу умереть здѣсь . . .

— Умереть, чтобы дать другимъ жить на просторѣ? Не лучшелъ уморить кой-кого, чтобы самому пожить въ полю?

Владиміръ не слышалъ его.

— Князь, я темный человѣкъ, но могу тебѣ пригодиться въ нѣкоторое времячко, и это время теперь: отчины твои промотаны — твоя слава двулична. Въ Москвѣ ты имѣешь враговъ, а здѣсь друзей не нажилъ. Прекрасная Елена твоя полюбила другаго и съ ея рукой воеводская булава отдана младшему твоему брату . . . Чего жъ тебѣ ждать здѣсь? какихъ еще обидъ доискиваться? Ситцкій! я тянулъ съ тобой одну лямку и чарку; я знаю, я цѣню тебя; я вижу, какъ высоко стоишь ты надъ другими умомъ, и какъ низко брошенъ судь-

бою. Я грызъ зубы, когда князь Иванъ поѣрилъ неопытному юношѣ городъ и засаду. Вотъ хваленое безпристрастіе! до и гдѣ нынче найдешь правду на Руси? Сердце разрывается съ досады за всѣхъ, и за тебя всѣхъ болѣе. Родина отвергла, презрѣла тебя, чего жъ медлить? — Волынскій уже не воротится, а Литовцы въ 50-ти верстахъ, подъ начальствомъ удалаго Лисовскаго, который съ Русскими и Казаками идетъ къ Самѣгѣ. Намъ не первоучника дружиться съ Panami dobrodziciami — и Лисовскій приметъ тебя — чунъ до земли . . . и чрезъ два дня Переяславль нашъ, и Елена твоя, и пошла потѣха! Опять удалая жизнь, набѣды, добыча. Опять звонъ сабель и кубковъ; снова громъ и дымъ, пепелъ, кровь — и пѣсни красныхъ дѣвушекъ. Князь — рѣшайся!

Съ содраганіемъ, разширивъ глаза, слушалъ Владиміръ слова предателя. Сомнительно прикоснулся онъ къ груди его, чтобы увѣриться, человѣкъ ли говорилъ такія рѣчи.

— Злодѣй! наконецъ вскричалъ онъ, ты, ты-то и есть нечистый духъ . . . Русскій ли предлагалъ Русскому измѣнить отчизнѣ, предать свою родину!

— Не сего дня, такъ завтра она и безъ насъ погибнетъ, а мы, не спасши ея, поте-

раемъ себя дарожъ. Да одни ли мы передадимся Полякамъ? А вѣдь на людяхъ и смерть красна.

— Но презрѣніе добрыхъ людей! но проклятія потомства!

— Потомки, если не оправдаютъ, то извинятъ насъ обстоятельствами; а изъ людскаго мнѣнія не шубу шить; да и гдѣ эти добрые люди? Кто нынѣ правъ, кто виноватъ? Одни клянутся за Шуйскаго, другіе цѣлуютъ крестъ Владиславу; кто же и намъ не вилитъ кричать громче всякаго: за матушку за Россію, за царя за Димитрія!

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Нѣтъ? . . . Такъ оставайся же въ пыли, хвастливое дитя — я не хочу долѣе терять словъ съ человѣкомъ, который мечтаетъ перевернуть свѣтъ и не можетъ переломить вздорнаго предразсудка; который дышитъ братоубійствомъ и страшится измѣны, который всего хочетъ и ничего не смѣетъ!... Поди, кланяйся тѣмъ, которые за счастье должны бы считать поддержать твое стремя; грызи украдкою, какъ мышь, каблуки презирающихъ тебя враговъ; ступай на вѣсти къ своему меньшому брату, жди подачки съ его стола . . . добивайся въ дружки къ той, которой ты можешь быть мужемъ; осыпай молодыхъ привѣтливо хмѣлемъ,

когда бы ты хотѣлъ задавить ихъ подъ проклятіями — считай чужіе поцѣлуи — пяньчи будущихъ дѣтей братниныхъ . . .

— Этого я не стерплю никогда . . .

— Ты не стерпишь? и, братъ Владиміръ — терпѣніе славная вещь . . . съ нимъ и съ покровительствомъ брата ты можешь подъ старость выслужить даже уголъ въ богодѣльнѣ. Прощай, Ситцкій — спасибо за урокъ. Ты показалъ мнѣ, что пустыя сердца звучатъ громко, что есть заячьи сердца въ грудяхъ орлиныхъ . . .

Бѣшенство, ревность, месть пылали въ Ситцкомъ; онѣ одолѣвали совѣсть. — Взошло солнце и, по сказкамъ ранніихъ косцевъ, они видѣли двухъ незнакомыхъ всадниковъ, закутанныхъ въ охабни, которые торопливо ѣхали по Владимірской дорогѣ.

V.

Зарево, отъ пылающаго монастыря Даніила Столпника, бросало кровавый отблескъ на озеро, и берега его вторили кликамъ военнымъ. Литовскій облегъ уже Переяславль, уже отбилъ вылазку Михаила Ситцкаго. Стычка только что кончилась, выстрѣлы смолкли; но облако дыма и пыли неслось еще надъ стѣнами города, гдѣ мелькали огни и оружія, слышались приказы, стукъ топоровъ и плачъ женъ. Другая картина представлялась подъ стѣнами: ниспадающая ночь мѣшала видѣть объемъ стана осаждающихъ; но какъ они не слишкомъ боялись недальнострѣльныхъ орудій города, то очень близко притиснули свои передовые от-

воды къ тинистому ру. Со стѣнъ сквозь мракъ видно было, что всадники разсѣдлываютъ коней, иные выпаживаютъ ихъ, напѣвая пѣсни; другіе, насвистывая, поятъ ихъ у озера. Пѣшіе отираютъ брони и строятъ шалаши изъ вѣтвей. Тамъ дѣлятъ кормъ, тамъ добычу. Треща разгораются [illegible]сь и тутъ и повсюду; котлы бьютъ [illegible]обираются воины въ артели: вотъ [illegible] и хохотъ, крикъ и пѣнье. Никт[illegible]о навшемъ, никто не думаетъ [illegible]ъ беззаботно веселятся послѣ [illegible]твой. Они пируютъ на свадьбѣ [illegible] на именинахъ у друга.

Чудна и пестра была смѣсь народовъ, составлявшихъ хоругвь Литовскаго. Польская шляхта, своевольно нахлынная на Русь, служитъ себѣ, безъ воли сейма, противъ воли короля. Они гордо похаживаютъ, крутя усы и отбрасывая назадъ рукава своихъ контушей, кланяясь и хвастая ежеминутно. Казаки косо поглядываютъ на союзниковъ, лѣнно дымя трубками, и часто сабли ихъ крестятся съ Польскими, хотя къ ихъ знаменамъ для добычи и славы привязали они переметную дружбу свою. Полудикіе Литовцы, приведенные панами на разбой и на убой, безстрашно сидятъ или спятъ вкругъ огней. Наконецъ пожитники Русскіе,

ные изъ привычки къ мятежу и бездомью, другіе алкая корысти, третьи изъ надежды воротить грабежемъ у нихъ отнятое, передались къ гультаямъ Польскимъ. Роскошь и бѣдность вмѣстѣ, равнительно видѣлись въ станѣ. Иной ходилъ часовой съ заржавленнымъ бердышемъ, въ рубищѣ, но въ золоченомъ шишакѣ; другой въ бархатномъ кафтанѣ, но полубосъ; здѣсь поятъ коня серебрянымъ ковшемъ, а тамъ на дорогомъ скакунѣ лежитъ вмѣсто сѣдла цѣновка. Штофный запанѣсь, надѣтый на копье, завѣшиваетъ изъ бурки сдѣланную ставку какого-нибудь хорунжаго, который нѣжится на медвѣжей полсти, склоня голову на сѣдло. Здѣсь бобровое одѣяло кинуто на грязной соломѣ. Все это было странно и дико, но все кипѣло жизнью и силою. Вездѣ говоръ и ржаніе коней, звукъ и блескъ оружій во мракѣ.

Передъ станкою у огня лежалъ на коврѣ Лисовскій и съ нимъ двое намѣстниковъ: Хворостининъ и Ситцкій. Крѣпкій складъ и суровое, загорѣлое лице, показывали въ Лисовскомъ обстрѣлянаго воина, а быстрые глаза и думные на челѣ морщины — опытнаго вождя. Беззаботная голова, Хворостининъ, уже спалъ безпробудно, утомленный сѣчею и виномъ, какъ это видно было по окровавлен-

ной саблѣ его и опрокинутому, въ головахъ кубку.

— Пей, товарищъ, пей, говорилъ Владиміру наѣздникъ Лисовскій, напѣнивая стопы. Смой усталость битвы, освѣжи твое грустное сердце радостными слезами винограда! Посмотри, какъ кипитъ и въ жемчужистой пѣнѣ скрываетъ румянецъ свой это некупленное вино. Оно дышитъ какою-то благовонной прохладой; оно не даромъ таило свой жаръ въ ледникахъ дворцовскихъ, чтобы отводить тоску царей . . . Товарищъ! пей, оно и твою утолитъ!

— Нѣтъ, Лисовскій, нѣтъ. Злодѣйка тоска всплываетъ на верхъ, и вино подливаетъ пламень въ кровь, и безъ того кипучую. Я видѣлъ, какъ это вино лилось моремъ на столахъ Годунова и Димитрія. Я видѣлъ вблизи ихъ обоихъ — и вѣрь — оно не смывало кручины съ чела, стиснутаго вѣнцемъ и . . . есть неисцѣлимыя раны, есть неусыпающія мысли, которыхъ никто, ни что въ свѣтѣ не въ силахъ вырвать изъ размученной ими души!

Такъ говорилъ Владиміръ въ тоскѣ глубокой и непритворной. Уста его, еще покрытыя пылью, трепетали, и на лицѣ, обрызганное кровью, проступало мученіе души.

Тропутый Лисовскій задумчиво пилъ изъ

стопы своей; соучастіе отозвалось въ жестокомъ его сердцѣ. Такъ-то и въ самыхъ неприступныхъ башняхъ есть тайники сокровенные, но проходимые. Правда, не вдругъ сошлись эти два характера: властолюбіе вождя взрывало Ситцкаго; вождю не правилась въ Ситцкомъ непокорность. Но въ первомъ страсти сердца, умѣренныя войною и честолюбіемъ, любили припоминать въ другомъ свою когда-то неукротимую волю; а Ситцкаго плѣняла откровенность Поляка. Въ вѣрности Русскихъ измѣнниковъ увѣрился Лисовскій на дѣлѣ; они Русскою кровью смыли съ себя имя Русскихъ, а Владиміру нужно было высказать свои чувства тому, кто могъ бы ихъ почувствовать. Притомъ оба они были пламенны; нарѣчіе обоихъ, какъ Восточная ткань, пестрѣло какими-то чудными цвѣтами — и вотъ Лисовскій, гроза Россіи, славный потомъ въ Германіи наѣздничествомъ за вѣру, сдружился съ измѣнникомъ, который навелъ его на свою родину. Не знаю, искренна или корыстна была дружба сія; но они стали неразлучны. Такъ два нагорныхъ потока, встрѣтясь, кипятъ и спорятъ, и съ ревомъ, неодолѣнные оба, сливаютъ волны свои и несутся одною дорогой.

Молча подалъ Лисовскій руку Владиміру и крѣпко, выразительно сжалъ ее.

— Лисовскій! сказалъ тогда Владиміръ: вижу, что вопросъ, внушенный дружбою, летаетъ на устахъ твоихъ — я предупрежду его. Да и для чего не облегчить мнѣ сердца, раздавленнаго тайною скорбію! Наружность винитъ меня болѣе, чѣм[illegible]ризнанье, и ты можешь понять [illegible].

Здѣсь повила[illegible]ть, но путевое сѣдло было моей [illegible] и я какъ сквозь сонъ помню себ[illegible]иномъ, и громъ, и кровь, и плам[illegible]я. Это, какъ узналъ я послѣ, было при взятіи Шведами городка Падиса въ Чудской землѣ. Тамъ сидѣлъ безстрашный старецъ Данило Чихачевъ* и отвергнувъ переговоры, палъ послѣдній на трупахъ своихъ ратниковъ, на ввѣренной ему стѣнѣ. Отецъ мой, бывшій тамъ подвоеводчикомъ, раненый, избѣжавъ побоища, спасъ меня и мать мою. Это кровавое зрѣлище потрясло мою трехлѣтнюю душу и впечатлѣло въ ней буйныя, неутолимыя страсти. Отца я не помню — онъ умеръ вскорѣ послѣ похода, а мать забыла меня для меньшаго брата. Какъ буря по степи пронеслась моя молодость, и

* Это точно случилось въ 1580 году. Спасся только одинъ Михаилъ Ситцкій.

даже въ дѣтствѣ я не зналъ иной радости, кромѣ покоя. Я чуждался своихъ сверстниковъ, мнѣ казались жалкими ихъ игрушки; моею забавою было то, что я самыхъ юношей пугалъ: бѣшеные кони, звѣриная ловля, и мракъ ночей, и непогодное озеро. Я наслаждался опасностями, и мое первое презрѣнье было къ тѣмъ, кто ихъ боялся. Скоро порода и красота призвали меня въ рынды ко двору Осодора, и я равнодушно оставилъ за собой эту родину: тогда райская птичка — надежда, летѣла передо мной и манила впередъ своими блестящими крыльями. Сначала сіяніе двора ослѣпило меня — но тѣмъ черней показалась черпота его послѣ. Я увидѣлъ во всѣхъ обманъ и во всѣхъ подозрѣніе, зеркальныя лица и ни чѣмъ неподвижныя сердца, лесть, которой никто не вѣрилъ и каждый требовалъ, умничанье безумія и чванство ничтожества! Я чувствовалъ, какъ уменьшалась душа моя въ кругу людей, которыхъ грѣетъ улыбка любимцевъ болѣе чѣмъ внѣшняя шуба*, которые не могутъ жить безъ пышности, ни къ чему непужныхъ! Съ каждымъ днемъ опосты-

---

* Тогда при дворѣ для праздниковъ и пріемовъ выдавались боярамъ дворцовскія богатыя шубы и кафтаны.

валъ мнѣ дворъ . . . я вырывался изъ душныхъ палатъ Кремлевскихъ, чтобъ подышать отзывнымъ мнѣ вѣтромъ и бурею, чтобы выместить на звѣрахъ свою ненависть къ людямъ. Однако жъ, по какой-то пагубной привычкѣ, я не могъ жить вовсе безъ людей, съ которыми не могъ ужиться. Такова-то цѣпь общества: снять ее мы не въ силахъ, а разорвать не рѣшимся. Наступилъ на престолъ и Годуновъ, годы влеклись, и только нарѣдка моя душа порывалась къ чему-то сильному, къ чему-то грозному — и наконецъ труба мятежа пробудила ее. Какъ воронъ встрепенулся я, послышавъ кровь, и радостно полетѣлъ къ Новугороду Сѣверскому*. Съ кѣмъ и за что сражаться — не было мнѣ нужды; лишь бы губить и разрушать. Эта забава стала мнѣ цѣлью, эта цѣль моей наградой. Душа осѣмалась въ пылу битвы; и оживалъ тою жизнію, что отнималъ у другихъ; но кто лучше Лисовскаго можетъ оцѣнить наслажденіе отваги и упоенье побѣды!

Ты знаешь, что длилось не долго: наши Московскіе сильно признали Димитрія, и я со

* Подъ Новогородомъ-Сѣверскимъ встрѣтилъ самозванецъ неожиданный и сильный отпоръ, покуда воевода Басмановъ, сей отважный измѣнникъ, не передался на его сторону (1604 въ ноябрѣ).

вздохомъ опустилъ мечъ, и увлеченный всѣми, въѣхалъ въ свитѣ новаго царя въ столицу. Нечего было дѣлать — пришлось ничить царскихъ соколовъ, чтобы заполевать, при случаѣ, воеводство. Я сошелъ въ кругъ людей, презираемыхъ мною, но необходимыхъ мнѣ, чтобы изъ него возвыситься. Лишняя горсть золотой пыли въ глаза, лишняя дюжина блестокъ на платьѣ, Венгерское вино и Арабскія лошади — и легкомысленные твои соотечественники стали моими пріятелями. Вмѣстѣ рыскали мы по улицамъ Москвы, топтали народъ и увозили красавицъ. Это напоминало мнѣ жизнь наѣздническую; въ буйствѣ я дышалъ веселѣе; я уже былъ накануѣ исполненія моихъ желаній — но кто бывалъ въ будущемъ! На одной пирушкѣ молодой Оссолинскій обидѣлъ меня, и вельможная голова слетѣла въ прахъ. Я бѣжалъ, бѣжалъ не смерти, а позора, и родина приняла меня подъ кровъ свой, но какъ? — подобно дереву, которое манитъ въ сѣнь свою путника на отдохновенье, и наводитъ на него громовую стрѣлу!

Въѣзжая сюда, я какъ будто вновь народился. Воспоминаніемъ прежней невинности усыпилось мое мятежное сердце, какъ дитя колыбельною пѣснею. Здѣсь все было такъ тихо и привѣтливо! . . . Родителей моихъ

уже не было на свѣтѣ, но я нашелъ въ воеводѣ Волынскомъ, опекунѣ моемъ, втораго отца; у него-то познакомился я съ прелестною его дочерью Еленой, и . . . признаюсь тебѣ, Лисовскій, полюбилъ ее душой: невѣдомое мнѣ чувство какого-то небеснаго покоя пролилось въ грудь, Сердце мое стало какъ перепо[illegible]ким напиткомъ чаша, любовь [illegible]алась на все меня окружающее. [illegible]огда радость доброты и потреб[illegible]тва; весь Божій свѣтъ сталъ для м[illegible]ъ впервые. Какъ сладко потекли мо[illegible]къ тихи и чисты были сны мои! Тепе[illegible]ько помню, что это было; но понять, [illegible]ствовать это снова я уже не могу. Чего бы не сдѣлалъ, чего бы не отдалъ я, чтобъ воротить себѣ эту внимательную разсѣянность при милой, эту нетерпѣливую тоску безъ нея, эту безжелчную досаду за бездѣлицы, этотъ восторгъ за ласки! Три года протекли какъ одно майское утро; она росла и развивалась въ глазахъ моихъ, и я забылъ для нея битву и славу, и Поляковъ и Русскихъ. Димитрія свергли вслѣдъ за моимъ бѣгствомъ. Его замыслы, власть и жизнь разсѣяны были вмѣстѣ съ его прахомъ пушечнымъ выстрѣломъ . . . и это было настоящее изображеніе его царствованія: громъ и дымъ

— и прахъ на вѣтрѣ! . . . Прочія Московскія дѣла ты знаешь . . . но я не хотѣлъ тогда знать — и желалъ бы позабыть; я сидѣлъ здѣсь очарованный ею, и какъ прелестна тогда была она! какъ искренна была со мною!... съ какою нѣжною заботливостію спѣшила разсѣять грусть мою, съ какою дѣтскою рѣзвостію веселилась, когда я былъ веселъ. Лисовскій! трудно повѣрить, и тяжело, стыдно вспомнить, какъ я, гордый и неуклонный, былъ тогда искателенъ передъ нею; сколько похвалъ и угодничества расточалъ ей; какъ по цѣлымъ часамъ, не сводя съ нея взоровъ, впивалъ ими обаяніе красоты; только о ней думалъ на яву, только объ ней грѣзилъ во снѣ . . . да . . . я не знаю средины и границъ въ страстяхъ моихъ: ненавижу до неистовства, люблю до упоенья! но не всѣмъ на счастье создана любовь. Смотри, какъ навшая роса оживляетъ быліе — но она снѣдаетъ ржавчиною булатъ моей сабли — и какъ эта Персидская сабля, долженствовала моя любовь разсѣчь всѣ преграды или разбиться въ дребезги. Моя душа, полная страсти, подобилась громовой тучѣ, блистающей лучами солнца; но одно противное облако, одна искра — и кто осмѣлится играть съ перуномъ! . . . Это мгновенье настало. Меньшой братъ мой, Михаилъ, при-

ѣхалъ, за по года, сюда, и скоро я не могъ не возненавидѣть того, котораго долженъ былъ любить. Я молчалъ . . . онъ таился, но уже взаимная ихъ любовь перестала быть тайною и я узналъ муки ревности, я спознался съ адомъ злобы. Свѣжія щеки, томные глаза, красныя рѣчи Михаила полонили ея сердце — да и какое женское сердце не выбираетъ друга по себѣ? . . асильно отвѣчать, ихъ ужъ ь сильной любви нашей. Онъ ъ страстнымъ рѣчамъ страсти, ой пѣснѣ, ласкающей слухъ ушѣ! Только ленетаньемъ, тол грушками привлечено ихъ вним

Но не одну любо охитилъ у меня Михаилъ, любовь ой слить былъ покой души, стало быть счастіе жизни — нѣтъ! онъ вонзилъ мнѣ въ грудь двойное остріе. Волынскій удалялся: мнѣ по старшинству и по опыту слѣдовало принять воеводство. «Лучшіе граждане обѣщали набрать меня, если бъ даже и Волынскій воспротивился. Все было готово . . . я рѣшился пересилить силу, думалъ несомнѣнно получить, если не взаимность, то руку Елены; сватаюсь . . . и что жъ? Я вдругъ узнаю, что происками брата ему достается моя суженая — и ей въ прида-

ное — воеводство . . . и въ цѣломъ городѣ ни одинъ голосъ за меня не послышался. Какъ лютый звѣрь тогда вспрыгалось мое сердце; не знаю, какъ не сошелъ я съ ума отъ бѣшенства. Остальное тебѣ извѣстно. Люди, адъ, все измѣнило мнѣ — и я твой товарищъ. И ты видѣлъ, каково мстилъ я коварнымъ! Одной мести жажду я . . . у меня нѣтъ другаго чувства; я уже сорвалъ съ сердца терновый вѣнокъ любви. Но клянусь всѣмъ, что было для меня свято, что теперь для меня дорого, Елена живая или мертвая будетъ въ моихъ объятіяхъ. Хочу насмѣяться ея мученіями, когда она прочтетъ мои, хочу, чтобы она вѣкъ не смыла своими слезами кровь своего возлюбленнаго. Называй это ребячествомъ, прихотью, раздраженіемъ мелкаго самолюбія и честолюбія; смѣйся надъ этимъ какъ хочешь, но она будетъ моя. Въ томъ моя цѣль, въ томъ мое желаніе . . . да и не лучше ли слушаться своей воли, чѣмъ вѣкъ повиноваться чужой! А брата . . . злодѣя брата . . . слышалъ ли ты отвѣтъ мой на его письмо, не дано ко мнѣ на стрѣлѣ перекинутое! Источу изъ тебя кровь, отвѣчалъ я ему, чтобы разорвать послѣднія узы, которыя насъ соединяютъ, а меня гнетутъ — непломъ пожара посылаю главу Переяславля, который меня отвер-

гнулъ — и если суждено мнѣ погибнуть, то и врагомъ новому съ собой въ бездну! . . .

Скоро сонъ сомкнулъ очи Лисовскаго и устa Владиміра. Но страшными сновидѣніями прерывалась его тяжелая дремота. Тише и тише кипѣла кровь, воспаленная гнѣвомъ . . . волненіе уходилось, и предразсвѣтный вѣтерокъ обвѣялъ свѣжестью его чувства. И вотъ чудится Владиміру [illegible] гонь; кто-то, наклонившись [illegible] сть въ ухо: Владиміръ! . . . полусонный, хватается за [illegible] дивишись на руку, стремитъ [illegible] оры на пришельца: передъ [illegible] казакъ стоитъ въ сіяніи мѣсяца . . [illegible] ельно снимаетъ онъ шапку свою, [illegible] е волосы распадаются по плечамъ; [illegible] ціи знакомый голосъ повторяетъ: Владиміръ! — это Елена!

— Не дивись, Владиміръ, говорила она, что откинувъ дѣвичью робость и стыдливость, я пришла къ тебѣ сквозь всѣ опасности. Долго любя тебя, какъ брата — и теперь люблю брата твоего болѣе себя, я была поражена твоей нежданною нѣжностью; меня измучила мысль, что я тому виною; и рѣшилась за то дерзнуть на все, пожертвовать собою для спасенія родины, для спасенія твоей славы, твоей души. Такъ, Владиміръ! . . . я буду твоею, я

постараюсь сдѣлать тебя счастливымъ, я научусь любить тебя — но будь же достоинъ моей любви и уваженія всѣхъ — покинь это гнѣздо отступниковъ: твой примѣръ повлечетъ за собой тысячи Русскихъ измѣнниковъ, твоя храбрость спасетъ Переяславль, твое раскаяніе загладитъ мгновенную измѣну. Самъ Богъ прощаетъ кающемуся грѣшнику, и благословеніе на землѣ и спасеніе въ небѣ — ждутъ тебя. Братъ отдаетъ тебѣ все, что ты хочешь; я — все что могу . . . Какъ награды, какъ милости прошу: возвратись! Сжалься надъ моими слезами . . . умились моими моленіями!

— Нѣтъ! ангельская душа! вскричалъ тронутый Владиміръ: я не продаю ни добрыхъ, ни злыхъ дѣлъ моихъ: ты останешься невѣстою Михаила — и я снова слуга родинѣ! Елена, ты побѣдила меня — идемъ! . . .

И вдругъ сердце пронзающій звукъ трубы загремѣлъ въ станѣ — и Владиміръ проснулся! . . . Лисовскій уже въ бронѣ стоялъ передъ нимъ и будилъ его.

— Пора, Ситцкій, пора! говорилъ онъ: заря занимается и все готово: ты поведешь казаковъ на приступъ отъ озера, я съ лодками нагряну отъ Трубежа . . . огонь въ стѣны — и городъ нашъ!

— Неужели это былъ сонъ? вскричалъ о-

зирался, обманутый мечтою Владиміръ. Сонъ, злобный сонъ! — Такъ-то все доброе, все прекрасное въ свѣтѣ — одинъ разсказъ, одно пустое сновидѣніе; только во снѣ готовы люди на великое и благородное. Пусть же судьба влечетъ меня къ злодѣйству — я опережу ее, и чѣмъ [illegible] мнѣ дорога, тѣмъ безпощаднѣе бу[illegible]ей, впередъ! горе осажденнымъ!

Свѣтъ чуть [illegible] Толпы двинулись молча и не ст[illegible]роковое *пали*! съ вала, было см[illegible]говоромъ для многихъ. Какъ чуг[illegible], тались въ травѣ, пушки вдругъ разинули пасть свою, небо вспыхнуло и градъ смерти свистя запрыгалъ между рядами. Скорѣй, скорѣй, раздалось отовсюду . . . сходи ко рву, бросай вязки, рви и руби частоколы! Поляки устремились впередъ по набросанной въ ровъ греблѣ; но стѣнные дробовики не умолкали, ядра пропизывали ряды наступающихъ, и вода поглощала скользящихъ и раненыхъ. Толпа остановилась.

— Впередъ, за мной! воскликнулъ Владиміръ, и, надвинувъ на брови шлемъ, кинулся къ другому берегу. Съ гикомъ и воплемъ посыпали за нимъ Казаки, и онъ уже впереди всѣхъ, съ саблею въ зубахъ, съ пистолетомъ

въ рукѣ, уже на лѣстницѣ . . . отряхая съ себя камни и стрѣлы, уже схватясь за зубецъ, ступилъ онъ на стѣну. — Стой! загремѣло ему вслухъ — пушечный выстрѣлъ осѣтилъ ратника, съ которымъ столкнулся онъ грудь къ груди — и что жъ? Надъ нимъ сверкала сабля Михаилова. Ужасное мгновеніе! Блѣдными отъ ярости, мелькнули имъ взоры другъ друга, и смеркло все . . . Невольный трепетъ проникъ обоихъ. *Онъ измѣнникъ* — была первая мысль; но *онъ твой братъ*, было первое чувство Михаила, и сабля вонзилась въ руку. *Это врагъ мой* — мелькнуло въ головѣ Владиміра — и пистолетный выстрѣлъ предупредилъ нисходящую саблю. Проколотый самъ двумя копьями, упалъ онъ на трупъ умерщвленнаго имъ брата.

Побѣда! Побѣда! раздалось отъ Трубежа! и за тѣмъ клики грабежа и пасѣлія огласили воздухъ.

Ночью двое Поляковъ бродили по стѣнѣ, ища на трупахъ добычи; они остановились надъ однимъ, чтобы снять съ него дорогую Испанскую кольчугу. Между тѣмъ цѣлый день

мукъ истощилъ силы Ситцкаго; время катилось черезъ его колесомъ пытки. Огнемъ палило солнце его раны и жаждою уста; слѣпни пили кровь его, а онъ не могъ ни звукомъ, ни движеніемъ облегчить своихъ страданій. Исхлынувшая сквозь раны кровь уступила жѣсто совѣсти въ сердцѣ. Злодѣй, говорилъ она, ты пожертвовалъ всѣмъ своей прихоти —и что ты теперь? Терзайся! Это еще легкій задатокъ вѣчныхъ мукъ на томъ свѣтѣ . . . Слышишь ли эти вопли? — это тебя отпѣваютъ проклятіями, и многія столѣтія распадутся въ прахъ, покуда не сгибнетъ память предателя, заклейменная позоромъ. Между тѣмъ пламя болѣзни спорило съ смертнымъ холодомъ о добычѣ — и ужасная минута, которой жаждалъ и страшился желать Владиміръ, приближалась. Чувства смѣшались и прекратились . . . тяжелый вздохъ какъ будто хотѣлъ разорвать сердце . . .

— Это онъ — сказалъ Полякъ своему товарищу, вглядываясь при свѣтѣ луны въ лице умирающаго — это Ситцкій. Не зарыть ли намъ его честно, Казиміръ? онъ былъ отважный молодецъ; нашъ Лисовскій уважалъ его.

— *Уважалъ!* Можно ли уважать измѣнника! если почитать людей за одну отвагу, такъ по этому все равно умирать на висѣлицѣ съ раз-

бойникомъ! Нѣтъ! брось его на разщипку воронамъ. Земля не приметъ того, кто ее предалъ!

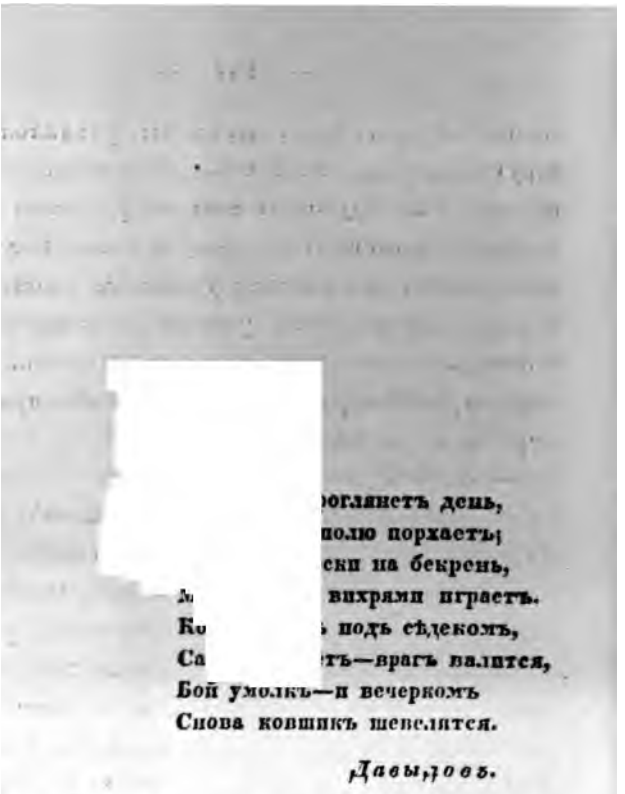
— Стащимъ съ него долой контушъ — онъ позоритъ Польское платье!

— Нѣтъ, Янъ, я ни за что не дотронусь до платья, обрызганнаго братнею кровью.

— О, не припоминай! Этотъ злодѣй въ моихъ глазахъ застрѣлилъ брата . . . а тѣло его невѣсты нашли теперь въ рѣкѣ. Отъ страха ли, отъ горя ль утопилась она, или ее утопили — это неизвѣстно; но она хоть счастлива тѣмъ, что не видитъ бѣдъ своей отчизны . . . Да, вотъ, гляди, лежитъ и братъ его. Помоги мнѣ, Казиміръ, вытащить изъ-подъ этого Каина его тѣло. Завидна смерть за родину, и честно будетъ погребенье храброму отъ храбрыхъ!

Какъ голосъ трубы страшнаго суда пробудилъ сей разговоръ полумертваго Владиміра. Съ содроганіемъ открылъ онъ глаза, затекшіе кровію — и первое, что представилось его взору, было блѣдное, укоряющее лице убитаго имъ брата, на груди котораго лежалъ онъ . . . съ этимъ взоромъ выкатился свѣтъ изъ очей измѣнника.

ВЕЧЕРЪ НА БИВУАКЪ.



...оглянетъ день,
...полю порхаетъ;
...ски на бекрень,
...вихрями играетъ.
...подъ сѣдекомъ,
...ть—врагъ валится,
Бой умолкъ—и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

Давыдовъ.

Вдали, изрѣдка слышались выстрѣлы артиллеріи, преслѣдовавшей на лѣвомъ флангѣ непріятеля, и вечернее небо вспыхивало отъ нихъ зарницей. Необозримые огни, какъ звѣзды, зажглись по полю, и клики солдатъ, фуражировъ, скрипъ колесъ, ржаніе коней, одушевляли дымную картину военнаго стана. ***го гусарскаго полка, эскадрону имени подполковника Мечина досталось на аванпосты. Вытянувъ цѣпь и приказавъ кормить ло-

шадей черезъ одну, офицеры расположились вкругъ огонька пить чай. Послѣ авангарднаго дѣла, за круговою чашею, радостно потолковать нераненому о томъ, о семъ, похвалить отважныхъ, посмѣяться учтивости нѣкоторыхъ передъ ядрами. Уже разговоръ нашихъ аванпостныхъ офицеровъ примѣтно рѣдѣлъ, когда кирасирскій поручикъ князь Ольскій спрыгнулъ передъ ними съ коня.

— Здравствуйте, други!

— Добро пожаловать, князь! насилу мы тебя къ себѣ залучили: гдѣ пропадалъ?

— Спрашиваются ли такіе вопросы? Обыкновенно, передъ своимъ взводомъ, рубилъ, кололъ, побѣждалъ. Однако и вы, гусары, сегодня доказали, что не на правомъ плечѣ ментикъ носите: объявляю вамъ мою благодарность. — Между прочимъ, вахмистръ, прикажи выводить и покормить моего Донца: онъ сегодня ничего не кушалъ, кромѣ пороховаго дыма.

— Послушай-ка, ваше сіятельство.

— Мое сіятельство ничего не слышитъ и не слушаетъ, покуда не выпьетъ глентвейну, безъ котораго ему ни свѣтло, ни тепло; давайте скорѣе стаканъ!

— Изволь! сказалъ ротмистръ Струйскій: но знай, что эта чара завѣтная: за нее ты долженъ приплатиться анекдотомъ.

— Хоть сотню! за нижи дѣло не станетъ: я весь слѣпленъ изъ анекдотовъ, и разскажу вамъ одинъ изъ самыхъ свѣжихъ, со мной случившихся. За здоровье храбрыхъ, товарищи!

Какъ-то недавно у насъ не было дня съ три ни крошки провіанта. Кругомъ, по милости вашей и казацк[illegible]акъ въ мосмъ карманѣ, а на бѣ[illegible]ницу фуражировать не пуск[illegible]ать? голодъ тѣмъ болѣе умнож[illegible] Французской линіи слышалось [illegible]мычаніе быковъ, которое плач[illegible] раздавалось въ пустомъ мосмъ жел[illegible]уждая о сустѣ міркой, лежалъ я, [illegible]шись буркою, и грызъ сухарь, такъ заплесневлый, что надъ нимъ можно бы было учиться ботаникѣ, такъ черствый, что его надо было провожать въ горло шомполомъ. Вдругъ блеснула во мнѣ пресчастливая мысль. Сей часъ же ногу въ стремя и марить.

— Куда, спросили меня, ѣдешь ты на своей бѣшеной Бьотти?

— Куда глаза глядятъ.

— Зачѣмъ?

— Умереть, или пообѣдать! — отвѣчалъ я трагическимъ голосомъ, далъ шпоры, и показывая видъ, будто меня занесла лошадь, пустился птицею и скрылся изъ глазъ изумлен-

ныхъ моихъ товарищей. Они считали меня погибшимъ. Проскакавъ Русскую цѣпь, я навязалъ на палашъ платокъ, который въ молодости своей бывалъ бѣлымъ, и поѣхалъ рысью.

— Qui vive? раздалось съ непріятельскаго пикета.

— Parlementaire russe! отвѣчалъ я.

— Halte-là!

Ко мнѣ подъѣхалъ унтеръ-офицеръ съ запереженнымъ пистолетомъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?

— Поговорить съ начальникомъ отряда.

— Для чего безъ трубача?

— Его убили.

Мнѣ завязали глаза, повели пѣшаго — черезъ три минуты я уже по обонянію угадалъ, что нахожусь подлѣ офицерскаго шалаша. Добрый знакъ! думалъ я: счастливый какъ тутъ къ обѣду. Снимаютъ повязку — и я очутился въ компаніи полковника и человѣкъ осьми конно-егерскихъ Французскихъ офицеровъ. Малый я незастѣнчивый.

— Messieurs! сказалъ я имъ, поклонясь весьма развязно: я не ѣлъ почти три дня, и зная что у васъ всего много, рѣшился по рыцарскому обычаю положиться на великодушіе непріятелей, и ѣхать къ вамъ на обѣдъ въ гости. Твердо увѣренъ, что Французы не во-

спользуются [illegible]ими, и не захотять, чтобы я за шутку заплатилъ вольностью. Да и много-ли выиграетъ Франція, если завладѣетъ конныхъ поручикомъ, котораго всѣ знанія и дѣйствія очерчиваются концемъ палаша?

Я не обманулся: Французамъ моя выходка понравилась, какъ [illegible]ьше. Они пропировали со [illegible]агрузили съѣстнымъ мой чем[illegible]алались друзьями, обѣщая ни[illegible]ѣчь раскроить другъ другу [illegible]го сердца.

— Не изъ [illegible] спросилъ, усмѣхаясь, штабсъ-[illegible]Ничтовичъ, который слылъ въ пол[illegible]а вел[illegible]каго критика.

— Да хотя-бы изъ печатнаго—для тебя оно все-таки должно быть новостью! — отвѣчалъ Ольскій.

— А послѣ какого дѣла это случилось?

— Послѣ того самаго, гдѣ ты раненъ былъ — въ сапогъ.

Штабсъ-ротмистръ занялъ пилюлю, и напрасно теребилъ усы, ища отвѣта на отвѣтъ: на этотъ разъ остроуміе его осѣклось.

— Не разскажетъ-ли намъ чего нибудь Лидинъ? сказалъ подполковникъ, обращаясь къ молодому офицеру, который въ разсѣянности курилъ давно погасшую трубку.

— Нѣтъ, подполковникъ! мнѣ нечего раз-

сказывать. Мой романъ занимателенъ для меня одного, потому что обиленъ только чувствами, а не приключеніями. И признаюсь вамъ: теперь вы разрушили самый великолѣпный воздушный мой замокъ. Мнѣ мечталось, что я за отличіе уже произведенъ въ штабъ-офицеры, что я сорвалъ Георгія съ непріятельской пушки, что я возвращаюсь въ Москву, украшенъ ранами и славою; что троюродный мой дядя, который старѣе Дендерека зодіака, умираетъ отъ радости, и я, богачъ бросаюсь къ ногамъ милой, несравненной Александрины!

— Мечтатель! мечтатель! сказалъ Мечинъ.

— Но кто не былъ имъ? кто больше меня вѣровалъ въ вѣрность и въ любовь женскую? — Я разскажу теперь случай моей жизни, который тебѣ, милый Лидинъ, можетъ послужить урокомъ, если влюбленные могутъ учиться чужою опытностью; для васъ-же приговорю, друзья мои, что это будетъ исторія медальона, о которомъ я давно обѣщалъ вамъ разсказать: послушайте!

Года за два до кампаніи, княжна Софія S. привлекала къ себѣ всѣ сердца и лорнеты Петербурга: Невскій бульваръ кипѣлъ вздыхателями, когда она прогуливалась; бенефисы были удачны, если она пріѣзжала въ те-

ятръ, и на балахъ надобно было тѣсниться, чтобы на нее взглянуть, не говорю уже танцовать съ нею. Любопытство заставило меня узнать ее короче; самолюбіе подстрекнуло обратить на себя вниманіе Софіи, и ея любезность, образованный умъ и доброта сердца очаровали меня [illegible] о чемъ говорятъ, и я вѣрю. [illegible] кетаетъ не иначе, какъ на [illegible] — я не дарожъ въ княжну [illegible] асте, друзья, что природа вли [illegible] ныя страсти, которыми увлека [illegible] — до восторга, въ досадахъ — [illegible] я или отчаянья. Судите-жъ, како [illegible] е блаженство при замѣченной взаим [illegible] забредилъ идилліями; мнѣ вообразилось, что одинокая жизнь несносна, тѣмъ болѣе, что родители Софіи смотрѣли на меня благосклоннымъ взоромъ. Со мною жилъ тогда первый мой другъ, отставной маіоръ Владовъ, человѣкъ съ благородными правилами, съ пылкимъ характеромъ, но съ холодною головою.

Ты дурачишься, не разъ говорилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на мои восторги: избирая невѣсту изъ блестящаго круга. У отца княжны болѣе долговъ и прихотей, чѣмъ денегъ, и твоего имѣнія не надолго станетъ для женщины, привычной къ роскоши. Ты скажешь: ее

можно перевоспитать на свой образецъ: ей только 17 лѣтъ отъ роду; но за то, сколько въ ней предразсудковъ отъ воспитанья! Все возможно съ любовью! твердишь ты, но кто жъ увѣритъ тебя, что княжна вздыхаетъ отъ любви, а не отъ узкаго корсета, что она глядитъ въ глаза твои для тебя, а не для того, чтобъ глядѣться въ нихъ самой? Повѣрь мнѣ, что въ ту минуту, когда она такъ нѣжно разсуждаетъ объ умѣренности, о счастіи домашней жизни — мысли ея стремятся уже къ дамскому току или къ каретѣ съ бѣлыми колесами, въ которой блеснетъ она въ Екатерингофѣ, или къ новой шали, для показа которой тебя затаскаютъ по скучнымъ вазитамъ. Другъ! я знаю твое раздражительное отъ самыхъ бездѣлокъ сердце — и въ княжнѣ вижу прелестную, прелюбезную, женщину, но женщину, которая любитъ жить въ свѣтѣ и для свѣта, и едва ли пожертвуетъ тебѣ котильономъ, не только столичною жизнію, когда разсчеты или долгъ службы позовутъ тебя въ армію. За упреками настанетъ убійственное равнодушіе, и тогда — прости, счастье!

Я смѣялся его словамъ, однако жъ извѣдывалъ наклонности Софіи, и каждый день находилъ въ ней новыя достоинства, и съ каждымъ часомъ страсть моя возрастала. Меж-

ду тѣмъ я спѣшилъ объясненіемъ: мнѣ хотѣлось, чтобы княжна любила не мнѣ не мундиръ, не мазурку, не острыя слова, но меня самаго, безъ всякихъ видовъ. Наконецъ я въ томъ увѣрился, и рѣшился. Наканунѣ предполагаемаго сватовства я танцовалъ съ княжною у графа Т., и былъ радостенъ, какъ дитя, упоенъ надеждою и любовью. Одинъ капитанъ, слывшій тогда за образецъ моды, досадуя, что Софія не пошла съ нимъ танцовать, позволилъ себѣ весьма непристойныя на ея счетъ выраженія, стоя за мною, и довольно громко. Кто осмѣлившется обидѣть даму, тотъ полагаетъ на ея кавалера обязанность мстить за нее, хотя бы она вовсе не была ему знакома. Я вспыхнулъ, и едва могъ удержать себя до конца кадрили, услышавъ его остроты на счетъ княжны. Объясненіе не замедлило. Г. капитанъ думалъ отыграться шутками, говорилъ, что онъ не помнитъ словъ своихъ. Но я, м. г., по несчастію, имѣю очень счастливую память. Вы должны просить на колѣнахъ прощенія у моей дамы, или завтра въ десять часовъ, волею или неволею увидитесь со мною на Охтѣ!

Вамъ извѣстно, что я не охотникъ до пробочныхъ дуэлей: мы стрѣлялись на пяти шагахъ, и первый его выстрѣлъ, по жеребью,

положилъ меня замертво. Какой-то Испанскій поэтъ, имени и отчества не упомню, сказалъ, что первый ударъ аптекарской иглы есть уже звонъ погребальнаго колокола: пуля вылетѣла насквозь въ сосѣдствѣ легкихъ; антоновъ огонь грозилъ сжечь сердце, но, вопреки Лесажу и Мольеру, я выздоровѣлъ съ помощію лекарей и пластырей, въ полтора мѣсяца. Блѣдность лица очень мила, но чтобы не показаться княжнѣ мертвецомъ, я умѣрилъ на нѣсколько дней свое нетерпѣнье, и уже оправясь полетѣлъ верхомъ къ князю на дачу. Сердце мое билось новою жизнію: я мечталъ о радостной встрѣчѣ моей съ Софіею, о ея смущеніи, объ объясненіи; о супружествѣ, о первомъ днѣ его . . . Полный восторговъ надежды, взбѣгаю на лѣстницу, въ переднюю залу — громкій смѣхъ княжны, въ гостиной, поражаетъ слухъ мой. Признаюсь, это меня огорчило. Какъ! та Софія, которая грустила, если не видала меня два дня, веселится теперь, когда я за нее слегъ въ смертную постелю! Я пріостановился у зеркала: послышалось, будто упоминаютъ мое имя, говорятъ о донъ-Кихотѣ; вхожу — молодой офицеръ, склонясь на спинку стула Софіи, разсказывалъ ей что-то въ полголоса и, какъ кажется, весьма дружески. Княжна ни сколько не сму-

тилась: спросила меня съ холодною заботливостію о здоровьѣ, обошлась со мною, какъ съ старымъ знакомцемъ, но видимо отдавала преимущество своему сосѣду: не хотѣла понимать ни взглядовъ, ни намековъ моихъ о прежнемъ. Я не могъ придумать, что это значитъ, не мог[illegible] такой не обыкновенной хо[illegible]расно искалъ въ ея взорахъ с[illegible]сады, дѣлающей сладостнымъ [illegible]ихъ не было уже ни тѣни, ни [illegible]Иногда она украдкою бросала [illegible]ды, но въ нихъ прочиталъ я од[illegible]. Гордость зажгла во мнѣ кровь, ревн[illegible]рвала сердце. Я кипѣлъ, грызъ себ[illegible] и боясь, чтобы чувства мои не вырвались рѣчью, рѣшился уѣхать. Не помню, гдѣ скакалъ я по полямъ и болотамъ, подъ проливнымъ дождемъ — въ полночь воротился я домой безъ шляпы, безъ памяти.

— Жалѣю тебя! сказалъ Владовъ, меня встрѣчая: и, прости укоръ дружбы, не предсказалъ ли я, что домъ князя будетъ для тебя ящикомъ Пандоры. Однако жъ, на сильныя болѣзни надобны сильныя лекарства: читай!

Онъ отдалъ мнѣ свадебный билетъ — о помолвкѣ княжны за моего соперника! . . .

Бѣшенство и месть какъ молнія запалили кровь мою. Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ), чтобы коварная не могла торжествовать съ нимъ. Я рѣшился высказать ей все, укорить ее . . . однимъ словомъ, я исповѣдывался.

Знаете ли вы, друзья мои, что такое жажда крови и мести! Я испыталъ ее въ эту ужаснѣйшую ночь! Въ тиши слышно было кипѣніе крови въ моихъ жилахъ — она то душила сердце приливомъ, то остывала какъ ледъ. Мнѣ безпрестанно мечтались: громъ пистолета, огонь, кровь и трупы. Едва передъ утромъ забылся я тяжкимъ сномъ. Ординарецъ военнаго министра разбудилъ меня:

— Ваше благородіе, пожалуйте къ генералу! Я вскочилъ съ мыслію, что вѣрно зовутъ меня на щетъ дуэли. Явился.

— Государь Императоръ, сказалъ министръ: приказалъ выбрать надежнаго офицера, чтобы отвезти къ генералу Кутузову, главнокомандующему южною арміею, важныя депеши: я назначилъ васъ — спѣшите! Вотъ пакеты и прогоны. Секретарь запишетъ на подорожной часъ отъѣзда. Счастливаго пути, г. курьеръ!

Тележка стояла у крыльца, и я очнулся

уже на тр ей станціи великодушный Владовъ ех со мною. Тутъ-то пзпѣдалъ я, что дружество утѣшаетъ, но не наполняетъ сердц и дорога дальняя, вопреки общему мнѣ , только разбила, но не разсѣяла меня.

Главнокомал ъ меня отмѣнно ласково, и ился остаться въ дѣйствующей ie къ жизни довело меня бійствѣ, но Владовъ своих кимъ участіемъ тронулъ ме усть, всегда враспорѣчивъ, и онъ онѣсть отъ двухъ убійствъ, мое имя нас пекъ.

Я зналъ все, говорилъ онъ мнѣ: но не смѣлъ объявить тебѣ во время болѣзни. Видя, что открылась тайна, и зная твой бѣшеный нравъ, я бросился къ секретарю военнаго министра, моему пріятелю, просилъ, умолялъ; тебя послали курьерокъ. Время лучшій совѣтникъ, и теперь признайся самъ: стоитъ ли пороху твой противникъ, стоитъ ли тугу твоя любезная, избравшая въ женихи человѣка безъ чести и правилъ, потому только, что онъ въ томъ, что матушка ея замѣтила лишній противъ твоего нуль въ звончатыхъ титулахъ, человѣка, который рѣшился проиграть мнѣ бриллиантовый перстень своей невѣсты, ея подарокъ.

Онъ отдалъ тогда мнѣ этотъ медальонъ.

Подполковникъ снялъ его съ груди и показалъ офицерамъ.

— Пусть мнѣ тупымъ кремнемъ отпилятъ голову, если я вижу тутъ что нибудь, вскричалъ Ольскій: вся эмаль разбита въ дребезги!

— Провидѣніе, продолжалъ подполковникъ, сохранило меня отъ смерти на берегахъ Дуная, чтобъ долѣе послужить отечеству: пуля сплюснулась на портретѣ Софіи, но не пощадила его. Прошелъ годъ, и армія, по заключеніи мира съ Турками, двинулась на перерѣзъ Наполеону. Тоска и климатъ разстроили мое здоровье: я на мѣсяцъ отпросился на Кавказъ — искать цѣлительныхъ водъ для здоровья, живой воды для моего духа.

На другой день по пріѣздѣ я пошелъ съ тамошнимъ докторомъ отправить визиты.

Вы увидите, сказалъ докторъ, когда мы приближались къ одному домику, молодую, прекрасную особу, которая чахнетъ, бывъ жертвою брака по разсчету. Родители напѣли ей о счастіи пышности, а обиженное самолюбіе завлекло ее въ сѣти блестящаго негодяя, и, обманутая минутною прихотью сердца, она кинулась въ его объятія. Что жъ вышло? Тетушка и матушка, искавшія въ жени-

хѣ богатства, нашли одно хвастовство, необъятные долги и развратъ; онъ искалъ приданаго, и, обманутый обѣщаніями въ свою очередь, о[illegible]ся во всей чернотѣ: измучилъ жену язв[illegible]льными упреками, поведеніемъ погналъ ее въ чахотку, и наконецъ, проигравши и [illegible]росилъ ее, ославивъ въ [illegible]ріѣхала сюда съ отцемъ, у[illegible]ымъ Кавказскимъ небомъ.

Я боял[illegible]посѣщеніемъ.

— О, [illegible]кторъ; вѣдь чахотные умираю[illegible] и я имѣю правиломъ: коротать [illegible]стью время больныхъ, когда лекарствами не льзя продлить ихъ жизни.

Говоря такимъ образомъ, вошли мы въ комнату.

Это была Софія! . . .

Есть невыразимыя чувства и сцены. Я думалъ, что ненавижу Софію; увѣрялъ себя, что если судьба приведетъ мнѣ съ нею встрѣтиться, я заплачу за измѣну холоднымъ презрѣніемъ; но я узналъ, какъ много любилъ ее, когда, вмѣсто гордой красавицы, увидѣлъ несчастную жертву свѣта, съ потухшими очами, съ смертною блѣдностью лица. На краю гроба исчезаютъ всѣ приличія, и когда Софія

пришла въ чувство, рука ея была омочена моими слезами и поцѣлуями.

— Вы не клянете меня? Викторъ, ты меня прощаешь? сказала она раздирающимъ сердце голосомъ . . . благородная душа . . . ты сожалѣешь, видя меня такъ жестоко наказанную за легкомысліе. Теперь я умру покойно.

Жизнь, какъ тлѣющая лампада отъ дуновенія, вспыхнула въ ней на нѣсколько дней чѣмъ-то бывалымъ. Но каково было мнѣ видѣть разрушеніе Софіи, слышать, какъ постепенно сокращалось ея дыханье, чувствовать ея муки, переносимыя съ ангельскимъ терпѣніемъ! . . . Она гасла безъ ропота, обвиняя во всемъ себя одну. Друзья! друзья! я перенесъ много страданій, но ни одно мученье въ мірѣ не сравнится съ мукою: видѣть умирающую любезную — ужасно и вспомнить . . . Софія умерла на рукахъ моихъ!

Подполковникъ не могъ продолжать. Тронутые офицеры молчали, и даже съ рѣсницы ротмистра скатилась слеза на усъ, и съ него капула въ серебряный стаканъ съ глинтвейномъ.

Вдругъ послышался выстрѣлъ, другой, третій. Казаки съ ведетовъ неслися мимо эска-

— Что, много ли непріятелей? спросилъ торопливо ротмистръ, вспрыгнувъ на своего Черкеса.

— Видимо невидимо, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ урядникъ.

— Мундштучъ, садись! скомандовалъ подполковникъ: фланкеры! осмотрѣть пистолеты. Сабли вонъ! По три на лѣво заѣзжай! Рысью! маршъ!

ВТОРОЙ ВЕЧЕРЪ НА БИВУАКѢ.

Орудій зараженных строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, прижавъ къ нимъ голопами,
Дремали — и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой.

Жуковскій.

Эскадронъ подполковника Мечина прикрывалъ двѣ пушки главнаго пикета, расположеннаго на высотахъ ***. Сырой туманъ стлался по окрестности, рѣзкій вѣтеръ пронизалъ насквозь: офицеры лежали вкругъ дымнаго огня. Конно-артиллерійскій поручикъ сидѣлъ на колесѣ орудія; подполковникъ, опершись на длинную саблю свою, стоялъ въ задумчивости. Всѣ молчали.

— Какое вещественное созданье человѣкъ! началъ штабсъ-ротмистръ Пичтовичъ: каждая игрушка его тѣшитъ, каждая бездѣлица огорчаетъ. Малѣйшая боль разстроиваетъ нрав-

ственныя способности и перемѣна погоды дѣйствуетъ на расположеніе его духа. Давно ли мы были веселы, пѣли, рѣзвились: подулъ холодный вѣтеръ, и вмѣстѣ съ небомъ нахмурились наши брови, и говорупы сидятъ, будто въ Пиѳагоровой школѣ молчанія.

— Не ручаюсь за другихъ, возразилъ Линдинъ, но покуда старость и подагра не сдѣлали изъ меня барометра, погода не имѣетъ на меня никакого вліянія. Когда я доволенъ, то по мнѣ хоть трава не расти: снѣгъ, градъ, дождь, вьюга — все праздникъ. Но ежели грустно на сердцѣ, то и свѣтлый день досаденъ. Тогда, кажется, будто всѣ веселы на зло мнѣ, и я становлюсь прихотливъ, какъ невѣста.

— Слѣдовательно, сказалъ штабсъ-ротмистръ, погода дѣйствуетъ на тебя въ обратномъ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе вліяніе оной существуетъ.

— Не думаю, отвѣчалъ Линдинъ, это чувство есть слѣдствіе внутреннихъ, а не внѣшнихъ ощущеній, и до тѣхъ поръ будетъ имѣть мѣсто, покуда перевѣсъ останется на его сторонѣ. Напримѣръ: я люблю смотрѣть на играющую молнію, люблю слушать вой грозы и шумъ проливнаго дождя .... но почему люблю я это?

— Потому что ты чудакъ, перебилъ штабсъ-ротмистръ; впрочемъ, какъ самъ изъясняешься, ты любишь не испытывать, а только смотрѣть, только слушать бурю, какъ Верпетову картину, или Моцартову ораторію.

— Прошу извинить, г. штабсъ-ротмистръ, я люблю наслаждаться ею на чистомъ воздухѣ, въ лѣсу, на горахъ; но возвращаюсь къ причинѣ: я люблю это по пріятнымъ воспоминаніямъ, которыя родятся во мнѣ отъ бури. Однажды, напримѣръ — ахъ! для чего это было только однажды!...

— Для того и, перебилъ Ничтовичъ, что въ Кургановой Ариѳметикѣ весьма замысловато сказано: единожды одинъ — одинъ, а не два.

Всѣ засмѣялись; но Лидинъ съ улыбкою продолжалъ:

—Надѣюсь, г. штабсъ-ротмистръ проститъ мнѣ это восклицаніе: оно вырвалось изъ сердца, а сердце плохой ариѳметикъ.

— Не знаю, каково твое, отвѣчалъ смѣючись Ничтовичъ: но мое даже подъ ядрами такъ вѣрно отсчитываетъ шестьдесятъ секундъ въ минуту, какъ патентовые часы.

— Во время сраженія мнѣ нѣкогда было заниматься повѣркою своего пульса — хладнокровно замѣтилъ Лидинъ.

Это замѣчаніе задѣло за живое штабсъ-рот-

мистра: онъ уже съ примѣтною досадою спросилъ:

— Конечно ты за эскадрономъ въ замкѣ строилъ воздушные замки?

— Дурная игра словъ, Ничтовичъ! сказалъ подполковникъ дружески, желая замять ссору, которая бы навѣрное кончилась саблями: пустая игра словъ, да и предметъ ея не слишкомъ хорошій. Вы поцѣлуетесь другъ надъ другомъ на счетъ отваги; но я желаю знать, кто бы изъ всей арміи осмѣлился подумать, не только сказать, что въ нашемъ эскадронѣ есть кто нибудь двусмысленной храбрости.

— Пусть мнѣ Французскій флейщикъ предъ разводомъ выбрѣетъ усы, если это не правда! вскричалъ ротмистръ Струйскій, который, лежа на попонѣ, казалось, слушалъ только какъ растетъ трава. Вамъ грѣшно, господа, въ нашей беззавѣтной бесѣдѣ говорить колкости, или обращать шутки въ дѣло.... Ну, други! мировую!... А если вы не поцѣлуетесь, то ты, Лидинъ, не зови меня никогда въ секунданты, а ты, Ничтовичъ, впередъ не узнаешь, длинны или коротки стремена на моемъ Черкесѣ, когда нужно будетъ попаѣздничать.

— Помилуй, Струйскій, съ чего ты взялъ, будто мы ссоримся! — сказалъ Ничтовичъ, подавая Лидину руку.

— Ну, п[illegible]о, полно! продолжалъ ротмистръ: кто ст[illegible]рое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Я это всег[illegible]да говорю своимъ заимодавцамъ, сказалъ Лидинъ; но уважая ротмистра, — онъ сжалъ руку Ничтовича.

— Надѣюсь однако жъ, что анекдотъ, который начался такимъ романтическимъ восклицаніемъ, имъ не кончился, и Лидинъ доскажетъ его друзья[illegible]залъ Мечинъ.

— О, безъ сом[illegible]винникъ! я такъ люблю говорить [illegible]андринѣ, что очень радъ слу[illegible]

— Воля твоя[illegible]зилъ подполковникъ: ты с[illegible]оисшествіяхъ. Сохраняй все уваже[illegible] твоего сердца, кажется, дѣло шло [illegible]ей, а объ непастной погодѣ.

— Имѣйте немного терпѣнія, г. подполковникъ, и оно приведетъ насъ къ тому же.... Надобно вамъ знать, друзья мои, что живучи въ златоверхой Москвѣ, влюбился я....

— Знаемъ, знаемъ въ кого и у кого, какъ по формулярному списку, подхватилъ Ничтоничъ: благодаря твоей нѣжности, я могу описать ея ростъ, лѣта и приметы, до послѣдняго родимаго пятнышка, какъ въ зеркалѣ. Ты намъ объ ней наговорилъ столько....

— Объ ней можно говорить, можетъ быть,

слишкомъ много, но *довольно* наговориться объ ней не льзя. Ты не знаешь этого ангела, Ничтовичъ, и потому скучаешь разсказомъ; но спроси у ротмистра, какъ она прелестна собою, какъ мила со всѣми, какъ любитъ просвѣщеніе, словесность ....

— Бьюсь объ закладъ, вскричалъ Ничтовичъ, что она хвалила стишки, которые написалъ ты ей въ альбомъ! —

— Какъ умна, какъ чувствительна!...

— Къ теплу и холоду, прибавилъ ротмистръ, одувая фитиль, которымъ собирался закурить свою трубку.

— Вы вѣчно шутите, Струйскій; но что она любезна въ самомъ дѣлѣ, это больше всего доказывается вѣрностію такого вѣтренника, каковъ я.

— Признаться, мудрено на бивуакахъ сыскать и случай для измѣны, примолвилъ ротмистръ: тѣмъ болѣе, что изъ женскаго пола здѣсь никого и ничего нѣтъ, кромѣ этой пушки.

— Это единорогъ, замѣтилъ артиллерійскій офицеръ.

—Тѣмъ еще безопаснѣе! отвѣчалъ ротмистръ.

— Но тѣмъ хуже, что вы не даете мнѣ досказать моей повѣсти.

Подполковникъ, шути, возгласилъ: смирно! и по долгомъ смѣхѣ, Лидинъ продолжалъ:

Я уже по[illegible]накомился со всею роднею Александрины [illegible] ласкался къ матушкѣ, ухаживалъ за отцо[illegible], хвалилъ собакъ и пристяжныхъ братца, [illegible]лушалъ роговую музыку дядей, и что всего и [illegible]сноснѣе — пересуды тетушекъ. Гостепріимство [illegible] есть всегдашняя добродѣтель моихъ земляко[illegible]ня пригласили пріѣхать къ [illegible]овную. Нужно-ли сказыва[illegible]ь тамъ день, какъ въ раю, [illegible] говорить съ нею наединѣ, ч[illegible]къ и смѣшенъ въ то время, [illegible]торый не въ формѣ попался своем[illegible]; что у меня наконецъ вырвались к[illegible]амеки, и что меня слушали благосклонно. [illegible]вечеру надобно было ѣхать тѣмъ ранѣе, что они сами сбирались въ городъ. Я раскланялся, со вздохомъ взлѣзъ на дрожки, и чрезъ минуту облако пыли скрыло отъ меня замокъ Армиды.

На дорогѣ я завернулъ въ деревню къ пріятелю. Черезъ часъ выѣзжаю, и вообразите мое счастье: встрѣчаю дормезъ, везомый шестью заслуженными конями, и въ этомъ степенно-колыхающемся дормезѣ — Александрину со всѣмъ причетомъ. Между тѣмъ небо оболоклось тучами, началъ накрапывать дождикъ, и молнія заиграла во всѣхъ углахъ горизонта. Въ такую погоду ѣхать въ каретѣ

выгоднѣе, чѣмъ на дрожкахъ — было первою моею мыслью; но быть вмѣстѣ съ нею, такъ близко подлѣ нея, вотъ что очаровало мое воображеніе до такой степени, что я бы отдалъ треть моей жизни за прокатъ въ этомъ полинявшемъ дормезѣ. Но какъ залетѣть въ него? Мы еще не такъ коротко знакомы, чтобъ они могли меня пригласить, а приговориться къ этому совѣстно. Однако жъ попытаемся. Проѣзжая мимо, я заговорилъ о грозѣ, о бѣшеныхъ лошадяхъ моихъ; но это не помогло: отецъ спросилъ только, съ какого онѣ завода? а мать пожелала мнѣ счастливаго пути. Препятствія поджигаютъ желанья, и я рѣшился на отважную выходку. — Пошелъ по всѣмъ! — Я и то на силу держу коней, отвѣчалъ мой кучеръ: если ихъ пустить, они растреплютъ насъ. — Пошелъ, говорю я: не разсуждать, а дѣлать! — и съ этимъ словомъ вся тройка подхватила бить, понеслась — и дрожки, звѣня, запрыгали по кочкамъ и выбоямъ, вправо, влѣво, подъ гору, и на поворотѣ прямо на камень — кракъ — ось пополамъ, колесо въ дребезги, и я вмѣстѣ съ кучеромъ отлетѣлъ сажени на три въ ровъ.

Къ счастію, кучеръ вывихнулъ себѣ только носъ, а я *лишь крылышко помялъ*, но лежалъ недвижимъ изъ притворства, чтобы сдѣ-

лать занимател[illegible]нѣе сцену. Черезъ двѣ минуты открываю [illegible]лаза — и вижу Александрину въ обморокѣ [illegible]ъ испуга: мать оттираетъ ее спиртомъ, а с[illegible]ецъ окуриваетъ меня сѣрными спичками. Од[illegible]о меня тронуло, другое разсмѣшило. Ск[illegible]ро все пришло въ порядокъ, и вотъ, послѣ [illegible]ь, приглашеній и отговор[illegible]ая въ карету, разсыпаюсь въ [illegible] и внутренно радуюсь своей [illegible]ъ наконецъ я подлѣ милой А[illegible]. У меня занялся духъ. [illegible]илъ ливмя — карета, вслѣдствіе [illegible] объ электричествѣ и опасности [illegible]скоро ѣздить, двигалась шагомъ; о[illegible]ь дремали, и только при сильныхъ ударахъ грома пробуждались — одинъ, чтобы зѣвнуть — другая, чтобъ испугаться. Александрина молчала, а я не смѣлъ говорить, потому, что голосъ мой дрожалъ, какъ ненатянутая квинта; за то я не сводилъ глазъ съ прелестнаго лица своей сосѣдки, ловилъ каждую черту, каждое выраженіе, каждый абрисъ его, исчезающій въ темнотѣ, каждый взоръ, когда молнія облескивала внутренность кареты. Я вдыхалъ какую-то томную свѣжесть съ щекъ ея, я слышалъ біеніе ея сердца, я чувствовалъ, какъ мое неровное дыханіе колебало ея локоны. Друзья

мон! я молодъ, но я жилъ, я чувствовалъ, я наслаждался; но никогда не испытывалъ высшаго наслажденія, какъ въ этотъ разъ! Однимъ словомъ; когда есть счастіе въ жизни — я былъ счастливъ, потому, что не имѣлъ никакого желанія!! Неужели, Пичтоничъ, ты будешь спорить, что буря не можетъ доставить удовольствія по воспоминаніямъ?

— Сушиться отъ дождика воспоминаніями или, что еще хуже, для нихъ мокнуть, для меня столько же смѣшно, какъ увѣреніе, будто скучать — весело! Что касается до меня, не согрѣтаго пылкимъ воображеніемъ, я бы промѣнялъ теперь дюжины золотыхъ своихъ пожинокъ на рюмку бургонскаго.

— Я васъ беру на слово, штабсъ-ротмистръ! сказалъ артиллерійскій офицеръ: за виномъ дѣло не станетъ. Эй, фейерверкеръ! принеси сюда изъ зарядного ящика двѣ бутылки, тѣ, которыя лежатъ въ крышкѣ на лѣвой сторонѣ.

— Да здравствуетъ артиллерія! воскликнулъ Струйскій, отбивая саблею бутылочное горлышко: ну, кто бы иной умудрился соединить въ одно мѣсто и смертные снаряды, и жизненные припасы? Теперь предлагаю тостъ за твою Александрину!

Индиецъ положилъ руку на сердце, высоко

поднялъ стаканъ, порыцарски выпилъ его и разбилъ въ [illegible]ебезги о шпору.

— Прошу [illegible]звинить, господа, что я разбилъ послѣдній [illegible]устальный стаканъ: теперь уже здоровье ч[illegible]й красавицы не затускнитъ его, какъ въ мо[illegible]ъ сердцѣ не изгладится образъ моей невѣс[illegible]

Бургонско[illegible]цихъ офицеровъ, донышко с[illegible] сверкало вновь и вновь, и [illegible]ереставала.

— Какая [illegible] ротмистръ, высасывая пос[illegible]

— Какой букет[illegible] Ничтовичъ, нюхая опороженную бутылку.

— Вотъ, Лидинъ, такое благовонное воспоминаніе — пріятно!

— Это вино, сказалъ артиллеристъ, доставляетъ мнѣ еще пріятнѣйшее воспоминаніе, которое дѣлаетъ честь великодушію женскаго пола; воспоминаніе, за которое едва не заплатилъ я жизнію. Если господамъ угодно будетъ послушать хоть краемъ уха, я разскажу, какъ это случилось.

Три дня тому назадъ, я былъ посланъ фуражировать въ окрестности Сенъ-Дизье. Непріятеля близко не чаяли, и потому мнѣ дали только пять человѣкъ ѣздовыхъ. Я отправился прямо въ деревню Во-сюръ-Блезъ,

гдѣ уже два раза проходила и стояла наша рота, и гдѣ жители принимали насъ очень ласково. Братская привязанность привлекала меня къ Генріетѣ, дочери мера: она премиленькое, преневинное созданье. Меня утѣшали ея дѣтская откровенность, ея неизмѣнно веселый нравъ. Бывало, когда я задумаюсь, она рѣзвилась вокругъ меня, и шутя разглаживала морщины на лбу моемъ.

— Развеселись, добрый Русскій! говорила она, и я невольно улыбался ея привѣтливости, и въ ея свѣтлыхъ глазахъ искалъ — и находилъ забвеніе всего непріятнаго. Генріета выбѣжала и тогда меня встрѣтитъ, играла съ моею лошадью, пѣла, прыгала, какъ ребенокъ, и наконецъ унесла у меня саблю. Мера, отца ея, не было дома.Ославъ за нимъ канонера, я велѣлъ остальнымъ кормить коней и присматривать фуража, а самъ пошелъ на верхъ, въ обыкновенную свою комнату. Мнѣ принесли вина; но я едва выпилъ стаканъ его, едва успѣлъ сѣсть на канапе, какъ глаза мои сомкнулись, голова упала—я погрузился въ глубокій сонъ. Не помню, долго ли спалъ я, утомленный переходами и двухдневною безсонницею; знаю только, что я пробудился отъ голоса, который называлъ меня по

имени. Открываю глаза: Генріета, блѣдная, трепещущая, стояла надо мною.

— Бѣги, Русскій! сказала она замирающимъ голосомъ. Спасайся, или тебя убьютъ! уже все готово . . . они собрались . . . твои солдаты заперты. . . Но я погибла, если узнаютъ. Бѣги, умоляю тебя, бѣги! . . .

И Генріета исчезла, какъ привидѣніе. — Русскому офицеру бѣжать! нѣтъ, этого не будетъ! Я вскочилъ, кинжалъ гнѣвомъ, заткнулъ за портупею пистолеты и потихоньку сошелъ внизъ. Въ залѣ слышались многіе голоса . . . прикладываю ухо; одни хотѣли убить насъ, другіе совѣтовали отдать въ плѣнъ своему отряду, который, по ихъ словамъ, долженъ быть недалеко.

— Чего вы боитесь, говорилъ мертвецъ, отомстить смертью за гибель отцевъ вашихъ и братьевъ, погубленныхъ Русскими? И почему эти будутъ счастливѣе другихъ, попавшихъ къ намъ въ руки? Если вы не отдѣлаетесь отъ этихъ — эти проложатъ дорогу тысячамъ грабителей, и ваши запасы, ваши драгоцѣнности не на долго скроются подъ кровлею церкви отъ ихъ поисковъ. Впрочемъ, умертвить ихъ необходимо для собственной безопасности, потому что одна смерть можетъ ру-

чаться за тайну; иначе, они изъ самаго плѣна накличутъ на насъ мщеніе своихъ!

Судите, каково мнѣ было слушать этого оратора; но я, обрадованный открытіемъ запаснаго ихъ магазина, рѣшился на все, только бы доставить ротѣ фуража, тѣмъ скорѣе, что у насъ такой былъ въ немъ недостатокъ, что солдаты кормили лошадей хлѣбомъ, котораго и сами они не ѣли до сыта. Вхожу . . . и если бы Конгревова ракета упала тогда между заговорщиками, то вѣрно бы она перепугала ихъ менѣе моего появленія.

— Г. меръ, сказалъ я: какой-то шалунъ, вѣроятно ошибкою, заперъ въ конюшнѣ солдатъ моихъ — прикажите ихъ отомкнуть, да теперь же сей часъ, сію минуту!

Грозящій взглядъ, брошенный на безоружныхъ храбрецовъ и движеніе руки моей къ пистолету, увѣрили ихъ, что я не шучу.

— Прошу впередъ, безъ церемоніи . . . И вотъ, между толпою зѣвакъ, въ конвоѣ ѣздовыхъ моихъ, я двинулся къ церкви.

— Звонарь! отпирай; а вы, господа, возьмите свѣчки, проводите меня на чердакъ и подивитесь чутью Русскихъ.

Между тѣмъ я поставилъ двухъ рейтаровъ у входа, еще двухъ на разныя дороги, съ приказаніемъ по первому выстрѣлу скакать

одному въ дивизіонный штабъ, другому въ роту, и объявить объ опасности. Съ остальными взобрался я на верхъ. Представьте себѣ, что закромы насыпаны были овсомъ и житомъ до кровли; все лучшее имѣніе поселянъ было снесено туда же. Куча сундуковъ, ящиковъ, парчей, золотыхъ и серебряныхъ вещицъ; но что всего болѣе поразило меня — это были Русскія ружья, кивера, уланскія пики, сабли, каски — вѣроятно, несчастныхъ земляковъ нашихъ, заплатившихъ жизнію за неосторожность. Я содрогнулся — но изслѣдованіе было не у мѣста. Въ это время поселяне, воображая, что мы станемъ грабить ихъ драгоцѣнности, взволновались, ударили въ набатный колоколъ, и съ воплями окружили церковь. Крикъ: à bas les Russes! mort aux brigands! вызвалъ меня на колокольню, и я насилу могъ добиться, чтобъ меня выслушали.

— Французы! сказалъ я, мы въ вашей власти; но вашъ пасторъ, вашъ меръ въ моей, и они жизнію заплатятъ за малѣйшее насиліе, да и мы четверо не даромъ продадимъ свою. Этого мало! часовые мои дадутъ знать о томъ въ армію, и мщеніе Русскихъ разразится надъ вашими головами. Я пришелъ не грабить ваше имущество, но взять не много овса и хлѣба, за

что Государь нашъ заплатитъ по моей роспискѣ. Отвѣчаю жизнію, что все до послѣдняго колоса будетъ цѣло.

Это успокоило поселянъ. Я велѣлъ мэру приказать въ полчаса доставить восемь подводъ, и нагрузивъ на нихъ оружія, чтобы не оставить имъ средства къ вооруженію, а на прочія шесть овса, хлѣба и немного вина, отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ роту. Проводивъ глазами обозъ мой, я спустился съ опасной кавсдры своей, простился съ рощущими жителями, и, поблагодаривъ поклономъ великодушную Генріету, поскакалъ назадъ. Французы вошли въ Во-сюръ-Блезъ на нашихъ хвостахъ . . .

— Кто идетъ? закричалъ часовой гусаръ на ближнемъ водетѣ: стой, или убью!

— Ему тихо отвѣчали пароль и лозунгъ. Это былъ ихъ поручикъ Волгинъ, ѣздившій осматривать цѣпь.

— Г. подполковникъ! пикеты и водеты стоятъ исправно. У непріятеля движеній никакихъ не видать.

— Нѣтъ ли чего новаго? не слышно ли объ дѣлѣ? спросили Волгина вдругъ всѣ офицеры.

— Радуйтесь, господа — отвѣчалъ поручикъ, не слѣзая съ коня: я привезъ къ вамъ

добрыя вѣсти. Наполеонъ уже въ Сенъ-Дизье и нашему маленькому корпусу достанется честь задержать всю армію, которая на насъ опрокинется, покуда союзники идутъ на Парижъ. Говорятъ, у Государя навернулись слезы, когда онъ простился съ нами. Друзья! врядъ ли намъ выстоять живыми, за то объ насъ вспомнятъ въ Россіи, и отъ насъ попачутъ во Франціи.

— Слава Богу, сказалъ радостно подполковникъ.

— Будетъ гдѣ позвенѣть саблями! воскликнулъ Струйскій. Смотрите, г. артиллеристъ, не выдавайте насъ!

— Не бойтесь, ротмистръ! былко отвѣчалъ артиллерійскій офицеръ: мои канонеры не раз дрались банниками и даромъ не сожгутъ ни зерна пороху. Только вы, когда у меня не станетъ картечь, подѣлитесь со мною подковами и пуговицами — ихъ много на вашихъ доломанахъ, а тамъ будетъ довольно тепло, чтобы драться на расшашку. Впрочемъ когда до того дойдетъ дѣло, я буду стрѣлять послѣдними своими франками!

Офицеры шумѣли и радовались, будто наканунѣ гулянья; забытый ими огонь спадалъ, и только вздуваемый вѣтромъ сыпалъ искры и порою освѣщалъ дремлющихъ гу-

саръ, половину верхами, половину у ногъ коней.

— Отъ чего вы такъ грустны? съ участіемъ спросилъ Лидинъ у подполковника, который неподвижно стоялъ, опершись на длинную саблю свою, ничего не видя и не слыша.

— Я неналечимо болень воспоминаніемъ тяжкихъ потерь моихъ, отвѣчалъ онъ. И теперь, добрый мой Лидинъ, мнѣ казалось, будто я бесѣдую съ другомъ моимъ Владовымъ, и послѣднее наше свиданіе оживилось передъ глазами моими. Это было передъ Кацбахскимъ сраженіемъ. Какъ теперь, дулъ холодный вѣтеръ отъ сѣвера; какъ теперь, туманъ стлался въ лощинахъ, и мы съ Владовымъ, покрытые одною буркою, безмолвно лежали у огонька.

— Вѣришь ли ты предчувствіямъ? спросилъ онъ меня.

Я улыбнулся.

— Другъ мой, продолжалъ Владовъ, ты знаешь, суевѣренъ ли я; ты видалъ, боюсь ли я смерти; но теперь какой-то неотступный голосъ твердитъ мнѣ: ты будешь убитъ! . . .

Голосъ, которымъ говорилъ Владовъ, навелъ на меня ужасъ . . .

Впрочемъ, если это предчувствіе необманчиво — я [illegible]дъ, жизнь истомила меня. Не удивляйся, М[illegible]нинъ, что другъ твой, сбросивъ съ себя покровъ шуточной философіи, окажется теперь въ мрачномъ своемъ видѣ. Я не хотѣлъ двоить тоски твоей своею; но теперь, на порогѣ смерти, открою тебѣ всю душу свою . . . С[illegible]найся я любилъ — это еще не рѣдкость; мнѣ [illegible]ть, и это несьма обыкновен[illegible]бно было любить, какъ я, [illegible]нать, подобно мнѣ, всю же[illegible]другъ! я бы простилъ это н[illegible], которая при первомъ трепет[illegible] первомъ румянцѣ щекъ ум[illegible]го она любитъ — и глаза ея говор[illegible] она когда нибудь почувствуетъ. [illegible] простить это вѣтреной кокеткѣ, котор[illegible]ъ тщеславія, или для забавы, твердить каждому недурному собой: люблю тебя! Но могу ли извинить дѣвушку, исполненную свѣтлаго ума, далекую отъ всѣхъ предразсудковъ, одаренную всѣми качествами, всѣми прелестями, и душой, открытою для чувствъ возвышенныхъ! . . . Сходность мнѣній насъ сблизила, пламень сердецъ и мечтательность породили любовь. Я уже позабылъ нарѣчіе любви, и потому скажу просто: мы любились, мы разумѣли другъ друга,

насъ одно радовало, одно огорчало . . . и не разъ слышалъ я увѣренія, что она можетъ быть счастливою только со мною. И этотъ идеалъ моей фантазіи — плѣнился генеральскими эполетами — и этотъ-то ангелъ на землѣ, она — имѣла столько коварства, чтобы скрывать это; имѣла рѣшимость меня обманывать, и въ то время, когда готовилась отдать мнѣ руку — сердце ея принадлежало уже другому. Другъ! это опрокинуло мою нравственность; я безумствовалъ, и съ этихъ поръ возненавидѣлъ женщинъ. И можно ли довѣрять имъ счастіе жизни, когда ихъ мнѣнія, ихъ желанія, ихъ страсти — основаны на прихоти? Для нихъ сотворены моды, а не чувства; онѣ умѣютъ нравиться, но не любить; имъ незнакомо высокое ощущеніе, быть любимой человѣкомъ съ благороднымъ характеромъ . . . Съ тѣхъ поръ прошло много времени; бывало, иногда, я забывался сномъ надежды подлѣ милой красавицы; бывало, какое-то сладостное чувство просыпалось вновь въ груди моей — но разумъ шепталъ: вспомни ее, и я отрывалъ отъ сердца льстивую мечту, и, испуганный, бѣжалъ далеко, далеко, куда глаза глядятъ, покуда безнадежность вновь не охватывала сердца.

Я желалъ отдохнуть душею между люд-

ми, къ которымъ принесъ братскую довѣренность и весь жаръ быть полезнымъ имъ. И что же? люди отравили остатокъ моего покоя. Однимъ словомъ, Мечинъ, кто испыталъ измѣну прелестной, можетъ быть, наилучшей изъ женщинъ, тотъ вѣрно презираетъ и любовь и ненависть женщинъ; кому случалось часто видѣть и разглядѣть вблизи низость и ничтожество мужчинъ, тотъ вѣрно потерялъ уваженіе къ человѣчеству — а безъ этого жить тяжело, несносно.

На утро мы были въ дѣлѣ. Полкъ три раза ходилъ въ атаку, но Владовъ остался непредимъ. Мой эскадронъ послали между тѣмъ преслѣдовать сбитаго непріятеля. Возвращаясь къ полку, я отсталъ отъ фронта, чтобы прямикомъ проѣхать въ штабъ съ рапортомъ. Смотрю — подлѣ дороги лежитъ раненый гусарскій офицеръ: я спѣшу къ нему — и что жъ? . . . это Владовъ. Рядомъ съ нимъ поверженъ былъ убитый конь его. Онъ самъ, опершись на обломокъ сабли, глядѣлъ на кровь, которою исходилъ. Глаза его стали, лице подернулось смертною синевою. Мой вопль возбудилъ друга: онъ приподнялъ голову, улыбнулся, хотѣлъ подать мнѣ окровавленную руку; но она упала, какъ свинцовая.

— Другъ! сказалъ онъ тихо . . . мое пред-

чувствіе сбылось — мое желаніе исполняется, я умираю . . .

Онъ замолкъ; кровь проступала сквозь ленту—я отъ ужаса и сожалѣнія не могъ промолвить слова.

— Смотри, сказалъ онъ опять, смотри, Мечинъ, какъ капля по каплѣ источается во мнѣ жизнь, какъ постепенно густѣетъ и холодѣетъ кровь моя: еще капля, еще минута — и меня не станетъ! Люди говорятъ, будто умирать тяжело; но прошедшее и будущее принадлежатъ не намъ, а терять настоящее уже ли мы не привыкли? . . .

Онъ стихалъ; я плакалъ на зарыдъ; и могъ ли не плакать я, когда мой ангелъ-утѣшитель, тотъ, который былъ для меня все на свѣтѣ, покидалъ меня?

— Не плачь! продолжалъ онъ, тяжко переводя духъ: не жалѣй меня, потому что на землѣ я жалѣю только о дружбѣ. Я не умѣлъ жить, за то умѣю умереть . . .

Въ это время я подложилъ ему подъ голову ташку свою, чтобы ему было покойнѣе... и глаза Владова засверкали, упавъ на вышитаго орла.

— Россія!... родина!... вскричалъ онъ... Мечинъ! прости . . .

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ общества приспособленія точныхъ наукъ къ словесности.

Общество приспособленія точныхъ наукъ къ словесности, имѣя постоянною цѣлію усовершенствованіе книгодѣлія въ Россіи, по всѣмъ отраслямъ сего ремесла, въ художественномъ и механическомъ отношеніяхъ, предлагаетъ всѣмъ и каждому на рѣшеніе слѣдующія задачи:

1-я. Такъ какъ признано и доказано, что вся туманная поэзія нынѣшняя есть не что иное, какъ пары наводненія, затопившаго удолія Русскаго Парнасса незадолго предъ симъ, то математическими выкладками опредѣлить время, въ которое испареніе сіе должно окончиться, при обыкновенной температурѣ вниманія публики?

При ономъ не оставить изслѣдовать:

a) Почему туманность сія, столь ложно выдаваемая за романтизмъ, лишена способности преложлять лучъ воображенія цвѣтами радуги?

b) Почему, охлаждаясь въ чернильныя капли, она становится даже безвкуснѣе пресной воды, изъ коей произошла возгонкою?

c) Почему, вопреки законовъ акустики, пары сіи передаютъ звонъ необыкновенно громко?

2-я *задача.* Въ вѣкѣ нашемъ, который по шерсти можно назвать *паровымъ*, пары всѣхъ родовъ играютъ важнѣйшую роль. Водяные, напримѣръ, пущены въ ходъ, въ поденьщину, всюду. Они варятъ намъ картофель, моютъ наше бѣлье, бросаютъ бомбы и кидаютъ желѣзными пальцами ткацкій челнокъ; они катаютъ насъ по морю и по сушѣ, печатаютъ газеты, шьютъ сапоги, и, вѣроятно, если бъ не вооружились Англійскіе работники изъ ревности, то мы бы скоро увидѣли паровыхъ женъ и мужей. Винные пары, въ свою очередь, по новѣйшимъ открытіямъ, есть великій двигатель въ словесномъ, гражданскомъ и политическомъ мірахъ. Какая сатира, какая поэма или книга, шалость или ссора, государственная нерѣшима или тайный заговоръ, производятся нынѣ безъ вина? Въ Россіи особенно, ни одинъ талантъ, не говоря уже о геніяхъ, не можетъ

существовать безъ этого страшнаго. Въ слѣдствіе сего, общество, ограничиваясь одною словесностію, желаетъ знать, для хозяйственныхъ соображеній: сколько и какого рода вина, водки или полугара потребно для произведенія, на примѣръ, поэмы, стихотворной повѣсти, или извѣстнаго вида прозаическаго сочиненія?

Притомъ подробно изслѣдовать:

a) Какого рода напитки наиболѣе свойственны къ романтизму и какіе къ классицизму; равно, какое имѣютъ вліяніе напитки разныхъ странъ на мѣстный колоритъ, то есть не нужно ли шампанскаго для записокъ о Франціи, портера для выраженія Англійскаго юмора, аликанте для Испанской ревности, и родимаго меду и ржанаго молока, чтобы одушевить себя въ Русскихъ повѣстяхъ? Равномѣрно сдѣлать археологическое изысканіе: какое вино ближе всѣхъ подходитъ къ тому, которое пили Гомеровы герои, чтобы въ выдѣлкѣ трагедій не подчивать зрителей Французскимъ сидромъ, какъ доселѣ у насъ водилось. Для среднихъ вѣковъ составить приблизительный Готическій напитокъ, а для нынѣшняго вѣка какой нибудь крѣпкій травникъ-космополитъ.

b) Опредѣлить степень силы вина, превращеннаго въ пары, принявъ въ разсужденіе

крѣпость мозга и темперамент сочинителя, на тощахъ и послѣ ѣды. Очевидно, что подобные логариѳмы принесутъ не малую пользу людямъ, занимающимся словесностію, когда они впередъ будутъ завѣрены, что отъ извѣстнаго количества и качества подлинки, помянуемо будетъ произведено столько-то и такой-то доброты стиховъ или прозы, по желанію.

3-я *задача*. Изобрѣсти орудіе, въ родѣ астролябіи, для измѣренія плоскостей Русской словесности и неизмѣримыхъ ея пустырей, пустопорожнихъ мѣстъ и тому подобнаго. Для опыта съемки, должно подвести подъ тригонометрическую сѣтку по крайней мѣрѣ одинъ новый романъ, или въ замѣну его дюжину альманаховъ. Машина сія предназначается для господъ близорукихъ, нищущихъ обозрѣнія отечественной словесности.

4-я *задача*. Найти химическаго противодѣйствователя (réactif), для мгновенной осадки немногихъ капель мыслей, здраваго смысла или остроты (буде оная случится) изъ любой модной поэмы, чтобы критикъ могъ съ точностію сказать, находится или нѣтъ достойное чтенія въ этой влагѣ, пресыщенной пустословіемъ? Этотъ же процессъ будетъ служить доказательствомъ дѣльности Русскаго ума, такъ что одинъ

удачный стихъ, счастливый оборотъ или свѣжее слово, окрашиваетъ занимательностію сотни страницъ.

5-я *задача*. Опредѣлить удѣльный вѣсъ оригинальныхъ, подражательныхъ, поддѣльныхъ и просто выкраденныхъ мыслей, описаній, и проч., такъ чтобы читатель, погрузивъ данное сочиненіе въ извѣстную жидкость, какъ Архимедъ корону Діонисія, могъ съ одного взгляда узнать, къ которому разряду принадлежитъ оно въ цѣлости или по частямъ? Само собою разумѣется, что сюда не принадлежатъ вещи, которыя по чрезмѣрной тонкости своей неосязаемы чувствами, или такъ тяжелы, что неподъемлемы человѣческою силою, какъ напримѣръ Русскія разсужденія о романтизмѣ, и проч. и проч.

6-я *задача*. Назначить, по тщательномъ испытаніи, во сколько времени звонъ падающихъ монетъ можетъ заставить охрипнуть совѣсть критика, журналиста, историка, и тому подобныхъ? Скоро ли онъ заставитъ ее молчать вовсе, и наконецъ говорить похвалы вмѣсто правды? Замѣтить, на какое сложеніе болѣе дѣйствуетъ звукъ серебра, золота или платины, и не имѣютъ ли перстни, часы, шали и прочія дорогія вещи, магнетическаго свойства, привлекающаго къ себѣ самое желѣзное без-

корыстіе? Къ сему прибавить статью: о вліяніи устрицъ и шампанскаго на Русскую сцену, о необходимости званыхъ столовъ для поддержанія мира между тучными головами и пустыми желудками, и наконецъ, о промѣнѣ взаимнаго хваленія съ придачею, или ухо на ухо. Все это предназначается въ пользу литераторовъ-богачей, сочинителей водевилей самъ-пять и т. п.

7-я *задача*. Назначить, къ какому роду пресмыкающихся принадлежитъ чудное для нашего времени явленіе, вѣроятно выползшее изъ развалинъ XVIII вѣка: похвальныя творенія г-дъ П. П. и Х. Х.? Равномѣрно, къ какому разряду насѣкомыхъ причислить должно шести и осьминогіе стихи поэтовъ, коихъ списокъ приложенъ на оборотѣ, и разыскать, изъ чего составлены окаменѣлости, образовавшіяся въ мозгу г-на Г. Г.? Все это послужитъ къ немалой выгодѣ занимающихся натуральною исторіею словесности; особенно послѣдняя статья необходима для подбирателей классическихъ мозаикъ и писателей, извѣстныхъ своимъ *каменистымъ словомъ* (т. е. style lapidaire).

Общество назначаетъ наградою лучшаго разсужденія или изобрѣтенія большую золотую медаль. Г-да состязающіеся благоволятъ присылать свои рѣшенія и модели въ теченіе се-

го 1831-го года, адресуя: въ общество приспособленія точныхъ наукъ къ словесности, въ домъ механика Шестерницына, что у Николы на курьихъ ножкахъ.

Въ лавкѣ, находящейся въ томъ же домѣ, продаются разныя машинки, новоизобрѣтенныя господами членами упомянутаго общества, на пользу всѣхъ занимающихся практическою словесностію. А именно:

1. Волочильно-плющильный винтъ, для вытягиванія въ проволоку битв и канители эпитетовъ, необходимыхъ при переводахъ съ Греческаго языка. Съ Нѣмецкаго то жъ.

2. Стихотворный калейдоскопъ для составленія разновидныхъ размѣровъ. Онъ же можетъ служить и для ситцевыхъ образчиковъ.

3. Жестяная печка въ родѣ Египетской, для высиживанія мыслей, какъ цыплятъ.

4. Настольная мельница, подобная кофейной, для обращенія въ прахъ недружныхъ сочиненій.

5. Поженки для обстриженія ногтей журналистамъ.

6. Карманное перо-самописъ, заряжаемый по произволу экспромтами, такъ что ихъ можно написать двѣнадцать, не обмакивая въ чернильницу. Вещь необходимая для поэтовъ и остроумцевъ модиаго свѣта, заваленныхъ аль-

бокали при каждомъ появленіи ихъ въ гостиныхъ.

7. Лампа для ученыхъ, которая вовсе не пахнетъ постнымъ масломъ педантизма, какъ это обыкновенно случается. Г-да желающіе писать о важныхъ предметахъ *для дамъ*, могутъ подливать въ нее розоваго масла, отъ чего статьи, ими внушенныя, будутъ такъ милы, что ихъ можно литографировать на платьяхъ и опахалахъ вмѣсто узоровъ.

8. Театральный свистокъ, подкладываемый подъ мышку, такъ что онъ приводится въ дѣйствіе аплодисементомъ — выдумка безцѣнная для людей, желающихъ сохранить дружбу съ обѣими партіями.

9. Карманный будильникъ, для особъ, усыпляемыхъ чтеніемъ сочиненій знатныхъ особъ, начальниковъ и вообще людей намъ нужныхъ — чрезвычайно удачное изобрѣтеніе. Но въ особенности рекомендуется онъ покупателямъ!

10. Усовершенствованная паровая машинка (выдуманная знаменитымъ Нѣмецкимъ механикомъ Достеровинелемъ) для приготовленія общихъ мѣстъ къ новымъ историческимъ романамъ, поэмамъ и театральнымъ пьесамъ. Приспособленная къ Русскимъ нравамъ, она надѣвается на самоваръ и приводится въ ходъ его парами, такъ

что г-да словесники, за чашкою чаю набросавъ на бумагу что кому придетъ въ голову, и потомъ нарѣзавъ оную въ лапшу, черезъ пять минутъ могутъ имѣть удовольствіе видѣть готовую главу со всѣмъ приборомъ, даже съ пришитымъ вверху эпиграфомъ, или цѣлое дѣйствіе комедіи, драмы, водевиля, съ достаточнымъ количествомъ куплетовъ. При семъ прилагается наставленіе о раздѣленіи работъ, по системѣ Адама Смита. Впрочемъ, извѣстно, что собственныя идеи и вымыслы въ Россіи чрезвычайно рѣдки, а потому и предлагаются г-мъ любителямъ подобранныя сцены, пышныя слова, нигдѣ еще не напечатанныя рифмы, и такъ старыя остроумныя нарѣченія, что они легко могутъ итти за новыя. Особенно для сочинителей историческихъ Русскихъ романовъ, продаются сотнями Русскія поговорки, пословицы, даже брани, кои, будучи расположены въ шахматъ, образуютъ прекаминательные разговоры; описаніе одеждъ, оружій, посудъ, кушаньевъ скоромныхъ и постныхъ; также отрывки изъ древнихъ лѣтописей о поѣздахъ, обѣдахъ, свадьбахъ и проч., для приданія ученой краски сочиненію, а между тѣмъ и для наполненія страницъ, и наконецъ, описанія мѣстностей, извлеченныхъ, по недостатку топографическихъ картъ, изъ

Русской природы вообще. Они имѣютъ неоцѣненную выгоду въ томъ, что приходятся ко всякому краю и всякому урочищу нашего отечества, посредствомъ пробѣловъ, оставленныхъ для вставки имени уѣзда или горы, рѣки, болота и проч. Многіе уже употребляли это средство съ большимъ успѣхомъ, и такъ какъ, благодаря Бога, Россія извѣстна Русскимъ гораздо менѣе чѣмъ внутренность Африки, то конечно никто не подумаетъ вступаться за романтическую переноску границъ и мѣстностей. Въ случаѣ же критики (чего Боже сохрани), общество беретъ на себя неутомимую антикритику, отвѣты, возраженія и такъ далѣе.

Примѣчаніе. При сей машинкѣ для романовъ, кромѣ обыкновеннаго валика, на манеръ Валтеръ Скотта, продаются для охотниковъ и другіе на манеръ д'Арленкура, Виго-Лебрена, Павла Кока, Ирвинга, Фанъ-деръ-Фельде, Цшокке и другихъ модныхъ писателей. Русскіе валики, самороднаго образца, заказанные въ Вѣнѣ и Лондонѣ, еще не готовы; но какъ скоро получатся, немедленно будетъ повѣщено. Для освѣженія мозга г-дъ любителей, сочиняющихъ собственнымъ иждивеніемъ, равно какъ и для внушенія остроумія и веселости на литературныхъ вечерникахъ, находится въ

продажѣ наборъ изъ разныхъ невинныхъ травъ, или, такъ называемый, *Парнасскій чай*. Смотря по цѣнѣ и назначенію, онъ раздѣляется на многіе виды, изъ коихъ извѣстнѣйшіе суть:

a) Цальтогный, для издателей альманаховъ.

b) Сквозникъ, для остроумцевъ, эпиграмматистовъ, критиковъ и т. п.

c) Фамильный, для домашняго обихода съ дамами и пріятелями.

d) Жемчужный, для внушенія лестныхъ посвященій, похвальныхъ критикъ, некрологій, стиховъ ладонныхъ и т. п.

e) Торговый, для всѣхъ г-дъ употребляющихъ свои сочиненія въ видѣ товара. Его обыкновенно мѣшаютъ пополамъ съ жемчужнымъ. Общество ручается за благотворное дѣйствіе онаго чая, не только на голову, но даже на грудь и голосъ особъ, которыя удостоятъ его своимъ употребленіемъ. Смѣло и справедливо можно сказать, что эликсиръ жизни, Прудниковскій пластырь и несравненная накса — ничто въ сравненіи съ нимъ.

Кромѣ того, въ сей лавкѣ общества находятся готовые эпиграфы въ стихахъ и прозѣ, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, замысловатые конфетные билетцы, вырѣзанные изъ любимыхъ нашихъ писателей, и принимаются на заказъ различные сюжеты для безъименныхъ

сочиненій. Общество, желая поощрить юные таланты, даетъ ихъ на отработку подобныя вещи гуртомъ или по листамъ. Тутъ же можно сбывать съ рукъ залежавшіяся творенія, ибо искрошенныя по періодамъ, они, въ смѣси съ другими, могутъ составить сносное цѣлое, подобно тряпью, изъ котораго выдѣлывается бумага.

Секретарь общества А. М—ій.

1831 года.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Любезный другъ!

Податель сего письма, литтературный инвалидъ, Дворянишкинъ ищетъ у тебя должности и мѣста *застольника* при твоихъ обѣдахъ. Княгиня *Барзъ* напялала его мнѣ, сбывая съ рукъ, словно фальшивую ассигнацію; но не имѣя теперь гулящей должности, которая бы пришлась ему въ пору, препровождаю къ тебѣ въ подлинникѣ, съ приложеніемъ ходатайства о помѣщеніи. По его лицу усмотрѣть можно, какъ необходимо ему добиться нѣкоторой пажности, чтобы люди темные въ ней не сомнѣвались; а сморщенное платье его доказываетъ, что сочный бифстекъ для него дороже лавроваго вѣнка. Правда, мой инвалидъ

не имѣетъ оторванной ноги; за то онъ хромаетъ смысломъ, а это обстоятельство, я надѣюсь, стоитъ деревяшки. Не можетъ онъ похвалиться и ранами; но за то предъявитъ тебѣ неоспоримые доводы множества пощечинъ, усердно полученныхъ имъ за важныя, хотя и безъименныя, услуги начальникамъ.—Конечно такія дерзости не оставались безъ послѣдствій? спросилъ я у него. — О конечно, возразилъ онъ, съ видомъ обиженнаго сомнѣніемъ достоинства, у меня недѣли по двѣ болѣли зубы.

Жена и дѣти, эта ловушка благотвореній и предлогъ на полученіе милостей, замѣнается у него Музою, которая его безчеловѣчно покинула, обольщенная какимъ-то модянымъ романтикомъ. Двѣнадцать произведеній, малъ-мала меньше, плоды несчастнаго союза, по этому случаю остались у него на шеѣ, въ самомъ отчаянномъ положеніи: иныя, замерзая отъ простуды, иныя, искусаны будучи журналами, иныя въ чахоткѣ остроумія, другія въ водяной болѣзни, остальныя, чая движенія воды, чтобы выплыть на бѣлый свѣтъ. Право, отечество должно призрѣть ихъ несчастнаго отца, во-первыхъ потому уже, что онъ нищъ духомъ, и, въ ожиданіи будущихъ благъ, хочетъ въ земномъ мірѣ ѣсть, и между нами будь сказано, любитъ покушать лакомо; во-вторыхъ, за

благое намѣреніе ободрить народную промышленность, поддерживая бумажныя фабрики изданіемъ своихъ сочиненій, и за желаніе внести ихъ въ медицину, вмѣсто зловреднаго опіума. Онъ при мнѣ дѣлалъ опытъ надъ кошкою: бѣдная отъ перваго стиха заснула сномъ богатырскимъ; трехъ, увѣряетъ онъ, довольно, чтобъ усыпить самого крикливаго журнальнаго пѣтуха — и не мудрено!

Но, шутки въ сторону: онъ можетъ быть лихимъ надзирателемъ, вымещая на подчиненныхъ всю брань, которою осыпаютъ его записчики, или счетчикомъ, имѣя родственное расположеніе къ нулямъ. Онъ доказываетъ, что нуль (т. е. кругъ) есть символъ красоты и совершенства, ссылаясь на Винкельмана, хотя онъ его никогда не читывалъ. Наконецъ, почему тебѣ не взять его по особымъ (т. е. домашнимъ) порученіямъ — должность, для которой онъ, кажется, вылитъ. Это правда, что онъ поэтъ, а г-да поэты небольшіе охотники до дѣловой прозы, и выражаясь языкомъ боговъ, плохо знаютъ свой собственный; но по этому-то самому, любезный другъ, слогъ его будетъ неоцѣненная вещь, когда занадобится отвѣчать непонятно и плодовито, ничего не сказавши! Въ этомъ отношеніи подражая Французскому выраженію: *brave comme l'épée* (храбръ

какъ шпага), про него можно сказать, что онъ умелъ, какъ *гусиное перо*.

Распространяясь такъ о его правахъ на должности, не лишнимъ считаю сказать словечко о частныхъ его доблестяхъ. Начнемъ съ исторіи: никто въ свѣтѣ не былъ такъ преслѣдуемъ неудачами на словесномъ поприщѣ, какъ мой кліентъ. Выбитый изъ сѣдла Пегасомъ, онъ побрелъ пѣшкомъ по столбовой дорогѣ журналовъ, поплачиваясь сладкими эпиграммами, мадригалами и стишками разныхъ названій за каждый завтракъ и пріютъ; но какъ послѣ Петербургскаго наводненія мелкою поэзіею, аршинъ самыхъ пестрыхъ стиховъ сталъ дешевле Суздальскаго ситца, а причудливая публика, Богъ знаетъ съ какой стати, вздумала требовать, если *не мысли*, то по крайней мѣрѣ *смысла*, онъ рѣшился ударишься на театръ, будучи прельщенъ театральною десятиною. И тамъ, однако жъ, за бенефисную драму онъ награжденъ былъ только тремя отказками; за комедію, въ которой смѣялись очень много, но лишь надъ однимъ авторомъ — расплатились съ нимъ поклонами, и наконецъ, за трагедію, въ которой, по словамъ его, было столько жару, что имъ можно бы было натопить Лапландскую область, дали только пріятельскій совѣтъ, что ему гораздо приличнѣе носить калоши,

нежели котурны. И онъ покинулъ сцену, восклицая къ потомству, къ Шиллеру, Гете, Шекспиру и Расину — имена, затверженныя имъ по-наслышкѣ.

Что было дѣлать? журналисты, между коими прослылъ онъ беззубою пилою, не принимали его критикъ. Злодѣи книгопродавцы познакомились съ мадамъ грамматикою, и стали платить чуть не горохомъ за лубочные переводы Вальтеръ Скотта съ Французскаго. Страховое общество взаимнаго хваленія совсѣмъ вышло изъ вѣры, и не могло своимъ членамъ давать прежняго хода. Оставались одни альманахи и азбуки — онъ объявилъ себя издателемъ обоихъ.

У альманачной Музы было два сына умныхъ, а третій дурачекъ; отъ него-то и расплодилось племя альманачное до нѣсть числа, и до сего дня. Дворянчикинъ, видя всѣ блестящія и звучныя имена небеснаго и земнаго міровъ занятыми, вскочилъ *стрекозою*; но видно не въ добрый часъ. Благосклонность публики въ это время заморожена была крещенскими холодами, и книгопродавцы привѣтствовали ее извѣстными стихами:

Ты все пѣла — это дѣло;
Такъ поди-же попляши!

Къ счастію, азбучные успѣхи, отъ его ли

дарованія къ этому невинному роду твореній, или отъ запроса на такой дешевый товаръ, выручили нашего героя изъ бѣды, и помогли свести концы съ концами. Все еще называя себя смиреннымъ поэтомъ, но уже отказавшись отъ публичныхъ наградъ, онъ волею и неволею приспособилъ свой геній къ домашнему быту: это вообще характеристика нашего вѣка. Онъ началъ поклонами въ поясъ всѣмъ блестящимъ каретамъ; потомъ въ праздничные дни втерся въ переднія своихъ начальниковъ и значущихъ дамъ, и наконецъ, посредствомъ поздравительныхъ стишковъ къ именинымъ пирогамъ, и плачевныхъ элегій къ похоронной кутьѣ, онъ добился чести шевелиться въ углу гостинныхъ, всюду встрѣчаемый, если не улыбкою, то по крайней мѣрѣ, усмѣшкою, потому что лесть, будь хоть крупнѣе строусоваго яйца, ее всякій глотаетъ легче миндалинки. Съ тѣхъ поръ, никто изъ двуногихъ и четвероногихъ не успѣетъ заболѣть и выздоровѣть, надѣть новое платье или сафьянный ошейникъ, потерять ленточку или разбить игрушку, чтобъ не явились на это происшествіе приличные сонеты, которые въ устахъ его звучатъ такъ жалобно, какъ цѣпи колодника, припѣвающаго: *Будьте милостливы, жалостливы!*

Въ домашнемъ быту, любезный другъ, онъ

кладъ, не животное. Ты можешь его употреблять вмѣсто колокольчика, чтобы кликать людей, и вмѣсто пробочника, для откупориванія бутылокъ: а это, въ наше строптивое время, въ которое молодые люди считаютъ за низость подать начальнику шинель, или застегнуть полсть у санокъ — очень рѣдкая добродѣтель. Кромѣ того, онъ можетъ быть преполезною мебелью въ библіотекѣ, потому что умѣетъ лазить по полкамъ, не хуже гостиподворскаго кота, и будетъ смѣшить тебя, перевирая заглавія иностранныхъ книгъ. У женыі твоей онъ будетъ на побѣгушкахъ къ портнымъ и магазинщицамъ, въ мяготины лавки и въ театральную контору. Онъ станетъ носить въ гостиницы твоему соловью таракановъ, твоему попугаю сахару, и твоимъ дѣтямъ привичныхъ нѣтушковъ. Онъ терпѣливо будетъ сносить твое ворчанье, когда ты сердитъ, смѣяться твоимъ шуткамъ, когда ты веселъ, хвалить твое вино, каково-бы оно ни было, и удивляться достоинствамъ, которыхъ въ тебѣ еще нѣтъ. Однимъ словомъ: будетъ часто смѣшонъ, иногда забавенъ и всегда доволенъ, и все это изъ того только, чтобы ты позволилъ ему толковать за столомъ о словесности и романтизмѣ (о которомъ онъ смыслитъ едва ль не короче нашего князя Сидора), да чтобы не забылъ

его, когда станешь представлять къ крестику или мѣстечку.

Я надѣюсь, и княгиня *Барбъ* желаетъ пріюта нашему инвалиду: помѣсти его, cher ami! Ты этимъ одолжишь насъ обоихъ; знаешь: долгъ платежемъ красенъ! Правда, нынѣ не жалуютъ бездѣльныхъ чиновниковъ; но оглянись кругомъ, и увѣришься, что (не смотря на исключенія) ты будешь не первый и не послѣдній начальникъ, у котораго впятеро болѣе ногъ шаркаетъ по полу, чѣмъ скрыпитъ перьевъ по бумагѣ.

Твой, и прот. А. М.

КАВКАЗСКАЯ СТЕПЬ.

(Письмо изъ Дагестана.)

Сей часъ изъ сѣдла, пишу къ вамъ. Я ѣздилъ осматривать отрывокъ той славной стѣны, которая дѣлила древній міръ съ міромъ невѣдомымъ, т. е. съ Европою; которая построена была Персами, а быть можетъ, и Медами, отъ набѣговъ насъ, варваровъ.... Какое чудное превращеніе мыслей и событій!!

Если вы охотники чихать отъ пыли старинныхъ рукописей, и корпѣть надъ грудами ненужныхъ книгъ, то совѣтую вамъ выучиться по-Татарски, и пробѣжать *Дербентъ-Наме*; вспомнить Латынь, и прочесть *de muro Caucaso* Баера; заглянуть въ Гмелина; пожалѣть, что Клапротъ ничего не писалъ объ этомъ, и

плное пожалѣть, что шевалье Гамба написалъ о томъ чепуху — наконецъ сличить еще дюжину авторовъ, которыхъ я забылъ или не знаю, но которые знали и упоминали о Кавказской стѣнѣ — и потомъ, основываясь на несоримыхъ доказательствахъ, сознаться, что время построенія этой стѣны *неизвѣстно*. Что ее выстроилъ однако жъ Хозревъ или Нушированъ, или Исфендіаръ или Искендеръ, т. е. Александръ Македонскій .... это ясно, какъ солнце въ часъ затмѣнія! — Наконецъ, что стѣна эта соединяла два моря (Каспій съ Эвксиномъ), и раздѣляла два міра, защищая Азію отъ набѣговъ Хазаровъ, какъ говорятъ Европейцы — Урусовъ, какъ толкуютъ Фарсійскія лѣтописи. Дѣло въ томъ, что, благодаря разладицѣ историческихъ показаній — достовѣрнаго про Кавказскую стѣну можно сказать одно: она существовала. Но строители, хранители, обновители, рушители ея — когда-то знаменитые, а теперь безъименные, снятъ давнымъ давно сномъ богатырскимъ, не заботясь, что про нихъ бредятъ. Я не потревожу ни ихъ пепла, ни вашей лѣни; я не потащу васъ сквозь туманную ночь древности отыскивать пустую кубышку .... Нѣтъ! я приглашаю васъ только прогуляться со мной прекраснымъ утромъ сего іюня, чтобы посмотрѣть почтен-

ныя или, если угодно, даже почтеннѣйшія развалины Кавказской стѣны. Опояшьте саблю, бросьте за спину ружье, крикните, опускаясь въ сѣдло, махните нагайкою — и марш въ горы.

Желѣзныя ворота Дербентскія распахнулись, едва заря бросила на барабанъ свои розовые перстни, и нашъ поѣздъ загремѣлъ подъ древними сводами. Я прикомандированъ для этого живописнаго путешествія къ Дербентскому коменданту, маіору Шипилкову. Съ нами былъ еще одинъ капитанъ Куринскаго полка, и этимъ ограничивалось число Русскихъ любопытныхъ, и мудрено ли? Со времени Петра Великаго, знаете ли сколько разъ Русскіе осматривали Кавказскую стѣну? Только трижды! Первый былъ Петръ Первый въ 1722 году. Второй, полковникъ Верховскій, тотъ самый, котораго памятнически убилъ Аммалатъ-Бекъ, въ 1819 году; — третья очередь выпала намъ. Можетъ быть, вы подумаете, что путь до ней многотруденъ, далекъ, опасенъ? Ничего не бывало. Стоитъ взять съ собою десятокъ вооруженныхъ Татаръ, сѣсть съ лѣвой стороны на коня, и поѣхать, какъ сдѣлали мы — и вотъ ѣдемъ.

Утро было будто нарочно выдумано для пути. Туманы раскинули надъ нами дымку свою,

и палящіе лучи солнца, сквозь нее просѣянные, лились на насъ тихою теплотою и свѣтомъ, неоскорбляющимъ глазъ. Дорога вздымалась въ гору, и опять ныряла на дно ущелій. Поѣздъ нашъ, огибая какой нибудь дикій обрывъ Кавказа — стоилъ кисти Сальватора. Выразительныя физіономіи Татаръ, подъ нахлобученными шапками, оружіе, блестящее серебромъ, лихіе кони ихъ, и горы, и скалы, и море вдали — все было такъ ново, такъ дико, такъ живописно — хоть сей часъ на картину. Комендантъ хотѣлъ сначала осмотрѣть все достойное замѣчанія въ окрестности, и мы начали розыски пещерою дивовъ, верстахъ въ пяти отъ Дербента къ югу, въ ущеліи, называемомъ по старинному коге-кафъ (*кафъ* — тѣснина, *коге* — духи).

Невдалекѣ отъ урочища Дашъ-Кессенъ (каменоломня), горныя воды, пробивъ громады, вырыли себѣ уютную дорогу, по дну которой струится теперь скромный ручеекъ. Въ этомъ-то ущеліи поселило преданіе дивовъ (Татары выговариваютъ *Дев*) для домашняго обихода Дербентскихъ сказочниковъ. Дивы, какъ вы знаете, исполины, чада ангеловъ и людей — я не говорю женщинъ, ибо теогонія Востока преднолагала самихъ ангеловъ женщинами (о блаженныя времена!). Магометъ очень воо-

ружился противъ сего вѣрованія, по самъ выдумалъ почти то же: населилъ рай свой вѣчнодѣственными гуріями, зеленаго, синяго и розоваго цвѣтовъ. Сколько волшебныхъ замковъ построила Индійская и Фарсійская поэзія изъ тумановъ басни! Въ какія живыя краски облекло, въ какую радужную, очаровательную атмосферу погрузило восточное воображеніе этотъ исполинскій, хоть мыльный шаръ поэзіи! Несытая былью, подавленная существенностію, лишенная надежды на завтра, она кинулась въ бездну невѣроятнаго, несбыточнаго, и создала изъ ничего міръ небывалый, невозможный, но пышный и плѣнительный. Какъ Мильтоновъ сатана, котораго одно крыло проѣхало уже сводъ ада, а другое было еще въ небѣ — она связала рай и адъ на землѣ, населила ее существами дивными, изумляющими, коихъ лица и дѣла имѣютъ одно земное лишь то, что они осуществились въ умѣ человѣка. Этого мало: поэзія Семитическая, скучая землей, какъ золотою клѣткою, ударила пятой въ темя горъ, и дерзко рванулась въ пространство; облетѣла поднебесье и занебесье, облекаясь то въ синеву дали, то въ радугу дождей, вѣялась какъ опахаломъ облаками, освѣжала чело свое въ лонѣ бурь, пила росу со звѣздъ, рвала солнцы какъ ягоды, и спона,

подобно райской птицѣ, утомленная полетомъ, свивала крылья свои, и отдыхала на землѣ, изукрашенной чудесами. Для насъ непонятны красоты поэзіи Арабскихъ, гдѣ простота восходитъ до ребячества, страсти до бѣшенства, жестокость до безчеловѣчія, и между тѣмъ все дышитъ высокою дѣвственною природою!... Отъ чего это? — Мы вылощены и округлены потокомъ вѣковъ подобно валунамъ рѣчнымъ; но развѣ отъ того менѣе красивъ зубристый обломокъ гранита! Для насъ, поклонниковъ логики и ариѳметики, не существуетъ и чудеснаго міра Гиндустана и Фарсистана; ни-белунги и саги Сѣвера, наши *бабы-яги* и богатыри-полканы намъ кажутся только любопытными карикатурами; мы потеряли чувство, которое встарину оживляло народамъ образы ихъ — *у насъ нѣтъ очки объ чудесное!* Въ волшебной поэзіи мы видимъ линіи прекраснаго мертвеца, и разборъ красоты ея для насъ уроки анатоміи, ни больше, ни меньше. Некультенное удивленіе не замѣнитъ намъ тѣхъ порывовъ восторга, когда у людей сердце и умъ вначалѣ одно и то же; когда самая наука была плодомъ вдохновенія, а не вдохновеніе плодъ науки. Творецъ даровалъ дитяти-человѣчеству какое-то предугаданіе всего, что истинно и прекрасно, дозволилъ ему, пользу-

ясь всѣми причудами младенчества — занимать въ долгъ у будущаго мужества, а насъ лишилъ способности отрядывать въ минувшее, и облекаться въ вѣрованія по произволу!

Сонсѣмъ тѣмъ воображеніе, не вовсе простылое, любитъ и старается хоть въ половину обманывать себя, и воздвигать изъ обломковъ, если не цѣлые дворцы, то живописныя развалины дворцовъ. Такъ было и со мной, когда, отставъ отъ поѣзда, съѣзжалъ я по обрывистому ущелію. Я не могъ закружить мечтаній моихъ до того, чтобы на яву видѣть кругомъ себя созданія причуднаго воображенія восточныхъ поэтовъ; по крайней мѣрѣ я припоминалъ извѣстные мнѣ изъ переводовъ отрывки восточныхъ поэмъ, какъ прелестный балетъ, какъ игру калейдоскопа, какъ непрямощіеся призраки обаятельнаго сна. Надо мной широкими кругами плавалъ орелъ; горный ключъ невидимо журчалъ глубоко подъ ногами, и на востокѣ синѣлось необъятное море, облитое моремъ туманомъ . . . и кругомъ утесы, опоясанные зеленью, вѣнчанные гранатникомъ съ пламенными цвѣтами . . . какія рамы для фантазіи!

Проводникъ заблудился — такъ мало любопытны Татары до подручныхъ мѣстъ, освященныхъ преданіемъ! Наконецъ, уставъ про-

драться верхомъ сквозь дубнякъ и колючку и терны, мы бросили коней, и по крутизнѣ спустились на дно ручья — это единственный ходъ къ дому дивовъ (девынъ-эвь), который иначе называютъ гибель визиря (визиръ-гранъ), убитаго тутъ во время котораго-то нашествія Персіянъ. Мы шли подъ сводомъ вѣтвей, но жидкимъ каменьямъ — и вотъ пещера предъ нами. Ручей образовалъ тутъ широкое колѣно, и огромная скала, упавшая съ вышины отвѣсныхъ береговъ ущелія, стоймя стоитъ у входа, словно на стражѣ. Жерло этой пещеры, законченное дымомъ, не болѣе осьми шаговъ поперегъ и двухъ съ половиною въ вышину . . . Входимъ — пещера не много расширяется сводомъ — сзади ея другая поменѣе; въ бокахъ выбиты ясли для коней... помостъ усѣянъ тысячами костей — ибо это мѣсто всегдашній притонъ разбойниковъ и плотоядныхъ звѣрей. Одинъ изъ бывшихъ съ нами эсауловъ разсказывалъ, что онъ въ прошломъ году убилъ тутъ гіенну. Вообще должно признаться, что пещера дивовъ обманула наше ожиданіе — въ ней тѣсно и душно жить, не только великанамъ, да и обыкновеннымъ смертнымъ; одно лишь преддверіе ея, заключенное утесами, заросшее деревами, заплетенное кружевомъ плюща и дикаго винограда,

стоило взгляда, даже избалованнаго красотами природы. Впередъ! За горной деревнею, Джалганны, взялись намъ показать еще диковинку: это пещерка, извѣстная подъ именемъ эвджекляръ-пиръ т. е. святыхъ сосцевъ. За крутизной надо было слѣзть опять съ коней, и хватаясь за корни деревъ спуститься въ глубокую долину ... спустились, оглядѣлись: при подошвѣ скалы, подъ шатромъ тутовыхъ деревъ, указали намъ небольшую впадину, равнѣ сажень въ діаметрѣ, съ округлаго потолка которой висѣли каменные сосцы, весьма похожіе на женскія груди, и изъ каждаго виспадали капли воды, звуча на чашѣ, выбитой ими. Дождевая влага растворяя известковые слои, и потомъ процѣживаясь сквозь трещины пластовъ, болѣе твердыхъ, мало по малу образовала эти натеки, оставляя по закону сцѣпленія добычу свою кругами около скважинъ. Впрочемъ, я видалъ тысячи разновидныхъ сталлактитовъ, и никогда подобнаго. Вѣроятно особенная клейкость составныхъ частей раствора была виной этой странной игры случая. Женщины окрестныхъ горъ вѣруютъ крѣпко въ цѣлительную силу воды, истекшей изъ сосцевъ матери природы. Когда въ груди ихъ изсякнетъ молоко, онѣ издалека приходятъ сюда пѣшкомъ, приносятъ въ

жертву барана, мѣшаютъ съ землей воду каменныхъ сосцевъ, и набожно пьютъ ее. Если вѣра не всегда спасаетъ, за то всегда утѣшаетъ, а это развѣ бездѣлица! — И мы напились чудесной воды, и мы полюбовались дикимъ удолiемъ; вскарабкались вверхъ, и скова проѣхавъ деревню, ударились прямо къ западу; намъ должно было объѣхать недоступную конямъ крутизну, по которой спускалась дагъбари (горная стѣна), отъ четырехъ-угольной крѣпостцы, на самомъ обрывѣ ея стоящей; но прежде чѣмъ приблизиться къ желанныхъ развалинамъ, насъ повели на сѣверную сторону горы, посмотрѣть чѣмъ-то знаменитаго ключа.

— Вотъ онъ, вотъ Урусъ-булахъ! (Русскій родникъ), сказалъ Татарскій бекъ, бородатый нашъ чичероне, привставъ на стременахъ и подымая папахъ свой. Изъ него пилъ Русскій падишахъ Петеръ, когда впервые взялъ Дербентъ!

Мы спрыгнули съ коней, и съ благоговѣнiемъ черпали горстью воду. Сколько лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ утолялъ жажду величайшаго изъ царей и величайшаго изъ людей (двѣ доблести, рѣдко между собою сжившiяся) — но онъ все еще журчитъ неизмѣнно — за то, какъ много измѣнились съ

тѣхъ поръ Русскіе! Съ какимъ самосознаніемъ нравственной и политической силы попирали мы Кавказъ, на который первый положилъ пяту преобразователь Россіи! Я воображалъ себѣ державнаго великана, въ толпѣ его сподвижниковъ и Кавказскихъ пѣздниковъ, дивящихся другъ другу, и еще болѣе дивящихся быть вмѣстѣ! О какъ бы дорого далъ я, чтобы угадать, какія мысли звѣздились во всеобъемлющей головѣ Петра, въ ту минуту, когда, припавъ къ этому ключу, глоталъ онъ кровавыя потомъ своимъ купленную влагу! сомнѣніе ли волновалось въ душѣ его объ успѣхѣ зачатаго имъ дѣла; или великая мысль величія Россіи и тогда явилась въ его умѣ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ полной силѣ и въ полномъ вооруженіи? . . . Правда ли, что

. . . Заранѣ слышитъ геній
Рукоплесканія грядущихъ поколѣній!

Князь Дмитрій Кантемиръ былъ въ поѣздѣ Петра Великаго, и передалъ разсказъ о Кавказской стѣнѣ Баеру.

И наконецъ, мы приблизились къ развалинамъ Кавказской стѣны, примыкающей къ крутизнѣ. Какое величавое, и съ тѣхъ вмѣстѣ, какое печальное явленіе предстало очамъ на-

шимъ . . . побѣда природы надъ искусствомъ, времени надъ трудомъ человѣка! Тамъ видѣлась постепенность разрушенія à priori и à posteriori, такъ сказать, поколѣніе вѣковъ, работающихъ на судьбу. Слабое зерно, запавъ въ трещинку, въ спай камней, и разрастаясь деревцомъ, индѣ выдвинуло корнями плиты вонъ изъ средины стѣны, раскололо другія, разорвало, сбросило ихъ долой . . . и вотъ воздухъ, питатель жизни, грызетъ ихъ; дожди, живители злаковъ, точатъ ихъ, и разрушеніе не щадитъ лежащихъ во прахѣ. Вѣтеръ засыпаетъ, растеніе дробитъ самые останки, застилаетъ коварною зеленью листовъ раны, прорѣзанныя его корнями.

Лишь одинъ сострадательный плющъ, какъ пѣсня Баяновъ, свиваетъ двѣ половины времени, вяжетъ будто узами родства стоящихъ и падшихъ — еще цѣлыя и уже разбитыя громады. Дубы, грѣцкіе орѣшники, тутъ и чинары шумятъ внизу, торчатъ изъ боковъ, гнѣздятся на верху развалинъ, сидятъ на нихъ, опустивъ крылья подобно орламъ, вцѣпясь когтистыми корнями, и нерѣдко, опрокинутые бурею, держатъ на воздухѣ свою добычу. Но не вездѣ время побѣдило твердыню. Во многихъ мѣстахъ, сбросивъ съ чела зубчатую корону бойницъ, она еще гордо вздымается

надъ народомъ деревъ, ее осаждающихъ отовсюду, и лишь столповидные тополи помаваютъ наравнѣ съ ней кудрявыми головами, гордясь однимъ ростомъ, не крѣпостію. Мелкія поросли и сѣдой мохъ, эта пѣна столѣтій, лѣпятся по груди великановъ древности, и наводятъ на нее свою мрачную краску. Индѣ зелень просѣдаетъ по швамъ камней узорчатою вышивкою. Индѣ плющъ распустилъ съ башни зеленое знамя свое — но верхъ стѣны даже съ цѣлыми бойницами всегда увѣнчанъ кустарникомъ, и между него стоятъ молодыя деревья, будто на стражѣ. Гляди на свѣжесть этой стѣны, подумаешь, что она сто лѣтъ назадъ построена и едва ль 50 назадъ брошена на съѣденіе пустынѣ. Дожди не размыли, а только выгладили ее, и перуны будто сплавили ее въ одну толщу. И какая тишь, какая глушь въ окрестности! Нарѣдка развѣ прощебечетъ птичка. Роскошная трава ложится на корень не тронута, и только копыто коня Табасаранскихъ разбойниковъ топчетъ поляны, багряныя земляникою!

Но къ дѣлу. Кавказская стѣна начиналась у южнаго угла крѣпости Нарынъ-Кале, и шла прямо отъ востока на западъ, по холмамъ и оврагамъ непрерывно, до обрыва, который мы объѣхали (это верстъ пять отъ Дербента),

видны еще развалины четырехъ небольшихъ крѣпостей, изъ коихъ крайнія цѣла. Такихъ крѣпостецъ въ послѣдствіи проѣхали мы много. Онѣ стоятъ другъ отъ друга на неровномъ разстояніи (вѣроятно для воды), и сами разной величины, отъ 120 до 80 шаговъ длиною. Шириной всегда менѣе. Иногда съ четырьмя круглыми наугольными башнями, иногда съ шестью. Укрѣпленія сіи, примыкавшія къ стѣнѣ, вѣроятно, служили главными караульнями, складочными мѣстами для оружія и запасовъ, мѣстомъ жительства начальниковъ, и точками сбора и опоры въ случаѣ прорыва. Самая стѣна вышиною и толщиною и образомъ кладки совершенно сходна съ Дербентскою. Первая, правда, измѣняется иногда, смотря по игрѣ почвы — ибо старались сколь возможно сохранить горизонтальность коропы. Но тамъ, гдѣ стѣна должна итти по наклону, верхніе и прочіе ряды плитъ идутъ уступами, такъ что каждая плита вырублена наугольникомъ. Плиты почти всѣ $2\frac{1}{2}$ футовъ длины, $1\frac{5}{4}$ ширины, а толщиною около одного. Кладены двѣ плиты вдоль стѣны, а третья между ними ребромъ и вовсе безъ цементу; за то внутренность стѣны сбита изъ булыжнику и обломковъ, связанныхъ глиною съ примѣсью извести. Башни маленькія и всегда

набиты землею, и всегда головою своею въ уровень со стѣною — отличительная черта Азіятской фортификаціи отъ Готической, въ которой башни высоко надымаются надъ стѣною, пусты, и потому въ нѣсколько рядовъ прорѣзаны стрѣльницами (meurtrières). Но всего замѣчательнѣе и всего болѣе доказывающее незапамятную древность этой стѣны, есть *неизвѣстность сводовъ:* явленіе, которое замѣтилъ Денонъ въ пирамидахъ Фараоновъ. Съ опасностію сломать голову или задохнуться въ ямахъ, ползалъ я по всѣмъ тайникамъ, въ каждой крѣпостцѣ къ водѣ ведшимъ, и увѣрился, что сводный замокъ строителямъ Кавказской стѣны былъ невѣдомъ, хотя въ Дербентскихъ воротахъ, вѣроятно послѣ и въ разныя времена, выведены своды, и не острые (en ogive), но всегда круглые (plein-cintre), вопреки Арабской архитектурѣ, распространившейся вмѣстѣ съ исламизмомъ. Коридоры накрыты или широкими плоскими плитами, или плитами въ выступъ, или наконецъ кровлею изъ плитъ, сложенныхъ какъ на карточномъ домикѣ, треугольникомъ. Кровли въ выступъ иногда снизу округлены, что и даетъ имъ ложный видъ свода — но малѣйшее разсмотрѣніе разувѣряетъ тѣмъ скорѣе, что онѣ почти всѣ отъ тягости, на нихъ лежащей, трес-

пули и расщепились вѣерокъ. Камень сѣченъ былъ вѣроятно въ близкихъ каменоломняхъ, теперь забытыхъ и заросшихъ дебрями; но преданіе увѣряетъ, что его возили съ морскаго берега. Отсутствіе въ немъ раковинъ, составляющихъ основу приморскаго Каспійскаго известняка, опровергаетъ это лучше трудности перевозки въ бездорожныя горы.

Посмотрѣвъ и осмотрѣвъ Кеджаль-Кале, крѣпостцу, отстоящую верстъ на 20 отъ Дербента, и подивившись ея цѣлости, не смотря на то, что вѣковыя дерева заваладѣли ея верхомъ и внутренностію, мы поворотились по другой сторонѣ стѣны, чтобы выѣхать на дробную дорогу. Кази-Мулла, нынѣшній пророкъ горъ, отбитый въ прошломъ году отъ Дербента, хотѣлъ укрѣпиться въ Кеджаль-Кале. Когда я былъ еще мальчикомъ, сказалъ онъ: я лазилъ въ ней за грушами; но оказалось, что родникъ, въ срединѣ ея бывшій, засорился, и потому держаться въ ней было бы невозможно. Мы отобѣдали въ деревнѣ Метаги, расположенной на высокой горѣ, на самомъ прелестномъ мѣстоположеніи — и потомъ, чрезъ Сабнаву, счастливо доѣхали до Дербента, только искоса взглянувъ на башни историческаго, теперь исчезнувшаго города Камака, на высокомъ

слава его замѣнилась теперь другою: *Калмыкъ* (т. е. житель деревни Камака), значитъ въ окрестности, дуракъ. Увѣряютъ, что между ними, какъ между Абдеритами, нѣтъ ни одного умнаго человѣка.

Но гдѣ, но какъ, но далеко ли шла Кавказская стѣна? далеко ли остались ея развалины, нерасхищенныя на постройку деревень, какъ во многихъ мѣстахъ очевидно? — Вотъ вопросъ, который, можетъ быть, вѣкъ останется задачею. Вѣсть между двумя намазами (т. е. около 6 часовъ) перелетала по этой стѣнѣ отъ моря до моря! говорили мнѣ Татары. Теперь мы не знаемъ вѣсти о ней самой — и признаться, это не много дѣлаетъ чести Русской любознательности.

Какъ бы то ни было, этотъ образчикъ огромной силы древнихъ властей существовалъ, и теперь дивитъ насъ и мыслію и исполненіемъ. Подумаешь, это замыслили полубоги, а построили великаны. И сколь многолюдны долженствовали быть древлѣ горы Кавказа! Если скудные граниты Скандинавіи названы officina gentium, какъ же не дать Кавказу имени колыбели рода человѣческаго? На его хребтахъ бродили первенцы міра; его ущелія кипѣли племенами, которыя по вѣтвямъ горъ сходили ниже и ниже, и наконецъ разошлись

по дѣственному лицу земли, куда глаза глядятъ, завоевывая у природы землю, а потомъ землю у прежнихъ пришельцевъ съ горъ — вытѣснили, истребляли другъ друга, и обливали потоками крови почву, надъ которою недавно плавали рыбы и бушевалъ океанъ *. Положимъ, что Персидскіе или Мидійскіе цари могли волей своею двинуть цѣлые народы для постройки этой стѣны; но вѣроятно ли, чтобы сіи народы могли жить нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ малонаселенной, лишенной избыточнаго земледѣлества? — Вѣроятно ли, чтобы гарнизоны крѣпостей и стража стѣны, всегда ее охранявшіе, имѣли продовольствіе изъ Персіи?... Не правдоподобнѣе ли положить, что горы сіи, тогда малопокрытыя лѣсомъ, были заселены многолюдными деревнями, золотились роскошными жатвами, и что для сооруженія этого оплота отъ сѣверныхъ горныхъ и степныхъ варваровъ употреблены были туземцы? Не правдоподобнѣе ли . . . но что такое *подобіе правды*, когда мы не знаемъ, что такое сама *правда*?... Я кончилъ.

* Когда одинъ высъ Кавказа были видимы изъ-подъ воды — онъ необходимо походили на цѣпь острововъ, и вотъ почему, полагаю я, Кабардинцы, древнѣйшее племя Кавказа, называютъ себя Адеге — т. е. островитяне.

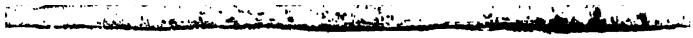
КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 году . . . 5
Измѣнникъ 117
Вечеръ на бивуа[illegible] 159
Второй вечеръ н[illegible]ѣ. 179
Объявленіе отъ [illegible] способленія точныхъ
наукъ къ сл[illegible] 203
Рекомендательно[illegible] 217
Кавказск[illegible] 227



TE D

IVEF
), C
9430